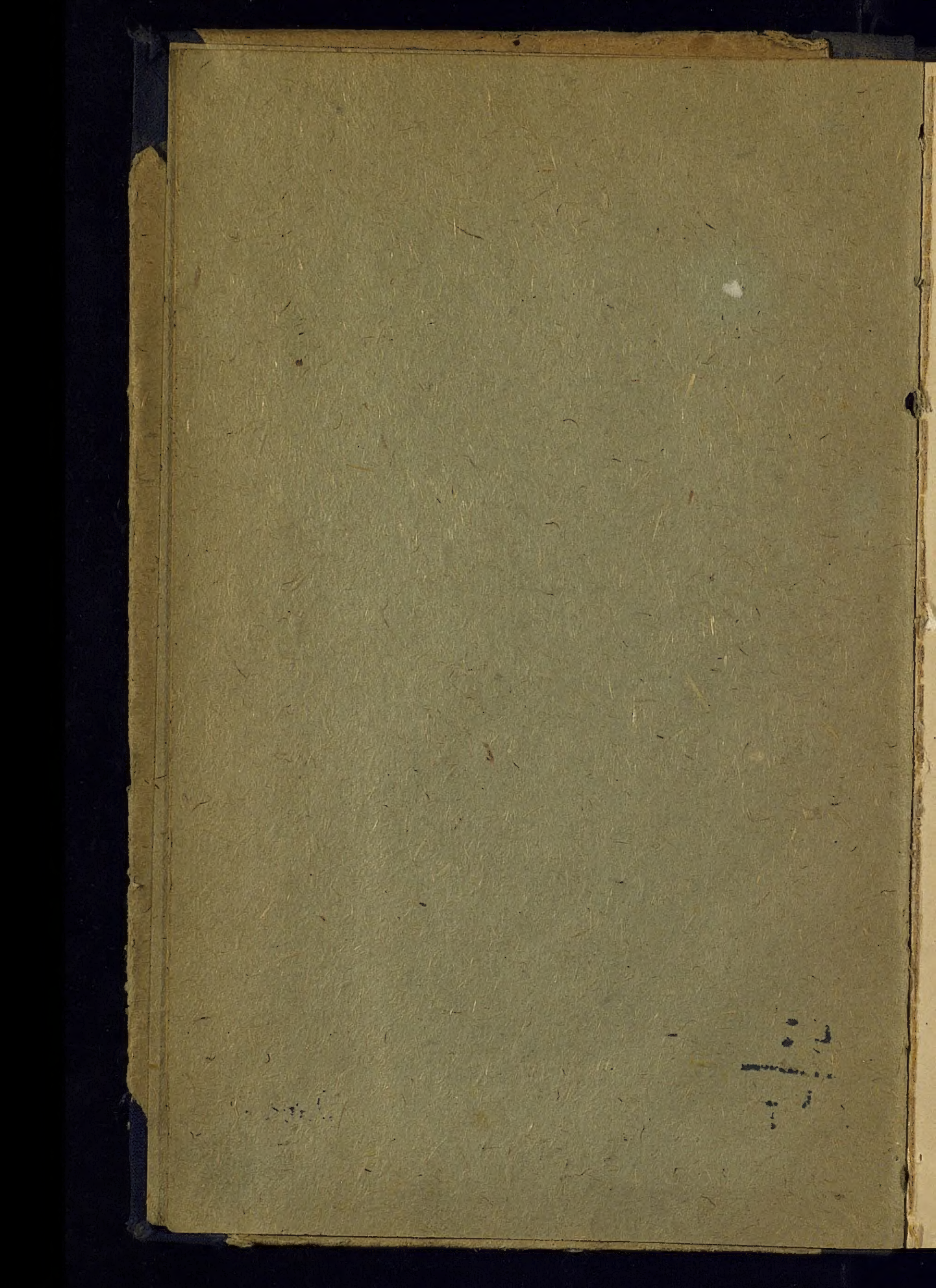
Н. И. Ульянов

Очерки истории народа коми-зырян

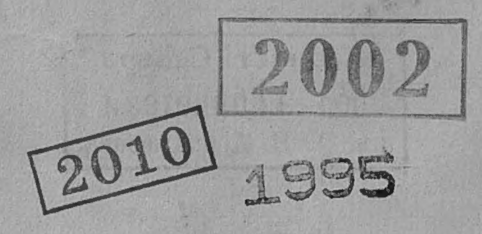
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. И. УЛЬЯНОВ

Очерки истории народа

КОМИ-ЗЫРЯН

Партийное издательство
Москва 1932 Ленинград

Типография им. Володарского, Ленинград, Фонтанка 57.

ВСТУПЛЕНИЕ

„Зыряне как народ не имеют истории в собственном смысле этого слова“. Это заявление некоего Кл. Попова, чья книжка „Зыряне и зырянский край“ долгое время считалась лучшим трудом по этнографии коми, в высшей степени характерно. Этнография в прежнее время была той научной отраслью, благодаря которой изучение „инородцев“ хоть в какой-то мере отличалось от изучения флоры и фауны Российской империи. Для малых народов существовала смутная надежда через этнографию попасть наконец и в историю, и если тем не менее сами этнографы старательно не пускали их в семью „исторических“ народов, то чего же можно было ждать от историков?

Представителям этой аристократической науки самая мысль об истории зырян казалась нелепой и смешной. „Финское или чудское племя — писал профессор С. В. Ешевский — мало чем заявило свое право на имя народа исторического“. Ешевскому, специалисту по всеобщей истории, выпало на долю развить ту концепцию в отношении „инородцев“, которой пользовалась до последнего времени русская буржуазия. Его статья „Русская колонизация Северо-восточного края“, напечатанная в 1866 г. в „либеральном“ „Вестнике Европы“ [1], была снабжена послесловием от редакции, в котором расценивалась „как почин в весьма

[1] 1866 г., № 1.

1*

интересном отделе отечественной истории и как будущая его программа". Программный характер статьи был признан и одним из крупнейших историков России того времени, петербургским профессором К. Н. Бестужевым-Рюминым. В своем письме, напечатанном в том же номере „Вестника Европы", он точно также заявляет, что работа Ешевского „может служить как бы программой для будущих исследований". Центральным моментом программы были цитированные выше строки, лишавшие северо-восточные племена всякого права „на имя народа исторического", причем аргументировалось это не чем иным, как природной ограниченностью этих племен.

„Не таится ли в самой организации известных племен их способность к той или другой форме образования? Не обозначены ли природой заранее пределы, до которых может достигать умственное и нравственное развитие известной породы, способность ее воспринимать только известные идеи? Не очерчен ли заранее круг понятий, из которого нет выхода тому или другому племени?" Этой фатальной обреченностью малых народов Ешевский объясняет их вымирание при столкновении с русской расой и с русской цивилизацией. „Инородцы" поэтому заслуживают внимания лишь в той мере, в какой они явились материалом для русской истории, поскольку они явились действующими лицами в совершении великой исторической миссии России на северо-востоке. Изучение процесса их постепенного поглощения русским племенем должно убедить мир в том, что русские по отношению ко всему западному миру играют роль защитника и проводника европейской культуры. „Победа христианского и европейского начала над степными кочевниками — пишет Бестужев-Рюмин в упомянутом письме — вот самая любопытная сторона русской истории, а главное поле битвы — северо-восточный край и Сибирь; уже с опытом, вынесенным из этой местности, и оградив себя от Востока, русское государство и русский народ обратился к Югу, на Новороссию". По словам Ешевского, „важное значение вооруженной борьбы Руси с Азией оценено и признано всеми; но великие результаты мирного завоевания менее ясны, хотя их следствие несравненно многозначительнее". Эту многозначительность „мирного" завоевания должно показать изучение колонизации финского северо-востока. „Принимая в себя чуждые племена, претворяя их в свою плоть и кровь, русское племя клало на них неизгладимую печать европеизма, открывало для них возможность участия в историческом движении народов европейских. В этом отношении Русь была тем же передовым бойцом за Европу против Азии, каким была она, приняв на себя первые удары страшного монгольского нашествия, грозившего снести с земли только что образовавшиеся и еще неокрепшие начала европейской гражданственности". В этих строках — вся та знакомая нам с давних пор реакционная пошлость о мессианстве России, которой в большей или меньшей степени были заражены все крупнейшие школы буржуазной историографии.

Но если борьба с татарами некоторым восторженно-патриотическим умам казалась действительно чем-то похожим на спасение европейской цивилизации от монголов, то принятие концепции Ешевского относительно северо-восточной колонизации, в качестве программного положения, иначе как глубочайшим цинизмом старой исторической науки объяснить нельзя.

Объявить безудержный грабеж приуральских и сибирских народов, равный которому можно найти только в истории похождений испанцев в Америке и англичан на Тихом океане, священной защитой основ европейской цивилизации; преклоняться перед высоким развитием „личности" у первых русских колонизаторов, когда „десяток таких людей стоил многих сотен"; усматривать высший государственный разум в действиях правительства, в его „чисто великорусском умении обеспечивать свое владычество в покоренных странах",—для этого надо было иметь совершенно своеобразные взгляды и на честность научной мысли и на общественную „нравственность", о которой так любили говорить в старину, и которая так часто фигурирует в статье Ешевского. Между тем концепция Ешевского — Бестужева-Рюмина прочно вошла в обиход русских буржуазных историков, и все их работы по колонизации европейского северо-востока и Сибири, вплоть до последнего времени, по существу не выходили из рамок начертанной Ешевским „программы". Все они изучали северо-восточную колонизацию с точки зрения победного наступления русского племени на Азию и только в этой плоскости уделяли кое-какое внимание „инородцам". В жизни „инородцев" отмечался лишь один „исторический" момент — это момент порабощения их русскими, накладывавший на них „неизгладимую печать европеизма". Согласно этому цитированный нами этнограф с полным основанием заявляет, что „только одно событие в жизни зырянского народа имеет свойство факта исторического — это принятие христианства", положившее начало покорения его Москвой. В наши дни нет необходимости доказывать великодержавную основу подобных заявлений; она всем ясна и находится в полном соответствии с теми идеалистическими воззрениями на историю, при господстве которых только и возможно было лишать малые народы права „на имя народа исторического".

Теперь настало время, раз навсегда покончив с подобными воззрениями, создавать вместо высочайше апробованной истории России историю народов СССР, в которой бы ранее угнетенным народам не отводилась роль удобрения для исторического развития великорусского племени, но в равной мере уделялось бы внимание их прошлому, настоящему и будущему.

Марксизм широко раскрывает двери в историю всякому, кто двигает историю вперед, кто не виснет тормозом на ее колесах, а придает им усиленное поступательное движение. Трудящиеся малых народов, прошедие через Октябрь, пролившие свою кровь за победу пролетариата на одной шестой земного шара и приблизившие тем самым наступление бесклассового общества,

заслуживают в не меньшей степени звание народов исторических чем какой-либо из так называемых „великих“ народов. Если трудящиеся коми внесли свою долю в сокровищницу революции, если ныне они успешно идут по пути строительства социализма в СССР, долженствующего решить судьбу мировой революции, то какие еще патенты на историчность нужны им? Коми-народ завоевал право на внимание к себе и к своему прошлому. Но изучение истории вызвано не простым любопытством; история есть особый метод познания настоящего при помощи фактов прошлого. Поэтому степень интереса к минувшим судьбам Коми-края определяется степенью интереса к его теперешней судьбе.

А она достаточно любопытна. Перед нами отсталый крестьянский народ, которому, по выражению академика Лепехина, „во удел судьба определила места как от соседства просвещенных народов удаленные, так и солнечными лучами на краткое время согреваемые, великими лесами и множеством озер и болот преисполненные и близко к северному полюсу лежащие“.[1] Три четверти населения коми ни разу не слышало паровозного гудка. И ныне трудовые массы этого народа вступают в высшую стадию общественного существования — в социализм. Более крутой перелом трудно себе представить. Вырываются с корнями вековые устои жизни, разбиваются древнейшие традиции и возникают новые неизвестные доселе основы. Это крушение старого сопровождается вполне естественно соответствующей оценкой прошлого. Не этим ли объясняется тот необычайный интерес к своей истории, который наблюдается сейчас в Коми-области? Однако история занимается лишь теми вопросами, которые вызваны современной действительностью. Буржуазная историография этого не сознавала, вернее делала вид, что не сознает; мы же исходим из этого вполне открыто. Вот почему настоящая работа, несмотря на совершенную неизученность истории коми, не ставит своей целью детальную монографическую ее разработку, а является попыткой ответить на ряд вопросов, возникших в связи с переживаемым периодом и приобретших значительную политическую остроту. Думается, что это лучший способ принести дань настоящего уважения национальной истории коми и в то же время подлинно научный метод ее изучения. Если освещенные здесь темы в какой-то мере окажутся созвучными проблемам, возникшим в результате победоносного строительства социализма в Коми-области, и если они внесут свою долю в разрешение этих проблем, то это и будет доказательством нужности и целесообразности предлагаемой работы.

---

[1] „Путешествие акад. Ивана Лепехина в 1772 г.“, ч. 4. СПБ. 1805 г., стр. 313.

1

Биармия

СИГУРД:
— лучше расскажи нам, Гуннар, о своей поездке в Биармию; славный подвиг пробраться так далеко на север, и мы охотно послушаем о нем.

ИОРДИС:
— поездка в Биармию — дело торговое, и нечего говорить о том в кругу витязей.

ИБСЕН
Воители в Гельгеланде

Историю коми приходится начинать с увлекательной легенды, с красочного мифа, который уже двести лет как претендует на права достоверного исторического факта. Север для древних писателей представлялся страной вечной тьмы и ужаса. „Часть мира, проклятая от природы и покрытая густым мраком“—говорит о нем Плиний. И тем не менее предание гласит о богатой,

могущественной и культурной стране, существовавшей якобы когда-то в этой земле „необетованной и невпутной“.

Эта полярная держава издавна считалась государством древних коми, и ныне, когда коми получили автономию, и в широких массах возрос интерес к своему прошлому, — эта легенда пользуется большим успехом и усиленно распространяется патриотически настроенной мелкобуржуазной интеллигенцией. Некто Мосшег напечатал в журнале „Коми-му“ ряд статей, озаглавленных „Свидетельства о древнем величии и культуре народа коми“, где между прочим в качестве одного из главных свидетельств приводит факт существования Великой Биармии, как называлось это легендарное государство коми.

В исторической литературе немного найдется сюжетов, которые, занимая исследователей в течение двух столетий, продолжали бы оставаться столь загадочными и неразрешимыми. Современное состояние этого вопроса таково, что всякий новый его пересмотр возможен лишь при условии специального глубокого исследования.

Мосшег этого исследования, разумеется, не проделал, а просто сослался на прежних историков. Как и следовало ожидать, авторитетами для него оказались не новейшие ученые, а историки XVIII в., преимущественно Чулков, автор многотомного „Исторического описания российской коммерции“, из которого Мосшег и почерпает все аргументы в пользу существования Биармии. Это обращение к авторам XVIII ст. чрезвычайно характерно. У них существование Биармии обосновано наиболее слабо, но зато они дают то представление о ней, которое нужно Мосшегу. Это представление выработалось не случайно, и можно с уверенностью сказать, что биармийский вопрос самым своим возникновением обязан прихотливому сплетению различных националистических тенденций.

Едва ли не первым человеком, возвестившим миру о существовании в древности на русском севере славного биармийского царства, был швед Штраленберг, взятый при Петре I в плен, долго живший в России и написавший книгу о восточных странах. Узнав, что одна из областей Российской империи до сих пор носит имя Перми Великой, он, недолго думая, решил, что Пермь или Пермия есть не что иное, как испорченное имя Биармии, о которой говорится в средневековых скандинавских песнях, описывающих походы викингов в эту страну. Патриотическое самолюбие Штраленберга без сомнения испытывало известное удовлетворение при утверждении, что легендарная страна, в которой его предки одерживали блестящие победы, находилась на территории той самой России, которая ныне является виновницей крушения шведского могущества.

Легенда о Биармии, усвоенная после Штраленберга русской историографией, особенно пышно расцвела под пером Чулкова и Ломоносова. В упомянутом труде Чулкова дана такая красочная картина Биармии, что ее необходимо привести здесь полностью.

„В самой древности — говорит Чулков — область сия, то-есть Великая Пермия или Биармия, была славнейшей из лежащих на севере и востоке земель, по причине бывших в ней знатных торгов между древними тамошними обитателями и многими азиатскими народами. Древние персы и народы, подданные Великому Моголу, приходили для торговли в сию страну, привозя с собой наилучшие произращения своих земель, т. е. золото, серебро и другие драгоценные и шелковые товары; а оттуда вывозили продукты, рождающиеся в областях сих северных обитателей, а более мягкую рухлядь". „Пермию населяли народы, имянуемые Чудь; оные имели особых своих князей в древние времена, которые весьма прилежали к размножению коммерции, строили города и учреждали в оных пристани и ярмарки". „В Северную Двину-реку входили с моря морскими судами, где летом бывало многолюдное и славное торжище".[1]

Столь же ярко описывает Биармию и Ломоносов. „Пермия, кою они (скандинавы) Биармиею называют, далече простиралась от Белого моря вверх около Двины-реки, и был народ Чудской сильной; купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и другими нормандцами. В Северную Двину-реку с моря входили морскими судами до некоторого купеческого города, где летом бывало многолюдное и славное торговище; без сомнения где стоит город Холмогоры".[2]

Рассказы Чулкова и Ломоносова о „знатных торгах" на севере были до такой степени приняты как нечто, не подлежащее сомнению, что Козьма Молчанов в своем „Описании Архангельской губернии"[3] ищет уже следов тех древних торговых путей, которыми восточные купцы проходили в Биармию. Со слов устьсысольских торговцев он утверждает, будто „вблизи Чердыня, где ныне учреждается Екатерининский канал для соединения рек Камы с Двиною, видны и поныне древние следы бывшей старинной большой дороги, колесами выбитой, которая уже заросла большим, в охват, лесом". По мнению Молчанова это и есть древняя торговая дорога в Биармию.

Если попытаться уяснить причины того интереса, с которым Чулков и Ломоносов отнеслись к Биармии, то нельзя не признать, что и здесь в основе лежат патриотические чувства. Труд Чулкова, направленный на восхваление „российской коммерции", на примере с Биармией имел хороший случай показать, что „коммерция" существовала на территории России с незапамятных времен. Образование на территории России национального рынка к концу XVIII в. было уже завершено, и создание пышного генеалогического древа „российской коммерции" приходилось как раз во-время. Что же касается Ломоносова, то ему Биармия понадобилась для более сложного построения. Ломоносов задумал свою „Российскую историю" как сплошную героическую эпопею,

[1] „Историческое описание Российской коммерции", 1781 г., т. I, кн. 1, стр. 69, 72, 97.
[2] „Российская история", СПБ, 1786 г., стр. 114.
[3] Издано в 1813 г.

как торжественную оду, и „народ славянский“ с самого начала своего исторического существования выступает у него во всем блеске доблести и всяческих добродетелей. Однако эти прекрасные славянские качества надо было как-то примирить с тем печальным фактом, что, пришедши на великую русскую равнину, славяне перемешались здесь с какими-то чухонцами, и что в жилах современного русского человека течет не менее половины финской крови. Сам Ломоносов это прекрасно знал, потому что происходил из холмогорских крестьян, где долго сохранялось предание о народе Чуди, частично истребленном славянами, а частично слившемся с ними. „Немалое число чудского поколения — говорит Ломоносов — соединилось со племенем словенским и участие имеет в составлении Российского народа“. Надо было доказать, что „рассуждая о разных племенах, составивших Россию, никто не может почесть ей это в унижение“, а для этого требовалось установить, что чудь была не менее могущественным и славным народом, чем славяне. Ломоносов поэтому пишет специальную главу о чуди, где приглашает читателя „оглянуться на времена, прошедшие около лет тысячи, и поискать Чудского могущества“. Биармия пришлась ему в этом случае весьма кстати.

Наконец в средине XIX в. Биармия нашла больших ревнителей в лице знаменитых финнологов—Шегрена, Кастрена, Аспелина и Европеуса, подошедших к изучению этого вопроса во всеоружии методов лингвистики и археологии. Эти ученые, утверждая факт существования могущественной и культурной Биармии, пытались также обосновать положение Штраленберга о тождестве Биармии с Пермией и даже объяснить самый смысл слова „Биармия“, производя его от финского Päärma, что значит край, окраина, которое приезжими скандинавами было переделано в Beormas, в Biarmland и в таком виде перешло в песни скальдов. Будучи сами финнами, Шегрен и Кастрен без сомнения не могли пропустить случая лишний раз указать на существование в древности великой финнской державы. Что же касается Европеуса, о котором речь будет особо, то он впал в немилость и у финнологов, и у своих соотечественников финнов вследствие того, что хотя и утверждал факт существования Биармии, но насельниками этой страны считал не предков современных финнов, а родственных им угров.

Любопытно, что из всех крупных русских историков прошлого столетия версию о великой Биармии принял не кто иной, как Костомаров. [1] Украинец, родоначальник федерализма в русской историографии, Костомаров цеплялся за каждый факт, помогавший ему подрывать историческую теорию российского великодержавия. Его присоединение к сторонникам Биармии чрезвычайно характерно и еще раз убеждает в том, что в основе популярности биармийского вопроса лежит сложная игра националистических страстей.

---

[1] См. его „Севернорусские народоправства“.

Между тем, если мы обратимся к тем первоисточникам, на основании которых сложилась литература о Биармии, мы увидим, что они вовсе не дают повода к тем эфектным выводам, к которым приходило большинство исследователей. Если не считать глухого упоминания об этой стране у арабских писателей, то единственным источником всех сведений о Биармии являются древненорманнские рассказы — поэмы о путешествиях викингов в таинственную, далекую и богатую страну, лежащую где-то на самом севере, представление о которой у скандинавов нередко соединялось с представлением о „царстве мертвых". Отец критического направления А. Шлецер чрезвычайно скептически отнесся к скандинавским сагам, считая их более романами, нежели произведениями, содержащими подлинно исторические факты. Так же относятся к ним и многие видные историки XIX в.

В самом деле, в какой-нибудь повести о биармийском царе Хиальмаре, переплывающем моря на волшебной дудочке, или в описании громадных храмов, наполненных золотом и населенных чудовищными коршунами и быками, больше фантастики, чем реального содержания.

Но те же историки советуют отличать от этих басен повести, имеющие характер вполне трезвых и правдоподобных повествований. Таковые действительно имеются. Однако, читая их, мы хоть и встречаем там упоминания о Биармии, но эта Биармия выглядит далеко не „могущественной" и „великой" страной, какой она представлена у цитированных писателей.

Вот одно из самых ранних сказаний, повествующее о путешествии некоего Охтера или Отера, ездившего в Биармию в IX в. Это повествование по существу не сага, а отчет, представленный Охтером о своем путешествии английскому королю Альфреду. Последний, будучи писателем, включил его в свою „Всемирную историю", благодаря чему рассказ и дошел до нас.

„Отер рассказывал своему государю, королю Альфреду, что он живет севернее всех норманнов. Он прибавил, что живет в стране, расположенной на севере от западного моря. Он однако говорил, что эта страна оттуда еще простирается очень далеко на север, но она вся пустынна, и только на немногих местах поселились здесь и там финны, занимаясь зимою охотою, а летом рыбным промыслом на море. Он рассказывал, что однажды хотел испытать, далеко ли эта земля простирается на север и живет ли кто на севере от этой пустыни. Тогда он поехал на север вдоль берега; все время в течение трех дней по правой стороне у него оставалась пустынная страна, открытое море по левой. Тогда он достиг северной высоты, дальше которой китоловы никогда не ездят. Он же продолжал путь на север, насколько еще мог проехать в другие три дня. Тут берег сворачивал на восток или же море врезывалось в страну; известно ему было только то, что ему пришлось там ждать попутного ветра с запада и отчасти с севера, а потом он поплыл вдоль берега на восток, сколько мог проехать в четыре дня. Тогда он принужден был ждать прямого северного ветра, потому что

берег здесь сворачивал на юг или же море врезывалось в страну, — этого он не знал. Тогда он поплыл отсюда к югу вдоль берега, сколько мог проехать в пять дней. Там большая река вела внутрь страны. Тогда они уже в самой реке повернули обратно, потому что не смели подняться вверх по самой реке, боясь враждебного нападения; эта страна была населена по одной стороне реки. Это была первая населенная страна, какую они нашли с тех пор, как оставили свои собственные дома. Все же время по правой руке их была пустынная страна, исключая населений рыбаков, птицеловов и охотников, которые все были финны; по левой же их руке было открытое море. Страна биармийцев была весьма хорошо населена, но они не посмели поехать туда. Но земля терфиннов была совсем пустынна, кроме отдельных местечек, где жили охотники, рыбаки и птицеловы. Много вещей ему рассказывали биармийцы, как об их собственной стране, так и о странах, лежащих кругом; но он не мог проверить их достоверность, потому что сам он их не видал. Финны, казалось ему, и биармийцы говорят почти на одном и том же языке. Вскоре он опять поехал туда, интересуясь природой этой страны, а также и из-за моржей, потому что их зубы представляли собою весьма драгоценную кость. Несколько таких зубов он преподнес королю, а их кожа была в высшей степени пригодна для корабельных канатов". [1]

Из всех сказаний о Биармии этот рассказ представляется самым правдивым и достоверным. Мы нарочно привели его полностью, чтобы читатель сам мог видеть, что здесь ни о какой великой державе, ни о каких князьях, „которые весьма прилежали к размножению коммерции", нет и в помине. Здесь говорится только об охотниках, рыбаках и птицеловах, да о том, что „страна биармийцев была весьма хорошо населена". Из рассказа Отера мы не можем даже определить, в которую из беломорских рек он заехал.

На основании показаний других саг думают, что то была Северная Двина, потому что там часто упоминается какая-то река Вина, на берегах которой происходят жестокие битвы биармийцев с приезжими норманнами. Так, в саге о Гаральде Графельде рассказывается, как „мужественно говорящий покоритель князьков блестящий меч свой окрасил в кровавый цвет на Востоке, где заставил народы разбежаться по биармийским городам; в этом походе ураган мечей коснулся знатного юноши, и повелитель мужей приобрел себе на берегу Вины славное имя". Эрик Кровавая Секира точно так же „имел кровопролитное сражение в Биармии у реки Вины и одержал победу", причем в этом походе он взял в жены местную принцессу Гуннхильду, дочь Эзура Длинноволосого. Не менее часто фигурирует Вина как место оживленной торговли норманнов с биармийцами.

---

[1] Перевод заимствован из книги Тиандера „Поездки скандинавов в Белое море".

В так называемой Орвард-саге, известном повествовании о поездке Карли, Гуннстейна и Торера-Собаки, которое подобно рассказу Отера представляется весьма правдивым рассказом, характер этой торговли описывается особенно отчетливо. „Приплыв в Биармию, они пристали к гавани и начали производить торговлю, причем все, у кого были какие-либо меновые товары, на все предметы получали большой барыш. Торер приобрел огромное количество меховых товаров — беличьих, бобровых и соболиных шкур; Карли имел точно так же много денег, на которые купил множество мехов. Когда ярмарка тут кончилась, они вывели корабли из реки Вины, потому что тогда было объявлено о конце перемирия, которое они заключили с жителями“. Выйдя из устья Вины, Торер предложил спутникам отправиться на грабеж, и они, пристав к берегу, отправились через поле и лес к биармийскому храму. Здесь начинается описание самой интересной части приключений, послужившей поводом для развития легенды о необыкновенных богатствах Биармии. „Пришли они на место, на большом пространстве свободное от деревьев, где была высокая деревянная ограда с запертою дверью. Эту ограду охраняли каждую ночь шесть сторожей из местных жителей, по два человека на каждую третью часть ночи. Когда Торер и его спутники подошли к ограде, сторожа ушли уже домой, а те, которые должны были их сменить, еще не пришли на караул. Торер, подойдя к ограде, зацепил остатком секиры верхний край ограды и, повернувши вниз рукоятку, перелез, постепенно приподнимаясь, через ограду с одной стороны ворот. А когда Карли в то же время перелез через ограду с другой стороны ворот, то оба они пришли одновременно к двери, удалили засовы и отворили ворота; а затем все остальные вошли во двор“. Во дворе возвышалась холмообразная насыпь, на которой стоял деревянный идол Йомаль. Грабители стали перерывать насыпь, в которой земля оказалась перемешанной с золотыми и серебряными монетами. Не довольствуясь этим, они похитили стоявшую перед идолом серебряную чашу с деньгами и отрубили Йомалю голову, чтобы снять с шеи золотую цепь. После этого, преследуемые проснувшимися биармийцами, грабители благополучно достигли кораблей и уплыли в море.

Эта сага по количеству сообщаемых ею сведений едва ли не самая пространная из всех сказаний о Биармии, и историки чаще всего ссылаются на нее в доказательство богатства и процветания Биармии. Однако та редакция, в которой она приведена здесь, стала известной русским исследователям сравнительно недавно; обычно пользовались более поздней редакцией, представлявшей собою литературную обработку первого рассказа. На примере с Орвард-сагой особенно хорошо видно, как простые безыскусственные рассказы, слагавшиеся очевидно непосредственно после поездок и приключений, постепенно обрастали литературными добавлениями, яркими образами и превращались в блестящие поэмы, где первоначальные „серенькие“ факты тонули в море поэтического вымысла. Рискуя утомить

читателя большими выдержками, мы приведем отрывок из второй редакции Орвард-саги, представляющей описание храма Йомаля. „Построенный весьма искусно из самого лучшего дерева, он был украшен золотом и камнями драгоценными, ярко озарявшими все окружные места. На голове Юмалы блестела золотая корона с двенадцатью редкими камнями; ожерелье его ценилось в 300 марок золота; на коленях сего идола стояла золотая чаша, наполненная золотыми монетами и такой величины, что четыре человека могли напиться из нее досыта. Его одежда ценою своею превосходила груз трех богатейших кораблей“. [1]

Путем сравнения этих двух редакций мы непосредственно наблюдаем развитие легенды о сказочной Биармии. Между тем еще казанским профессором Смирновым было указано на поразительное сходство храма, описанного в первой редакции саги, с вогульскими и остяцкими храмами, существовавшими до самого последнего времени. Тот же деревянный истукан, на колени которому ставится по возможности серебряная чаша, а за неимением таковой—простая металлическая тарелка с деньгами, тот же обычай перемешивать во дворе храма землю с монетами, и тот же деревянный забор, окружающий храм. Практикуется и охрана храма особыми караульщиками. Никакого намека на высокую культуру и на баснословные богатства тут нет, и мы вряд ли будем далеки от истины, если скажем, что культура биармийцев стояла на гораздо более низком уровне, чем то пытаются изобразить сторонники биармийской легенды. То обстоятельство, что на торгах у них фигурируют только меха, свидетельствует, что это был народ по преимуществу охотничий, как об этом и сообщает Охтер. Наличие у них ярмарки и торговли с приезжими купцами нисколько не должно нас смущать. Такие ярмарки существовали и у африканских негров, и у американских индейцев, и у камчатских чукчей. В XVI—XVII вв. за северным Уралом у остяков и самоедов, в знаменитой Мангазее, существовал грандиозный пушной торг, привлекавший тысячи русских купцов. Торг этот представлял собой больше обман и грабеж беззащитных туземцев и был вероятно весьма похож на биармийскую ярмарку, куда норманны приезжали не только с целью купить, но и с целью пограбить. Биармийцы повидимому хорошо знали этих средневековых хищников, грабивших северные племена, и были с ними постоянно во враждебных отношениях. Указание Орвард-саги на то, что Торер и его товарищи заключали с биармийцами на время торговли перемирие, очень характерно.

Таким образом, нисколько не подвергая сомнению показания о Биармии таких скандинавских известий, как Орвард-сага, или рассказ о путешествии Охтера, мы не находим там никаких следов „древнего величия“. Мосшегу, вместо того, чтобы ссылаться на Чулкова, следовало хорошенько самому проанализировать скандинавские известия. В неменьшей степени ему сле-

[1] Карамзин, История государства Российского, т. II, прим. 62.

довало знать новейшие работы о Биармии, вплоть до книжки Тиандера,[1] статей Брауна и Кузнецова, написанных уже в XX в. Там он мог бы прочесть между прочим и такие строки: „Биармия на берегах Северной Двины и в пределах Перми Великой, есть мираж, научное заблуждение, с которым пора покончить раз навсегда".[2] Даже те из писателей, которые готовы допустить факт существования Биармии, решительно отвергают мысль, будто Биармия была государством древних коми. В свое время А. Дмитриев[3] и пермские краеведы приводили много доказательств в пользу того, что Биармия не могла существовать на территории Коми-края. Мы видели, что единственной причиной отождествления древних коми с биармийцами является созвучие слов „Пермь" и „Биармия". Слово „Пермь", сохранившееся ныне только в названии города и народа пермяков, обитающего по Каме, распространялось некогда и на их единоплеменников—зырян. В русских летописях и древних новгородских грамотах зыряне неизменно именуются Пермью или Вычегодской Пермью. С каких пор имя пермян стало исключительностью камских коми, а за северными утвердилось прозвище зырян,—сказать трудно; в старину всех их русские называли пермью. Это-то обстоятельство и послужило основанием для утверждения, будто под Великой Биармией следует разуметь государство Коми, пришедшее потом в упадок под влиянием каких-то внешних причин, повидимому—русского завоевания. Надо сказать, что новгородцы уже в XI ст. проникали не только на Двину, но и на Печору, и если бы на пути им попалось большое культурное государство, это было бы так или иначе отмечено в летописях. Между тем ничего подобного найти нельзя. Кроме того, всеми исследователями отмечалось отсутствие каких бы то ни было археологических находок в районе Двины, свидетельствующих о поездках сюда норманнов. Не найдено следов великой державы и в бассейнах Вычегды, Сысолы и Камы. В начале XIX в. известный любитель старины Берх, начитавшись у Чулкова и Ломоносова рассказов о Биармии, поехал на Каму со специальной целью открыть остатки погибшей цивилизации коми, но, раскопав несколько старых чудских городищ, никаких Помпей не обнаружил. Берх первый высказал предположение, что Биармия, если она и существовала, то находилась на западном берегу Белого моря.[4] В XX в. к этому же пришел Тиандер, заявивший, что в „поисках следов биармийцев прежде всего следует обратить внимание на карелов". То же самое утверждают Браун и Кузнецов.

Можно было бы привести еще ряд доводов против утверждения о существовании в прошлом великой, могущественной

---

[1] „Поездка скандинавов в Белое море", СПБ., 1906 г.

[2] Кузнецов. К вопросу о Биармии, „Этнографическое обозрение", 1905 г., № 2—3.

[3] „Пермская старина", вып. I.

[4] „Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей", СПБ, 1821 г.

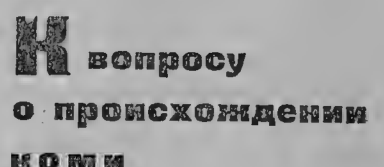
державы Коми, по достаточно и вышесказанного, тем более, что самое это утверждение покоится на одном единственном „доводе“—на созвучии слов „Биармия“ и „Пермь“.

Мы считали бы себя не в праве посвящать специальную главу этому сюжету, если бы вопрос о Биармии не приобретал в данный момент острого политического значения. Дело в том, что кое-где Биармия расценивается не как миф, не как „научное заблуждение“, а как исторический факт, и этот „факт“ служит оправданием тех планов военного вторжения в СССР, которые там строятся. Сведения, которые доходят до нас из белой Финляндии, довольно недвусмысленно показывают, что там готовится нечто вроде реставрации Биармии. Для финских ученых защита Биармии всегда была делом национальной чести, но с момента лапуасского выступления весной 1930 г. Биармией заинтересовалась вся финская буржуазия. Сейчас не проходит дня, чтобы на страницах печати не развивалась тема восстановления Великой Финляндии, которая должна простираться от Ботнического залива до Уральских гор. Как ни забавен этот лапуасский бред, какие веселые улыбки ни вызывали бы „скромные“ мечты финских фашистов, мы во всяком случае не можем позволить, чтобы пища для этого бреда подготовлялась внутри СССР. Толки о Великой Биармии, как научно ни на чем не основанные и политически вредные, должны быть оставлены.

Списано с образа [illegible]
церкви 10го Ноября 1839 года

Древне-зырянская надпись на иконе „Сошествие св. духа" в Воронежской церкви. (Гос. Публичн. библ. в Ленинграде)

2

К вопросу о происхождении коми

У ученых установилась почтенная традиция писать историю того или иного народа не иначе, как с „древнейших времен". Ни один труд прежде не мог рассчитывать на признание, не отдав солидной дани незапамятным временам. Марксистской исторической науке удалось освободиться от этого гипноза древности и научиться обходить ее без всякого ущерба для

себя. В настоящее время марксисты обращаются к ней лишь постольку, поскольку эта древность нужна для понимания сегодняшнего дня. Только с этой точки зрения нам и приходится в настоящей книге уделять место вопросам, связанным с „доисторическими“ судьбами коми. Для буржуазных историков туман древности всегда был удобен с точки зрения протаскивания своих политических тенденций. Об этом свидетельствуют все „истории“, к которым они приложили руку. Не избежала этого и история коми, причем узловым пунктом для развития буржуазных теорий „сегодняшнего дня“ явились вопросы, связанные с проблемой „происхождения“ коми. Обойти эти вопросы нельзя уже хотя бы потому, что буржуазно-националистической интеллигенцией они поставлены перед массами в качестве чрезвычайно важных вопросов и при этом освещаются весьма тенденциозно. Старое учительство и краеведы постоянно фиксируют внимание трудящихся на теориях происхождения коми, и сочинено этих теорий великое множество. Пишущему эти строки пришлось слышать даже от одного скромного бухгалтера его собственную оригинальную теорию происхождения зырян. Такое множество доморощенных исследователей „доисторических“ времен—вещь несомненно опасная. Увлечение „родной старины“—продукт буржуазной культуры; оно всегда являлось неизменным спутником нарождения капитализма, образования национальностей и может рассматриваться как определенный симптом националистических настроений. В данном случае оно опасно еще и потому, что коми-национализм с самого момента своего зарождения был осложнен великофинским шовинизмом, а в учениях о праистории зырян этого шовинизма больше, чем где бы то ни было. Почти все существующие гипотезы о происхождении коми в той или иной степени питают финский патриотизм, агрессивно настроенный по отношению к СССР. Борьба с ними является настоятельной необходимостью для всякого историка-большевика. Между тем буржуазная лингвистика, на которой основываются все эти гипотезы, придает им видимость большой убедительности. Тем более существенным кажется нам ознакомление советского читателя с содержанием этих теорий и разоблачение их националистической сущности. Этой историографической по существу проблеме и посвящен настоящий очерк.

Взгляды, сходные с господствующими в буржуазном стане теориями, высказывались еще в XVII в., т. е. задолго до развития современной финнологии. Проезжая в 1692 г. через зырянский край, Эбергард Избраннедес заинтересовался происхождением коми и опрашивал на этот предмет самих жителей. Жители простодушно отвечали, что „они о роде своем не известны и не ведают, что предки их пришлые-ль и из которых стран — не знают“. Избраннедес поэтому принужден был „своим чаянием удовольствоваться“, а чаяние его заключалось в том, что „сей народ прежде сего жительство имел по Лифляндским или Курляндским границам и оттуда военным или иным каким-

нибудь случаям выехал и по иным местам переселиться принужден был".[1] Основанием для такого заключения послужило то обстоятельство, что некоторые из спутников Избраннедеса, знавшие ливонский язык, могли свободно объясняться с зырянами. Это указание на родство языка коми с прибалтийскими языками, ставшее впоследствии одним из краеугольных камней финнологии, было сделано более 200 лет тому назад. Пытались установить родство северных народов друг с другом и историки XVIII в., но делали они это путем интерпретации древних авторов, погружаясь в киммерийский и скифский мрак.

Так Татищев всю семью финских народов, к которым он причисляет и коми, производит от древних сарматов, стараясь приурочить к существующим племенам народы, упомянутые у Геродота.[2] Ломоносов, напротив, от сарматов производил славян, а финские племена от чуди, которая, в свою очередь произошла от скифов. „Единство славян с Сарматами, Чуди со Скифами для многих ясных доказательств неоспоримо". „Чудского или скифского народа древнее величество явствует из великих его остатков, как видим в Ливонии, Эстляндии, Финляндии, Ингрии, Карелии, Лапонии, Пермии, в Черемисе, Мордве, в Вотяках и Зырянах. Все говорят языками много между собою сходными и от одного начала, от древнего Скифского происшедшими".[3] Если отбросить рассуждения о тождестве чуди со скифами, как неизбежную для XVIII в. дань Геродоту и Страбону, то Ломоносова можно считать основоположником гипотезы, пользовавшейся у позднейших исследователей наибольшим вниманием. Вопреки Избраннедесу, утверждавшему, будто коми не помнят своего родства, они приводят немало фактов, из которых видно, что в некоторых пермяцких селениях жители считают своими предками чудь и в отдельных семьях помнят даже имена своих древних родоначальников. Так, в одной деревне крестьяне носят в поминальные дни на древние чудские могильники яства в берестяных коробочках и вешают эти яства на сосну со словами: „помяни господи Чудака NN (называют имя, переходящее из рода в род)".[4] В другой деревне дети носят в семик на чудские курганы блины и оставляют там, говоря: „помяни господи чудского дедушку, чудскую бабушку".[5]

Но любопытно, что некоторые писатели приводят множество случаев отрицания коми своего родства с чудью. По словам Ефименко, пермяки считают чудь, жившую некогда на территории Перми и оставившую после себя городища, народом, отлич-

---

[1] „Путешествие и журнал Избраннедеса". „Древне-Российская Вивлиофика", т. VIII, изд. 1789 г., стр. 362—364.

[2] Иногда он это делает не без остроумия, например, в одноглазых аримаспах, крадущих у грифов золото, он видит теперешних вотяков, которые называют себя „Ари", а свою землю „Арима". „Геродот их мню именовал Аримасли и басню о единоглазых примешал"—заключает Татищев. (История Российская, кн. I, ч. I, стр. 14).

[3] Ломоносов, Древняя Российская История, СПБ., 1786 г., стр. 7 9.

[4] И. Н. Смирнов. Пермяки, стр. 125.

[5] Там же.

2*

ным от пермяков; пермяки пришли на место исчезнувшей чуди, которая „ушла в землю“.[1] Попов, живший среди зырян и хорошо их знающий, сообщает, что зыряне Устьсысольского и Яренского уездов называют древние развалины жилищ, встречающиеся на территории этих уездов так же, как и русские, „чудскими могилами“, считая чудь — старинных обитателей края — народом чуждым себе, иноплеменным и даже враждебным.[2] Будучи уверен в их чудском происхождении, Попов недоумевает, почему зыряне так решительно открещиваются от своих предков. В литературе о происхождении коми „чудскому“ вопросу отводится так много места и высказано по этому поводу так много разноречивых мнений, что он по справедливости может считаться одним из самых запутанных, тем более, что самая природа „чуди“ остается в высокой степени невыясненной.

Вокруг этого вопроса, от которого веет мраком доисторических времен, издавна наматывался сложный клубок политических страстей, нашедших в наши дни яркое проявление в завоевательных планах Финляндии.

Ученых давно занимала судьба древних народов, живших на великой русской равнине в „дославянский“ период, причем наибольший интерес, в данном случае, обнаруживали финнпа считавшие себя потомками этих древних племен, которые, о их мнению, были финскими. Этот интерес со стороны финнов был не случаен. Он стал обнаруживаться в тот момент, когд в Финляндии начали пробиваться первые ростки капитализма; а капитализм, как известно, всюду зажигает патриотические чувства и мечты о национальном величии. Прежний господствующий класс Финляндии — феодалы—не признавал народного языка suomi; официальным и литературным языком был шведский так же, как и во всех областях культуры господствовало шведское влияние. Будучи политическими союзниками русского самодержавия, финские феодалы в культурном отношении были вассалами Швеции. Поэтому, когда нарождающаяся финская буржуазия вступила в борьбу с дворянством, эта борьба с самого начала вылилась в форму борьбы за национальную культуру, за родной язык, против всего иноземного и чуждого „финскому духу“. Национализм был тем победным знаменем „суометарианской“ партии, под которым она успешно боролась во второй половине XIX в. с „шведоманами“. Появился ряд крупных буржуазных ученых, проводивших в своих трудах националистические идеи, утверждавших за финской культурой и за финском государством право на самостоятельное существование. Начались усиленные поиски героического прошлого и древнего величия финского народа. Знаменитый М. Кастрен совершает свои экспедиции по европейскому северу и Сибири в поисках древней колыбели финской нации, а Шегрен усиленно изучает племена русского севера в качестве младших братьев современных финнов,

---

[1] П. С. Ефименко. Заволоцкая чудь, стр. 43. Архангельск, 1869 г.
[2] К. Попов. Зыряне и зырянский край, стр. 13. М. 1874 г.

с которыми они некогда составляли один народ. В результате их изысканий получилась картина, способная вскружить голову любому патриотически настроенному финскому буржуа. Оказалось, что в древности финны представляли могущественный народ, занимавший необъятную территорию, включавшую в себя не только весь север и значительную часть России, но и огромную долю Азии. Установлена была высокая культура этого древнего народа в лице могущественной Биармии, и все племена севера были окрещены как „народы биармийской группы". Возникал таким образом заманчивый мираж огромной финской империи, которой, может быть, суждено стать в будущем реальным фактом. Во всяком случае, горячие патриоты стали мечтать об этом всерьез, и чем успешнее шло развитие финской промышленности, чем настоятельнее ощущалась потребность во внешних рынках, тем прочнее оседала в умах идея Великой Финляндии. Правда, финны стали ее впоследствии представлять в несколько урезанном виде; от Сибири и от Алтая они скромно отказались, но продолжали настаивать на включении в Финляндию всех „народов биармийской группы", т. е. территории от Ленинграда до Уральских гор. Финский национализм из самоутверждающегося национализма превратился в агрессивный империализм. „Разрешен" был вопрос и о легендарной заволоцкой чуди, упоминаемой в русских летописях и в многочисленных народных преданиях. По одной версии чудь представляла тот единый древнефинский народ, из которого впоследствии выделились зыряне, вотяки, карелы, современные финны и т. д. По другой — никакой чуди не существовало, а были теперешние финские племена, которых русские окрестили общим именем чуди. Высказывалось мнение и о том, что чудь — это биармийцы.

Большое внимание, уделявшееся чуди, объясняется тем, что район ее распространения совпадал с границами „Великой Финляндии", и потому финская природа чуди не должна была вызывать сомнений. Шовинистическим зерном всего этого учения являлась скорбная повесть о гибели чудской культуры и чудского народа под русским нашествием. Русские не только уничтожили финнов, живших в срединной России, на месте бывших Калужской, Московской, Владимирской и Ярославской губерний, но захватили и чудский север, частично истребив обитавший здесь народ и частично разогнав его по глухим уголкам и дебрям, в роде теперешней Финляндии, Кольского полуострова, Печеры и Камско-Вычегодского бассейна. Набросанная финскими учеными картина кровавого искоренения и вытеснения финских аборигенов с основной территории теперешней Великороссии долго служила и поныне служит делу разжигания национальной ненависти прибалтийских и северо-восточных народов к русским. Если раньше, в условиях царской России, угнетавшей сотни мелких народов, эта ненависть имела под собой реальную почву, то теперь она искусственно поддерживается правящими классами лимитрофных стран, в целях нападения на Советский Союз и отторжения от него новых территорий. Теперь, в эпоху лапуасских

мечтаний о Великой Финляндии, историческое обоснование прав финнов на территорию советского севера пользуется особенной популярностью.

Тем более уместно напомнить о работах финского ученого Д. П. Европеуса, который еще в 60-х годах прошлого столетия считал „несомненным долгом науки раскрыть истину и обличить ложные учения, распространяемые нередко с злоумышленными политическими целями“.[1] Европеуса, разумеется, нельзя представлять в виде какого-то служителя чистой истины. За его работами кроется не менее определенная политическая цель — борьба с той партией, которая вела пропаганду за отторжение Финляндии от России и за присоединение ее к Швеции. Европеус — руссофил, его учение в такой же степени буржуазно, как работы всех прочих финнологов, и в настоящее время не может быть принято нами. Но его изыскания любопытны тем, что они являются величайшим диссонансом в стройном хоре финской националистической науки. Европеус, не выходя за пределы буржуазной методологии, выработал совершенно особую концепцию доистории европейского севера, уничтожающую все основные положения старой гельсингфорсской школы. Эта концепция явилась для нее настоящим ударом, тем более, что аргументирована была она в гораздо большем соответствии с фактами, нежели господствовавшая концепция. Это был случай удачного побивания одной буржуазной теории другою, буржуазною же теорией. И сейчас, когда в нашем арсенале имеется свое собственное остро отточенное оружие для борьбы с шовинистической гельсингфорсской наукой, мы не можем отказать себе в удовольствии бросить беглый взгляд также и на теорию Европеуса.

Европеус утверждал, что мнение, „будто русские, как первоначальные и вековечные враги финнов, вытеснили их из средней и северной России в тот суровый северо-западный край, где они и теперь живут“, ни на чем не основано, вернее основано на явно предвзятом положении с сугубо политической окраской. Между тем, обращение к археологии и лингвистике, по его мнению, с несомненностью доказывает, что народ, вытесненный русскими из средний и северной России, были не финны, а угры, происходившие из одной с ними семьи, но значительно разнившиеся от них и по языку и по ряду антропологических признаков. Длинноголовые черепа, характерные для угорской ветви, попадаются на всем протяжении основных поселений великорусского племени, в том числе и, бывшей Московской и Ярославской губерниях. Европеус утверждал, что меря, обитавшая на месте этих губерний, равно как и соседняя с нею мурома, были не финские, как думали раньше, а угорские племена. Вместе с венграми, занимавшими бассейн р. Юга, и с вогулами и остяками, селившимися по Ваге, Северной Двине и дальше на севе-

[1] Европеус. К вопросу о народах, обитавших в северной и средней России до славян, „Журнал мин. нар. просв.,“ 1868 г., III, стр. 57. Эта статья, а также более поздняя: „Об угорском народе“ представляют собой популярное обобщение специальных исследований Европеуса, напечатанных в журнале „Suomi“.

ро-восток, эти народы составляли могучий блок угорских племен, простиравшихся от Ледовитого океана до р. Оки и до городов Витебска и Полоцка. Вся теперешняя Финляндия и северная Швеция принадлежали точно также уграм; это утверждение Европеус обосновывал географической номенклатурой этих стран.

Таким образом, согласно Европеусу, народ, вытесненный некогда с европейского севера славянами, были прадеды нынешних вогуличей, остяков и венгров.

Вопрос о чуди точно так же, по теории Европеуса, решается совсем иначе. Это были не предки теперешних финнов, а угорские племена, сохранившиеся за Уралом до наших дней под именем вогулов и остяков. Как бы ни относиться к этим выводам Европеуса, нельзя не поставить с ними в связь того обстоятельства, что русские еще в XVII в. называли этих жителей Оби и Иртыша чудью. Есиповская летопись, рассказывая о походе Тайбуги, говорит: „и отпусти его по реке Иртышу, идеже живеху Чудь". Или при описании Обской губы: „в сих же устьях лед искони состаревшися николи не тающе от солнечного зною и непроходимо место и незнаемо Чудию". Под чудию, конечно, разумеются ближайшие к устью жители остяки.

Таким образом факты в этом, как и в ряде других вопросов, говорят скорее в пользу Европеуса.

Действительно, чудь жила по Ваге еще в начале XIV в. Нам известно, что в 1315 г. вся Вага была куплена новгородским капиталистом Василием Матвеевичем Своеземцевым за 20 000 белок и 10 рублей от чудских князьков—Азики, Караганца, Ровды и Игнаца.[1]

Нельзя, наконец, не отметить и еще одного момента. В книжке П. С. Ефименко „Заволоцкая чудь", где собрано множество устных преданий об этом таинственном народе, часто встречается рассказ о том, как чудь, не желая подпадать под иго русских завоевателей, забирала все свои богатства, уходила с ними в специально выкопанные могилы и там хоронила себя заживо.

Эта легенда о „белоглазой чуди", ушедшей в землю, живет не только в Шенкурском, Холмогорском, Устюжском и других районах севера, но передается по Каме, по Вишере и на территории теперешней области Коми. При этом всюду способ самопогребения указывается один и тот же: чудь над своими могилами устраивала земляные крыши, утвержденные на коротких подпорках; эти подпорки подрубались, и крыша обрушивалась в яму, хороня под собою чудь. Огромный район распространения этой легенды заставляет отнестись к ней внимательно и поискать за фантастикой народного предания крупиц исторической истины. Предание, слышанное Кл. Поповым, дает некоторый ключ к разгадке этой легенды. „В Никольске рассказывают — говорит он, — что в окрестностях этого города в незапамятные времена жил не русский, поганый народ, который прятался от наших в ямах, прикрытых сверху землею; наши же

[1] „Архангельские губернские ведомости", 1860 г., № 45.

обрушивали эти крыши на поганых и тем душили их. Остатки таких ям указывали около нынешнего кладбища близ самого города".[1] Таким образом, не чудь хоронила себя в этих ямах, а ее хоронили. Однако и этот более правдоподобный рассказ не может быть целиком принят. Дело в том, что в подобных ямах, называемых чудскими могилами, при раскопках не находят человеческих костей. Повидимому это были не более, как жилища чуди — землянки, разрушенные иноплеменниками. Такие землянки русские наблюдали в XVII в. на Оби у остяков. „А живут в лесах темных, над водами; зимние юрты деревянные в землях аки в погребах от великих мразов".[2] В этом сходстве жилищ древней чуди с жилищами югорскими можно усмотреть еще один аргумент в пользу отождествления заволоцкой чуди с вогуличами и остяками.

Что же касается района Камы, Печоры и Вычегды, то на тождество обитавшей здесь некогда чуди с уграми обращали внимание многие. „Се же известно есть и от повседневного, яко сей народ от Пермыи переселился" — говорит Г. Новицкий про обских остяков,[3] а по словам В. Н. Латкина остяки помнят свое переселение из Пермского края. Пермский краевед Ф. А. Теплоухов, собравший в свое время богатейшую коллекцию чудских древностей на территории Пермской губернии, пришел посредством их изучения, совершенно независимо от Европеуса, к выводу, что „пермская чудь была угорским племенем".[4]

Вогулы жили в районе Камы еще в конце XVII в., занимая территорию, длинной полосой тянувшуюся вдоль Урала; Берху удалось найти их челобитную на имя Петра, в которой они жалуются на свое бедственное положение.[5] О пребывании их на Каме свидетельствует и житие Трифона Вятского.

По Вычегде югра жила в XV в., о чем можно заключить не только по частым нападениям вогулов на Усть-Вым и по факту убийства ими двух пермских епископов, но и на основании прямых письменных указаний.

Ряд археологов и этнографов приводил немало других данных в подтверждение теории Европеуса, так что она агументирована несравненно солиднее, чем учение правоверных профессоров-патриотов.

Таким образом, в недрах самой буржуазной науки обозначилась группа, нанесшая чуствительный удар шовинистической гельсингфорсской школе финнологов. Пусть в наши дни построения этой группы кажутся тоже несостоятельными — в свое время она сыграла большую роль, разбив старые концепции

---

[1] К. Попов. Зыряне и зырянский край, стр. 11, М. 1874 г.

[2] „Описание Новой земли сиречь Сибирского царства" в сборнике „Сибирь в XVII веке", стр. 73, М. 1890.

[3] Г. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком 1715 г., стр. 27. Изд. Майкова, 1887 г.

[4] Ф. А. Теплоухов. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных. „Пермский край", т. II, стр. 74, 1893.

[5] В. Н. Берх. Путешествие в города Чердынь и Соликамск.

и поставив гельсингфорсцев в затруднительное положение, выходом из которого они избрали обычный в таких случаях путь замалчивания работ Европеуса или третирования их как чего-то парадоксального и несерьезного.

Трещина в буржуазной финнологии сказалась также в том, что все большую популярность стала приобретать версия о южном происхождениия финнов. Полагали, что в эпоху расселения славян финские племена жили на юге России.

Так, зырян, вместе с вотяками, Европеус помещал около аланов, „одноплеменных с нынешними осетинцами, из языка которых зыряне заимствовали большую часть своих культурных слов, например названия металлов, хлебных растений и пр.“.[1]

Следует, однако, отметить, что вообще древнейшие судьбы коми выяснены финнологией гораздо меньше, чем судьбы любого из так называемых финских племен. В отношении коми до сих пор господствуют в нетронутом виде взгляды старой гельсингфорсской финнологии, согласно которой они выделились как племя из единого финского пра-народа. В теориях о происхождении коми неизменно фигурирует „Уральское время“, „Финно-угорское время“, „Финско-пермское время“, „Прапермская эпоха“ и прочая гельсингфорсская премудрость, ревниво охраняемая ныне профессорами-фашистами — Вихманом и Сеттеле, проповедниками идеи Великой Финляндии. Господствует попрежнему и точка зрения Шегрена относительно древних границ зыряно-пермяцкого племени. Шегрен, как известно, утверждал, будто, зародившись в северной части бывшей Пермской губ., коми распространили свои поселения на огромный район.

В своем стремлении разместить древние финские племена так, чтобы вся центральная и северная Россия была ими занята без остатка, А. И. Шегрен отводит предкам зырян и пермяков колоссальную территорию, простиравшуюся от южных пределов Московской губ. до берегов Белого моря и от р. Оби до Северной Двины и Ваги. Устанавливает он это на основании географической номенклатуры, но в изучении самой номенклатуры проявляет столько субъективизма, что не надо быть специалистом-финнологом, чтобы отнестись скептически к его изысканиям. Очень часто те или иные названия относятся им к числу зырянских на основании простого впечатления: „klingt ganz syrjanisch“ (звучит совсем по-зырянски), — вот его обычный аргумент в пользу зырянского происхождения какого-нибудь названия. Подобный метод дает ему возможность включить в состав древних зырянских земель такие местности, как Лодьма, Маймакса, Ненокса, которые, сколько нам известно, ни один из финнологов зырянскими не считал.[2]

Несколько осторожнее подошел к вопросу о древней географии коми И. Н. Смирнов. Взяв за основу названия речек

---

[1] Европеус. Об угорском народе, стр. 15.
[2] Gesammelte Schriften. Band I, 5, 319.

с окончаниями на „ва“, „ма“ и „шор“, как характерные для зырян, он сделал попытку дать широкие контуры старинной территории народа коми. В результате его изысканий получилась тоже не малая площадь, на которой могли бы уместиться крупнейшие государства Западной Европы и границы которой почти совпадали с шегреновской схемой.[1] Едва ли коми могли в древности занимать такую огромную территорию. Сам Смирнов вынужден признать, что коми не занимали всей очерченной им территории одновременно. Остается допустить, если признать правильным самый прием Смирнова, что это племя поочередно обживало отдельные куски указанного пространства, переходя с места на место, вероятно, под напором каких-то внешних сил.

Таковы сведения о происхождении коми, которые дает нам буржуазная лингвистика. Сведения в высшей степени туманные и запутанные. Буржуазная лингвистика и археология оказались не в состоянии выяснить этногенезис коми-народа. Множество противоречивых утверждений, которыми полны на этот счет труды старых ученых, не дают возможности даже в пределах финнологии притти к какому-нибудь единому выводу. А в настоящее время и вся эта финнология в целом со всеми борющимися в ней точками зрения сдана в архив. Мы указывали на теорию Европеуса, значительно подорвавшую шовинистические основы гельсингфорсской школы, но тем не менее построения самого Европеуса, как человека, целиком стоящего на почве буржуазной „индоевропейской“ лингвистики и разделяющего основные положения этой доктрины, не могут быть приняты. Решительный удар гельсингфорсской науке вместе со всей индоевропеистикой нанесен только в наши дни так называемой яфетической теорией, разрабатываемой советским ученым, академиком Н. Я. Марром. В свете этого учения становится очевидной вся нелепость рассуждений о родстве современных финнов с остальными племенами севера, о этнической праоснове этих племен, и безнадежно рушатся все усилия научно обосновать идею Великой Финляндии. Яфетидология прежде всего отрицает существование в древности как единого арийского пра-народа, так и всяких других более мелких пра-народов, из которых возникли современные племена и народы.

Это положение буржуазной лингвистики разгромлено до основания. Н. Я. Марр путем длительных изысканий пришел к заключению, что в древности существовал не единый пра-язык, а как раз наоборот, существовало бесчисленное множество языков, которые стали постепенно складываться в более крупные языки.

В незапамятные времена не только не существовало финнов, карелов, коми, вотяков, русских и т. д., но не существовало и единого пра-славянского и единого пра-финского народов; существовали небольшие человеческие объединения, не связан-

[1] Смирнов. Пермяки, стр. 98.

ные друг с другом никакими расовыми особенностями, а в основе своего объединения имевшие сотрудничество по добыванию средств существования.

Перед лицом яфетидологии все учение гельсингфорсской науки разлетается как дым, и от него ничего не остается, кроме совершенно неприкрытых империалистических тенденций. Народы севера, которых вслед за гельсингфорсцами принято называть финскими, имеют на это столько же оснований, сколько и другие соседи финнов. Процесс образования этих народов ныне должен быть освобожден от всякой примеси расовой теории. Карелы, коми и финны возникли также независимо друг от друга, как индейцы и русские. Сходство языков в этом случае ничего не может объяснить. На этом сходстве потерпел крушение сам Кастрен, основоположник финнологии, когда, находя элементы, родственные финскому языку, в языках других народов, готов был включить в семью угро-финнов племена чуть ли не двух стран света. Сходство языков яфетидология объясняет совсем иначе, кладя в основу своего объяснения производственные процессы, экономические, общественные и естественно-исторические комплексы.

Здесь, разумеется, не место излагать сущность яфетидологии. Мы приводим некоторые из ее основных положений лишь для того, чтобы показать, что изучение таких вопросов, как вопрос о происхождении коми, если они в данный момент и имеют сами по себе какое-нибудь значение, должно быть поставлено на совершенно новую основу, не имеющую ничего общего с методами старой буржуазной лингвистики и финнологии в частности.

Яфетидология отрицает также один из краеугольных камней индоевропеистики — теорию миграций. Приход финнов с Алтая или с далекого юга для нее такая же легенда, сочиненная учеными XIX и XX века, как и учение о финском пра-народе. Поэтому вся сложная картина передвижений племен на великой русской равнине под напором славян, якобы пришедших с Карпат, дожна быть решительно отброшена. Частичные передвижения, разумеется, отрицать нельзя. Их не отрицает и яфетидология. Так например, в отношении коми нельзя не отметить того факта, что на памяти истории их поселения распространялись на такие места, в которых ныне не сохранилось и следа их пребывания.

В 1840 г. В. Н. Латкин отмечал границу между русскими и коми к востоку от Яренска в селении Межог, где „в одном конце деревни говорят еще русским, а в другом уже зырянским языком“.[1] Между тем эта граница в конце XIV в. проходила гораздо западнее. Стефан Пермский, отправляясь с проповедью к зырянам, начал свою деятельность с селения Пырас—теперешнего Котласа, где в то время жили коми. Больше того, коми жили, повидимому, гораздо западнее. Устьянскому краеведу

[1] В. Н. Латкин. Дневник путешествия на Печору, стр. 36, СПБ. 1853 г.

М. И. Романову удалось установить на основании местных архивов, что коми жили на левом берегу Двины в верховьях р. Устьи, где, по его словам, „в некоторых охотничьих деревнях последние зыряне, державшиеся своего языка, вымерли уже в конце XVIII в.“,[1] а „давно умерший старик деревни Кондратовской, Спиридон Шестаков, рассказывал ему, что последний зырянин из их деревни, одинокий старик, доживал своей век на Морданских озерах, занимаясь рыбной ловлей“ [2]. Чем объясняется это передвижение границы к востоку больше чем на 200 верст, сейчас скизать трудно; может быть, это результат руссификации а, может быть, имели место какие-нибудь неизвестные нам колонизационные передвижения, подобные тем, которые были на Печоре. На Печору коми пришли совсем недавно, вернее всего не раньше XV в. и, может быть, немногим раньше освоения Печоры русскими.

Все три крупнейшие поселения на Печоре—Пустозерск, Усть-Цыльма и Усть-Ижма — отличались смешанным русско-зырянским населением. Согласно Платежнице 1574 г., в Путозерске, рядом с русскими дворами, стояло 52 двора, в которых жили коми в количестве 89 человек,[3] а на Ижме коми и русские так перемешались, что образовали особую этнографическую группу, известную под именем ижемцев. Народное предание считает первыми поселенцами на Ижме новгородских выходцев Ануфриевых, Истоминых, Рочевых, к которым впоследствии переселилось нескольких зырянских семейств из Глотовой слободки.[4] Точно определить время возникновения этих поселений не удалось, но относительно Ижмы имеются сведения, что она существовала в XV в.,[5] а Пустозерск, по мнению С. В. Бахрушина, построен в княжение Ивана III в конце XV в., когда воеводы на Печоре „град зарубили“ на месте стоявшего здесь „града“, может быть, зырянского.[6] Зырянское название Оби и некоторых местечек в Сибири произошло, надо полагать, не вследствие колонизации, которая была слишком незначительна, а благодаря частым охотничьим и торговым поездкам на Урал. Русские в своих походах „за Камень“, будучи предводительствуемы зырянами, усвоили зырянскую номенклатуру местностей, между тем как туземные жители ею не пользуются, и ту же Обь остяки называют Ас-Ях.

Однако все эти колонизационные передвижения отнюдь не могут рассматриваться в свете тех теорий о переселении племен, разогнанных русским нашествием, шовинистический характер которых не подлежит сомнению. Точно так же не может быть нами принята и теория Европеуса, хотя она свободнее от национ-

---

[1] М. Романов. Народные говоры по течению реки Устьи. Рукопись, стр. 6.

[2] Там же, стр. 17.

[3] Историко-Археографический институт Академии наук СССР. Архив.

[4] „Коми-му“, 1928 г., № 12, стр. 46.

[5] Русская Историческая Библиотека т. XXII, № 16.

[6] С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. стр. 69. М. 1928 г.

налистического угара и в силу этого обстоятельства ближе к фактам.

Правильное марксистское изучение происхождения коми остается неразрешенной еще задачей, стоящей перед молодыми зырянскими языковедами и историками материальной культуры. Новый метод требует новых приемов исследования и, в значительной мере, привлечения нового материала; следовательно, за один присест эта задача не может быть разрешена, но ее постановка на очередь диктуется той политической борьбой, в которой, как указывалось, разбираемый вопрос играет весьма видную роль.

3

Древняя культура коми и еще раз Биармия

Вопрос о древней культуре коми — далеко не академический. С ним точно также связано слишком много современной политики, чтобы его можно было обойти. С одной стороны, гельсингфорсская наука и плетущийся за него коми-национализм готовы представить предков нынешних зырян и пермяков почти цивилизованным народом (Биармия), с другой — пользуется широкой популяр-

ностью версия руссификаторов, отрицающая за коми и в прошлом и в настоящем какую бы то ни было культуру, какой бы то ни было прогресс. Между тем обращение даже к самым общеизвестным источникам разбивает как ту, так и другую легенды. Не находя в далеком прошлом коми развитой цивилизации, мы вместе с тем обнаруживаем у них достаточно высокую культуру, чтобы отвергнуть великодержавные попытки объявить коми полудикарями.

„Пермь — некогда самобытный, великий и не совсем непросвещенный народ“.[1] Так отозвался о древних коми суровый Шлецер, отказавшийся верить показаниям исландских саг о Биармии. Мы не знаем, как пришел Шлецер к такому заключению; боимся, что оно покоится на тех же сагах, но, так или иначе, его утверждение не лишено оснований. Коми действительно был „не совсем непросвещенный народ“. По крайней мере, есть основание полагать, что коми знали письменность до прихода русских.

Старая официальная Россия, считавшая себя благодетельницей и просветительницей покоренных ею „инородцев“, безоговорочно приписывала введение письменности у зырян деятельности Стефана Пермского. Стефана любили сравнивать с Кириллом и Мефодием, этими „просветителями славян“, подобно которым он прославился как изобретатель азбуки для коми.

По утверждению его биографа Епифания, до прихода к ним Стефана „пермяне не имеяху у себе грамоты и не разумеваху писания и отнюдь не знаху, что есть книги“. Епифаний отмечает у них только наличие устных преданий и легенд, распространявшихся особыми „баснотворцами“, — может быть, жрецами или скальдами, „иже баснями баяху о бытьи и миротворении“[2]. Письменность появляется в результате деятельности Стефана, который „изучился сам языку пермькому и грамоту нову пермьскую сложи и азбуки незнаемы счини“.[3]

Однако можно думать, что Стефан не был изобретателем пермской азбуки и что письменность у коми существовала до его прихода. На это наводит прежде всего аналогия с теми же Кириллом и Мефодием, просветительная миссия которых была на самом деле гораздо скромнее, чем это представляли в старое время. Из Паннонского жития Кирилла мы узнаем, что, когда этот „учитель славян“ пришел в Корсунь, он здесь нашел не больше не меньше, как „евангелие и псалтырь Русьскы письмены писано“.[4] Письменность у славян существовала, следовательно, задолго до изобретения им азбуки. Повидимому, деятельность Кирилла и Мефодия и всех подобных им сочинителей азбук сводилась, в лучшем случае, к реформе письменности, но

---

[1] Шлецеров „Нестор“, пер. Д. Языкова, ч. 1, стр. 75.
[2] Житие Стефана Пермского. Памятники старинной русской литературы, вып. IV, стр. 151. СПБ 1862.
[3] Там же, стр. 123.
[4] Ч. О. И. Д. Р. 1863 кн. 2, стр. 47.

никак не к введению ее. Примерно так же следует рассматривать и деятельность Стефана.

До нас не дошло ни одной из книг, переведенных им с греческого и со славянского на пермский язык, написанных древнепермскими буквами. „Оные буквы от лености духовных к обучению уже в забвение пришли“ — говорит акад. Лепехин — „и книг оных отыскать уже не можно“.[1] Самому Лепехину посчастливилось найти одну богослужебную книгу, но в русской траискрипции; что же касается образцов применения стефановского алфавита, то их до сих пор не обнаружено, несмотря на поиски археологов. Самый алфавит, впрочем, найден. В бумагах историографа Миллера находится подлинная пермская азбука, извлеченная им из какой-то старинной рукописи „О житии и делах Стефана“, воспроизведенная в свое время Карамзиным в его „Истории Государства Российского“. „К сожалению, эта находка нимало не озарила светом спорного вопроса о письменах зырянских, потому что, примененная при чтении надписей, она не принесла ожидаемых успехов: смысл их попрежнему остался таинственным, едва ли не навсегда сокрытым от потомства“.[2]

Надписей древнепермских до нас дошло несколько. На одном из обнаруженных списков стефановской азбуки, в рукописном Номоканоне 1510 г., внизу имеется приписка по-зырянски; сохранилась также под одной из грамот пермская подпись епископа Филофея; наконец, известны надписи на двух иконах: „Сошествия св. духа“ в Вожемской церкви и „Троицы“ — в вологодском соборе. Особенной известностью пользуется надпись на иконе „Троица“, которую по преданию, писал сам Стефан Пермский. Надпись эта однако, как и все другие, до сих пор никем не прочтена, и сами зыряне не могут ее разобрать.

Правда, ряд исследователей, вроде Шестакова, Савваитова, Лыткина, предлагал соответствующие чтения этой надписи, но во всех таких попытках элемент догадки был слишком велик, чтобы их можно было признать за несомненно правильные открытия.

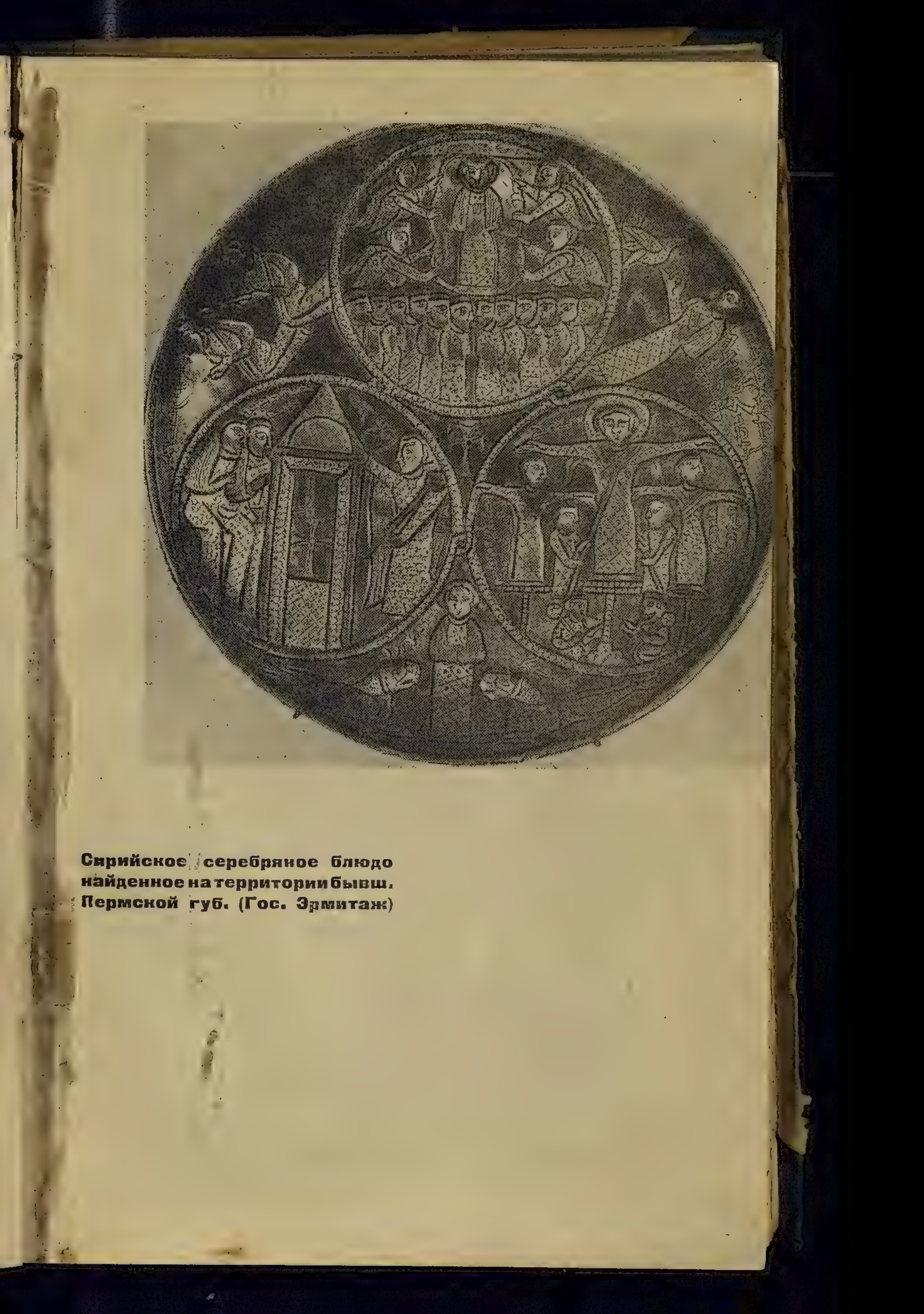
В начертании букв некоторые усматривали сходство с греческим и древнееврейским алфавитом, но гораздо более остроумной следует признать догадку Евг. Болховитинова, подметившего сходство букв надписи с северными руническими, „которых остатки, может быть, св. Стефан застал еще у зырянских жрецов языческих“.[3]

Вообще же, должно отметить, что зырянская азбука так же, как немногие сохранившиеся древние надписи, до сих пор не была подвергнута подлинному научному изучению.

До революции коми пользовались русским алфавитом, но наблюдатели зырянской жизни давно подметили существование

---

1 „Путешествие академика Ивана Лепехина“, ч. III, стр. 390, СПБ. 1805.
2 Михайлов. Устьвым. „Вологодские губернские ведомости“ 1850 г., № 17.
3 „Вестник Европы“. 1813 г., ч. LXXI, стр. 44.

Сирийское серебряное блюдо найденное на территории бывш. Пермской губ. (Гос. Эрмитаж)

у них наряду с официальной письменностью какого-то особенного рода записей, которые зыряне даже и не рассматривают как письменность. „В домашнем быту их, особенно между безграмотными, до сих пор существует обыкновение вести особенного рода счет житейским расходам на тонких четыреугольных планочках, на которых вырезывают прямолинейные и угловатые значки, им только сведомые и читают по ним, как по книге; например, случится записать, что такой-то чиновник брал за прогоны столько-то лошадей, такой-то столько-то без прогонов и пр. Зырянин отмечает на деревянной планочке значки, по окончании года является за расчетом к подрядчику, без ошибки разбирает свои иероглифы, называет должности, имена и фамилии лиц, бравших у него лошадей, и на проверку выходит, что все сказанное им согласно с книгою содержателя станции. Этими же значками обозначает он, например, чем замечателен был прошлый год в хозяйственном отношения, в каких местах более ловилась белка, — вообще, каково шли промыслы, когда началась весна, когда начали пахать, каков был урожай хлеба, какие цены были на туземный товар и прочее и прочее... По-зырянски такая планочка, исчерченная разнообразными значками, называется „пас". [1] По словам современного краеведа Д. Борисова, „пасы и в настоящее время в глухих деревнях, а также среди охотников играют далеко не второстепенную роль". [2] Эти пасы при тщательном их изучении и при сравнении с пермской азбукой способны пролить яркий свет на сущность стефановской реформы. Весьма возможно, что „пасы" и есть та древняя письменность, которую застал у коми Стефан и положил в основу своей пермской азбуки.

Наличие письменности у коми в отдаленные времена абсолютно не мирится с представлением о диких звероловах-рыбоедах, какими нередко считают предков теперешних зырян и пермяков. Согласно Энгельсу, появление письма — несомненный признак высшего отдела варварства, т. е. такой ступени развития, проходя которую народ вступает уже в период цивилизации. Все признаки этого высшего отдела варварства мы находим у древних коми. Так, из жития Стефана можно заключить, что в XIV в. им было знакомо земледелие. О существовании земледелия у зырян обычно даже не подозревают; на картинках старых учебников географии зырянин всегда представлен с ружьем и собакой, и многие вероятно, будут изумлены, узнав, что в этом крае лесов и болот бывают баснословные урожаи—сам-90 и сам-100. Недаром Г. С. Лыткин называет Сысолу житницей зырянского края. Из местностей, лежащих по течению Сысолы, Лузы и Нижней Вычегды, хлеб вывозился прежде к Архангельскому порту, и одно село Вотча отправляло по две баржи собственного зерна. Даже на Удоре, где часто неурожайные годы следуют один за другим, один хороший урожай может обеспе-

[1] Михайлов. Устьвым, „Вологодские губернские ведомости" 1850 г., № 16
[2] „К развитию коми-письменности". „Коми-му", 1928 г. № 9—10.

чить население хлебом на несколько лет. Правда, хлеб не легко дается зырянину на его суровой родине; удорцы, чтобы ускорить наступление посева, прибегают к каторжному труду — свозят снег с полей, но это свидетельствует только об удельном весе земледелия в общей системе их сельского хозяйства.

Трудности земледелия сильно возросли по ле того, как царское правительство запретило подсечную систему, гибельную для местных лесов. Лес продолжали жечь вплоть до последнего времени, но делалось это втихомолку, чтобы не узнало начальство, тогда как прежде это был вполне легальный и единственно признанный способ обработки земли. Безраздельное господство подсечной системы у зырян наблюдал еще во второй половине XVIII в. академик Лепехин. „Озими их стояли среди огромных лесов, в которых они пространные вырубают палестины и, сожегши лес, на пепле сеют свой хлеб“.[1] Этот архаический способ хозяйствования несомненно тот самый, который господствовал у коми в далекие доисторические времена. Однако уже в XVII в. писцовые книги отмечают случаи существования у них переложной, вернее залежной системы земледелия.[2]

Как народ оседлый, земледельческий, коми знали и домашних животных. Хотя данные языка показывают, что им довольно рано известна была лошадь в качестве прирученного животного, тем не менее вряд ли это было в очень далекие времена. Из арабских сочинений X в. мы знаем, что на северо-востоке лошадь была большой редкостью, но зато здесь коми приручили оленя. Олень, являющийся сейчас в качестве домашнего животного достоянием только ижемских коми, имел некогда распространение по всей пермской земле, как это видно из народных легенд и преданий о жертвоприношениях.

Свидетельством сравнительно высокой культуры коми в древности может служить и то обстоятельство, что русские застают их живущими уже не в землянках, а в деревянных избах.[3] И деревянное зодчество было у них настолько развито, что Степан, сделавшись епископом, построил силами новообращенной паствы церковь и впоследствии продолжал строить такие церкви по всей пермской земле.

Само собой разумеется при этом, что коми должны были знать употребление железных орудий, в частности топоров, без которых не только строительная деятельность, но и расчистка из-под леса земли для пашни была бы невозможна. В житии Стефана рассказывается, как однажды на него набросилась толпа с дрекольем, причем у некоторых в руках были „топоры об одну страну остры“. Находки железных топоров и железных наконечников для стрел весьма часты на территории области коми, а в Коми-пермяцком округе Берх находил в свое

---

1 Лепехин, Путешествие, т. III, стр. 239.
2 Акты исторические, т. I, стр. 397.
3 Смирнов, Пермяки.

время железные сошники и замки. Берх вел раскопки варварски. Рассчитывая отыскать биармийские дворцы и храмы, он был весьма недоволен результатами своих поисков и оставил начатые раскопки, не изучив до конца древней культуры пермяков. Однако, и то, что ему удалось открыть, представляет значительный интерес. Вот как он описывает раскопки древнепермяцкого города Искора. „Открыли мы следующие только вещи: серебряное кольцо, коего металл оказался без всякой лигатуры. Два замка весьма узорочной работы, открывающие, что здешние жители весьма искусны были в слесарном деле. Ключ очень высокой отделки с золотою насечкой. Бердыш, искусно окованный с наваркою из уклада. Сошник хотя очень грубой работы, но также с наваркою. Два ножа, копьецо и несколько кусков железа и укладу. Уклад искорский признали здесь за очень добротную сталь. Сверх сего находили мы во многих местах битые из глины печи и такое множество шлагу, что надобно думать, будто в Искоре жили только кузнецы“.[1]

Умение выделывать железо, согласно Энгельсу, тоже один из важнейших признаков высшей ступени варварства, и если даже древние германцы неохотно прибегали к добыче и обработке железа, предпочитая получать его в готовом виде от римлян, то из рассказа Берха мы должны сделать заключение, весьма лестное для древней культуры коми.

Несмотря на то, что предки теперешних коми были народом охотничьим, они далеко отстояли от первобытного тотемизма, наличие которого можно было бы у них предполагать. Те ничтожные данные об их дохристианской религии, которые имеются в нашем распоряжении, достаточно ясно свидетельствуют об этом. „Бяху бо в Перми кумири разноличнии, овии большии и меньшии, друзии же среднии, а инии нарочистии и словутнии и инии мнозии и никто не может исчести их; овем убо редции моляхуся и худу честь возда ху, а другим же мнози не токмо ближнии, но и дальнии погостове. Суть же у них етери кумири, к ним же издалеча прихожаху и от дальних мест поминки приношаху и за три дни и за четыре и за неделю сущи и с всяцем тщанием приносы и поминки присылаху“.[2]

Мы видим, здесь нечто вроде Олимпа с его большими и малыми богами и с различной степенью их почитания. Из того же жития Стефана мы узнаем, что своим богам коми воздвигали храмы — маленькие кумирни, представляющие повидимому просто крышу, утвержденную на столбах, под которой стоял деревянный идол. Эти кумирни сплошь были увешаны дорогими мехами, принесенными в дар богам, и когда Стефан вводил христианство у коми, он сжигал их со всеми их богатствами. „А еже повешаное окло идол, или кровля над ними, или на приношение или на украшение им принесенное, или соболи, или куницы, или горностаи, или ласицы, или бобры, или лисицы, или

[1] Берх, Путешествие в Чердынь и Соликамск, стр. 97.
[2] Житие Стефана Пермского, стр. 136.

3*

медведна, или рысн, или белки — то все собрав в едину кущу, складе и огневи предасть".[1] В числе подношений были не одни меха. Стефан настрого запретил своим ученикам „взяти что от кумирниць или златное или сребреное или медь или железо или олово или иное что".[2] Коми знали следовательно не одно железо, но и цветные металлы, в том числе золото и серебро. История проникновения к ним этих золотых и серебряных изделий составляет любопытнейшую главу из жизни древнего зыряно-пермяцкого племени.

Территория между Камой, Вычегдой и Печорой, занятая коми, с давних пор находилась в орбите оживленной торговли Запада с Востоком. Древняя Пермия была насквозь пронизана нитями торговли, связывавшей вычегодские дебри с отдаленнейшими концами Европы и Азии. Сюда проникали изделия Ирана, монеты Мавераннегра и Британии, серебряные блюда из Греции, чаши из Киликии. Здесь и сейчас нередки находки монет, серебряных и золотых вещей восточного и средиземноморского происхождения.

Строгановы, владевшие прежде едва ли не большею частью Пермской губ., составили себе великолепную коллекцию древнего серебра и золота, найденного на принадлежавших им землях. Эта коллекция вместе с богатейшим собранием Государственного Эрмитажа в Ленинграде и Академии наук дает возможность составить широкую картину торговых связей Пермии с тогдашним цивилизованным миром.

Археологи давно уже перестали удивляться находкам в Пермии золотоордынских монет XIII в. Проникновение их в Пермию со средней Волги, где было расположено Сарайское царство, не представляет ничего загадочного и странного. Гораздо больший интерес вызвали находки арабских монет более раннего периода — десятого, восьмого и даже седьмого столетий, проливавшие свет на сношения нашего севера с арабами в такую далекую эпоху. Однако ученые до середины прошлого века не подозревали, что на территории Пермии имеются культурные отложения еще более отдаленных времен. По крайней мере, в 1847 г. П. Савельев в своей „Мухаммеданской нумизматике" категорически утверждал, что на территории Пермии монет древнего Сассанидского царства не обнаружено, из чего следовало, что торговля пермян с Востоком началась при арабах, т. е. примерно, с VII — VIII в. Однако, лет через пять тот же автор, в небольшой статье, написанной по поводу новых археологических находок, сообщал ученому миру об открытии клада, состоявшего исключительно из серебряных сассанидских монет V и VI в. нашей эры и из серебряной чаши, покрытой неизвестными среднеазийскими письменами. Монеты относились к царствованиям Ездигерда II, Кобада и Хоздроя II, правивших между 441 и 594 гг. Этот клад был найден в Соликамском

[1] Там же, стр. 136.
[2] Там же.

уезде в имении Строгановых в 1846 г. Другой клад, найденный в 1851 г. в Красноуфимском уезде, заключал в себе помимо серебряного кувшина, серебряной гривны и обломков золота и драгоценных камней — больше двадцати сассанидских, византийских и индо-бактрийских монет V, VI и начала VII века.[1] После этого в Пермской губернии были найдены сассанидские монеты, относящиеся ко времени царствования ряда царей, начиная с Ездигерда I (399 — 420) и кончая Хоздроем II (591 — 628). Были найдены роскошные серебряные блюда и кувшины с изображениями сассанидских царей, львиных охот и фантастических животных вроде собаки-птицы.[2]

Нет надобности перечислять здесь все находки предметов греческой и иранской культур на территории коми. Нас в данном случае интересуют не столько самые эти предметы, сколько факт их проникновения в бассейн Камы.

Сейчас можно считать почти доказанным, что до образования булгарской ярмарки на Волге в середине VII в. торговля Востока с бассейном Камы шла не волжским путем, а каким-то другим. Это была сухопутная караванная дорога, пролегавшая через центральную Азию, Сибирь и Урал на Каму. Она продолжала действовать и в булгарский период. Абу-Ахмет Андалузи, говоря о торговле мамонтовыми клыками, сообщает: „зубы эти вывозят в Харезм (Хива), куда постоянно ходят караваны из Булгара". Пространное описание этого пути дает Савельев в своей „Мухаммеданской нумизматике". „Сухопутная дорога по другой стороне Каспия — говорит он — ведет к Волге с берегов Джейхуна или Аму-Дарьи, мимо Харезмского озера (Аральского моря) через Усть-Урт и нынешнюю Киргизскую степь. Этому пути доныне следуют хивинские караваны, идущие на Сарайчиковскую крепость. С первых годов VIII в. (с 705 и 708 г. нашей эры) величайшие города этой части Средней Азии, Бухара и Самарканд, принадлежали также арабам, которые могли отправлять купеческие караваны и этим путем".[3] Не арабы были пионерами этого пути, он существовал задолго до них, и, чтобы показать, к каким отдаленным временам восходят караванные сношения Востока с Приуральем, укажем на

---

[1] „Журнал министерства внутренних дел" 1852 г., ч. 39

[2] Занимаясь исключительно арабской нумизматикой, Савельев не зная о том, что находки сассанидских блюд начались еще в XVIII в. Довольно обстоятельную историю этих находок дает проф. Аспелин в своем докладе на международном конгрессе ориенталистов в 1876 г., где, между прочим, сообщается также о частых находках серебряных греческих блюд с изображениями сцен на мифологические сюжеты. Так, в 1780 г. дети, играя на берегу Камы возле деревни Слудка, нашли серебряную греческую вазу, в глубине которой была изображена Афина, появляющаяся между Аяксом и Одиссеем, спорящими из-за доспехов Ахилла. Неоднократно были находимы кувшины и вазы с изображением богородицы и с клеймами царствования императора Иоанна и императрицы Феофании см. „De la civilisation préhistorique des peuples permiens et de leur commerce avec l'orient". Travaux de la 3-me session du congrès international des orientalistes. St.-Pètersb. 1878).

[3] Стр. LII. См. также „Travaux de la 3-me session du congrès international des orientalistes", стр. 402.

находку инженера Новокрещеных, откопавшего на Гляденовском костище две медных монеты индо-парфянских царей — Кадфиза I, царствовавшего с 30 г. до нашей эры по 10 г. н. э. и Санибара царя Сакастана, царствовавшего в конце I в. н. э.[1]

Персидские изделия сассанидской эпохи проникали на Каму именно этим путем; этим же путем, без сомнения, шли и греческие блюда и вазы, имевшие большое распространение на Востоке.

Однако, расцвет зыряно-пермяцкой торговли с Востоком падает на арабский период. В начале VII в. арабы разрушают сассанидскую державу и на ее развалинах основывают арабскую империю, включая в нее все народы Ирана и Средней Азии. Образование арабской империи открывает новую полосу в мировой торговле и в частности в торговле Волжско-Камского бассейна. Великий Волжский путь существовал, повидимому, очень давно, но только при арабах он превратился в мощную торговую артерию мирового значения, и в судьбах древней Перми этому пути пришлось сыграть исключительную роль. В доарабский период мы не знаем ни одного сколько-нибудь крупного пункта, имевшего значение торгового узла во взаимоотношениях жителей Камы и Вычегды с восточными купцами. При арабах же таким центром становится знаменитый Булгар — столица Булгарского царства, от которого ныне остались лишь едва приметные следы.

Из рассказов арабских писателей IX — X вв. можно составить представление о Булгарском царстве как о весьма культурной стране. Его столица, по словам арабов, была крупнейшим торговым городом Европы, где имели свои складочные места и фактории купцы со всех концов света. Сюда приезжали купцы из западной Европы, из Скандинавии, из Новгорода и Киева. Наконец в особенно большом количестве приезжали сюда восточные купцы. Это были представители почти всех прикаспийских народов, включенных в VII — VIII в. в состав арабской империи. Найденные в начале XVIII в. подле развалин Булгара надгробные плиты с арабскими и армянскими надписями приводят множество имен погребенных под ними купцов из Шемахи, из Ширвена, из Кардара, из Самарканда.[2]

Но самыми многочисленными посетителями булгарской ярмарки были, конечно, арабы. Чтобы иметь беспрепятственный доступ сюда по Волге, арабы должны были сокрушить Хозарское царство, расположенное по нижнему течению Волги, в районе нынешних Сталинграда и Астрахани, и арабский предводитель Мараван в VIII в. с большим войском переходил кавказские горы, чтобы вооруженной рукой расчистить путь для мусульманских караванов в Булгар. Сношение арабов с Булгаром были настолько интенсивны, что они здесь вскоре заняли положение наиболее благоприятствуемой нации и привили бул-

---

[1] „Этнографическое обозрение“, 1905, № 2—3, стр. 94.
[2] Чулков. Историческое описание Российской коммерции, т. I, стр. 61.

гарам свою культуру. Самой распространенной монетой в Булгаре, имевшей, быть может, значение государственной, был арабский диргем. Багдад, в культурном отношении, был для булгаров своего рода Парижем, и Ибн-Фодлан отмечает, что у булгарского царя был даже портной из Багдада.

Таким образом Булгар сделался форпостом средневековой арабской цивилизации на севере. Будучи расположен недалеко от устьев Камы, он непосредственно граничил с Пермской землей, куда прежде всего и проникали его торговые и культурные влияния. Ничего нет поэтому удивительного, если клады арабских монет находят не только по берегам Камы, но и на Печоре и в окрестностях Устьсысольска.[1] У нас нет никаких данных, свидетельствующих о поездках арабов непосредственно в землю коми; точно также и о посещениях самими коми булгарской ярмарки ничего не известно. Ни один из арабских писателей об этом не упоминает. Повидимому между коми и арабскими купцами стояли какие-то посредники. Так, согласно Ибн-Хаукалю, северная пушнина, в большом количестве шедшая на Восток, приобреталась арабами от русских. По его словам, большая часть мехов выдры „находится в стране Рус, а некоторые высококачественные из страны Яджудж и Маджудж переходят к Русам по соседству их с Яджуджами и Маджуджами и по торговле с ними. Продавали же они это в Булгарии".[2]

Страна Яджудж и Маджудж (по-гречески — Гога и Магога) находилась, по представлению арабов, в седьмом климате, и, как показал Савельев, под ней следует разуметь наш север. Без сомнения, меха оттуда вывозили не одни русские; булгары это практиковали, может быть, в еще большей степени. Согласно показаниям арабов, влияние Булгара простиралось до самого Ледовитого океана, и тамошние жители били китов гарпунами, сделанными из арабских клинков. Вот как описано это у Абу-Ахмета Андалузи. „Повествуют, что в страну Югры ввозят Булгары из страны Ислама простые клинки; их навешивают на нить таким образом, что при малейшем прикосновении пальцем они издают удивительные звуки. Югра покупает эти клинки по дорогой цене и бросает их в море. Тогда, мудростию всемогущего, выходит из моря рыба, величиною с верблюда. Другая, еще более огромная рыба ее преследует, побуждая выйти из моря. Преследуемая рыба устремляется к берегу и наконец не может двигаться и лежит в море. Тогда югры, бросившие клинки в море, устремляются на кораблях и челнах и режут мясо. Когда велик отлив, случается, что нарезывают столько мяса, что не наполнить бы им и тысячу палаток. А с приливом рыба опять уходит в море. Бывает также, когда рыба долго

---

[1] „Les Travaux"..., стр. 414. Монеты 961 и 971 г., найденные возле Устьсысольска, Аспелин почему-то называет сассанидскими. Вероятно тут опечатка, и следует читать „саманидские".

[2] Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 219, СПБ., 1870.

остается, что ее всю изрежут. Если в море клинков не бросить, то рыба не выходит и в стране Югры делается голод".[1]

Савельев, приведший этот отрывок в своей книге, считает его образцом писательского вымысла и извращения фактов, — мнение, ни на чем не основанное, свидетельствующее только о незнании севера самим Савельевым. В приведенной цитате мы имеем вполне правильно подмеченные особенности китового промысла. Не говоря уже о бросании клинков, под которым должно разуметь метание гарпунов в кита, факт выхода из моря большой рыбы, преследуемой другой, отнюдь не может быть воспринят как фантастика.

Мы очень хорошо знаем, что киты, спасаясь от своих злейших врагов — дельфинов (касатки), часто выбрасываются на берег или на такое мелкое место, откуда не в состоянии бывают уплыть обратно и становятся добычей местных жителей. Благодаря тому, что в один из заливчиков Мурмана дельфины особенно часто загоняют китов, он получил прозвание Китовского, и в середине прошлого столетия академик Гамель видел в этом заливе множество китовых остовов. Ничего нет удивительного в том, что булгары могли наблюдать подобное явление в Югре. Ошибка Андалузи заключается лишь в неверном изображении метания клинков-гарпунов, почему-то поставленного в причинную связь с выходом рыбы из моря. Но это вполне простительно писателю, рассказывающему с чужих слов, да еще не от непосредственных наблюдателей.

Недавно опубликован рассказ другого арабского писателя X в. Ауфи, повествующего точно также о поездках булгаров на крайний север. Вместе с приведенным отрывком из Андалузи он рисует достаточно ясную картину торговли булгаров с племенами севера. „В двадцатидневном пути от их страны — говорит Ауфи — лежит город (страна), которую называют Ису (Весь) и по ту сторону Ису к северу народ, который называют Юра. Они — дикая толпа. Они не сообщаются с людьми и боятся их злости. Жители Булгар делают путешествия в их страну и везут платье, соль и другие вещи, которые суть их товары. В качестве переносчиков тех товаров существуют приборы, представляющие род небольших телег (саней), которые тянут собаки, потому что там много снегу, и никакое другое живое существо не может провести в ту страну... Они заключают посредством знаков с жителями куплю и продажу. Больших и тонких соболей привозят они из их страны".[2]

Маркварт, опубликовавший сказание Ауфи, полагает, что народ Юра не что иное, как югра, упоминаемая в русских летописях.

---

[1] Савельев. Мухаммеданская нумизматика, стр. CVII. У Маркварта в комментариях к Ауфи на стр. 300 проводится несколько иная редакция отрывка из Андалузи; см. „Ungarische Jahrbücher", 1924. Heft 3—4.

[2] Markwart. „Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem X Jahrhundert". „Ungarische Jahrbücher", Band IV, Dezember 1924. Heft 3—4, S. 288—289.

Если таким образом булгары в своей роли посредников между арабами и северными племенами предпринимали поездки к Ледовитому океану и в Югру, то можно ли думать, что соседняя с ними область Коми осталась вне сферы их влияния? Известно, например, что татары чрезвычайно дорожили соседством с древнею Пермью. В летописном сказании XVI в. об основании Казани говорится, что Саин сын Батыев, выбирая место для постройки этого города, учел его близость к важнейшим землям, в числе коих значится и Пермь. Он „любил сие место, где сближаются его предки с Булгариею, Вяткою, Пермью, и часто сам приезжал туда из Сарая“.[1] Булгары, конечно, задолго до татар оценили по достоинству пушные богатства Перми и с выгодой использовали свою к ней близость. Согласно наблюдениям одного краеведа, на речке Люнве, по которой пролегал водный путь из Булгара в страну Коми, еще в XIX в. заметны были остатки древних шлюзов, воздвигавшихся вследствие мелководности Люнвы вблизи старинного городка Искора.[2] Этот путь, надо полагать, действовал до самого момента гибели Искора, разрушенного в XV в. русскими, и посредством его коми сносились с заграничным рынком. В числе трофеев, захваченных в 1472 г. от пермских полководцев Бурмота, Мичкина и Кача, значились предметы иностранного происхождения. Гаврило Нелидов отобрал у них „16 сороков соболей, да шубу соболью, да пол 30 поставов сукна, да 3 пансыри да шелом, да две сабли булатные“.[3]

Множество данных, говорящих о сравнительно высокой культуре коми, возвращает нас снова к вопросу о Биармии. Если раскопки, произведенные Берхом, разочаровали его в существовании этой сказочной страны, то нельзя ли после находок сассанидских блюд, греческих чаш и арабских монет пересмотреть этот вопрос и восстановить доверие к версии о Биармии? Проф. Аспелин категорически заявляет, что Биармия, бывшая доселе ничем не подтвержденной гипотезой, в результате упомянутых выше археологических открытий становится бесспорным фактом. То же думал и Савельев. По его мнению, „подземная Биармия должна воскресить Биармию исландских саг“. Но именно для этой последней найденные в землях коми ценности слишком незначительны. По своей пышности и богатству, Биармия саг может быть сравниваема только с какой-нибудь древней цивилизацией инков, но отнюдь не со скромной страной коми.

Там ведь речь идет о богатых городах, о роскошных дворцах, о храмах, сияющих золотом и драгоценными камнями; всего этого не было у зырян и пермяков, и мы не перестанем повторять вслед за многими исследователями, что если Биармия существовала, то это не была область коми; если же область

[1] Карамзин, т. V, стр. 48.

[2] В. Попов. Древнейшие города Перми Великой—Искор и Покча. „Пермские епархиальные ведомости“, 1889 г., № 19.

[3] Никоновская летопись, стр. 148.

коми была Биармия, то это была не Биармия в обычном о ней представлении.

Дабы снова не поднимать этого вопроса во всей его громоздкости, отошлем читателя к известной работе А. А. Дмитриева „Пермская старина“, где достаточно убедительно, на наш взгляд, показано, что Биармия не могла существовать на территории поселений коми. Приведенными данными о древней культуре коми мы хотели сказать лишь то, что из них следует, не больше. Мы хотели показать, что все известия о предках нынешних коми свидетельствуют о них как о народе, культурный уровень которого был нисколько не ниже культурного уровня славян IX в. или германцев времен Тацита.

4

Общественные формы у коми до русского владычества

Как было отмечено, древнейшие судьбы зыряно-пермяцкого племени пользуются исключительным вниманием краеведов коми. Наибольшее количество статей о прошлом народа коми, напечатанных в местных краеведческих органах, посвящено именно этому „дорусскому" периоду.

Но, вчитываясь внимательно в эти статьи, нельзя не заметить в них таких тенденций, которые грозят увлечь изучение нацио-

нальной истории на ложный путь. Период до русского владычества изучается таким образом, что в нем не оказывается места для движущей силы истории — классовой борьбы. Не находя в этом отношении сколько-нибудь ярких фактов, коми-краеведы, повидимому, глубоко убеждены, что ничего подобного в то время не существовало, что все противоречия начались с момента московского нашествия и в значительной мере вызваны им. Неохотно замечают они классовую борьбу и в московский период, полагая здесь наличие преимущественно национальных противоречий и на них сосредоточивая все внимание. Было бы в высшей степени ошибочным объяснять это явление, как свидетельство молодости и незрелости краеведения в области коми. Здесь чувствуется политическая тенденция, корни которой проследить не трудно. Это выражение в краеведческой практике той же кулацкой идеологии, с которой партийной организации Коми-области и всем трудящимся пришлось вести упорную борьбу еще совсем недавно.

Как известно, эта идеология сводилась к отрицанию наличия кулачества в Коми-крае и к отрицанию необходимости проведения коллективизации. И отсюда выводилось положение, констатировавшее существование каких-то специфических задач, стоящих перед Коми-областью и отличных от задач всего Советского союза. Преследуя их, Коми-область не должна останавливаться перед такими шагами, которые по существу граничат с отделением области от СССР.

Эта контрреволюционная идеология, ныне разгромленная внутри парторганизации, поддерживается и развивается историками-краеведами. В их статьях не трудно уловить концепцию, смысл которой сводится, если можно так выразиться, к „мирному врастанию" коми в социализм. Отсутствие в дорусский период классовых противоречий рассматривается как счастливая особенность коми, отличающая его от прочих народов. Благодаря ей в натуре коми-морта прочно укоренились черты коллективизма, общинности, честности, сознания общего равенства и даже самокритики. Все эти качества позволяют народу коми без всяких перипетий внутренней борьбы перейти к социализму, как только он окончательно стряхнет с себя все иноземное, наносное, что насело на него сверху в продолжение пятисотлетнего угнетения.

Доказывать кулацкий характер этого своеобразного народничества нет нужды; он слишком очевиден. Наша задача заключается в том, чтобы поставить на правильную марксистскую основу дело изучения древнейшего периода коми — истории. Сомнение в существовании классовой борьбы в дорусский период не исчезнет до тех пор, пока к изучению этого периода не будет привлечено на помощь марксистское учение о формациях. Только в свете этого учения те необычайно скудные и отрывочные данные о древней общественной жизни коми, что дошли до наших дней, могут составить сколько-нибудь стройную картину. Такая картина, будучи восстановлена,

с несомненностью обнаруживает у коми те же ступени развития и те же общественные формы с их последовательной сменой, через которые проходили в свое время остальные народы. С тех пор как коми вышли из стадии так называемого первобытного коммунизма, для характера их последующего развития сделалось обязательным известное выражение „Коммунистического Манифеста“: „история всего предшествующего общества есть история борьбы классов“. Между тем первобытное бесклассовое устройство существовало у коми, повидимому, так давно, что от него остались только слабые следы. Мы застаем коми-народ уже в последней стадии разложения этих древнейших устоев, в период образования современной парной семьи и возникновения частной собственности. На более же раннее общественное устройство указывают только некоторые пережитки в зырянском быту.

Писавшие о зырянах энтографы нередко отмечали у них одну „безнравственную“ черту — недостаток „целомудрия“. В 1864 г. в Устьсысольском уезде на каждые 17 законорожденных приходился один „незаконорожденный“, и такая же примерно пропорция отмечена для Яренского уезда. [1] Почтенных ученых чрезвычайно возмущало равнодушное отношение зырян к целомудрию женщин.

„Легкое поведение девиц нимало не препятствует выходу в замужество, лишь бы они не были беременны и имели качества хороших хозяек. Поэтому забеременевшие обыкновенно отправляются в Петербург и, разрешившись там от бремени и пристроив ребенка, возвращаются домой как ни в чем не бывало“. [2] Подобная черта относилась к числу „племенных пороков зырян“, хотя те же ученые прибавляли, что „особенная распущенность имеет место там, где зыряне перемешаны с русскими“. [3]

В настоящее время это изучение народов под углом зрения их нравственных пороков и добродетелей воспринимается как отвратительный эпизод прошлого, но отмеченная этнографами особенность половой жизни зырян заслуживает внимания исследователя как отголосок древнего устройства семьи у коми. Очевидно было время, когда сожительство женщины с несколькими мужчинами не считалось пороком и рассматривалось как нормальная форма брака. В том, что такая семья, близкая по типу к семье „пуналуа“, существовала некогда у коми в состоянии их дикости, сомневаться не приходится, но это было в очень далекие времена. Отмеченная же здесь „распущенность“ является пережитком более позднего семейного устройства, непосредственно предшествовавшего единобрачной семье. Замечено, что „замужние зырянки менее, нежели девицы, склонны

[1] К. Попов. Зыряне и зырянский край, стр. 16, М., 1874 г.

[2] Там же, стр. 52.

[3] Там же. Без сомнения, русские „цивилизаторы“ сделали все, чтобы этот пережиток превратить в порок. Купцы, чиновники и прочие колонизаторы нашли в нем благодарную почву для своего разврата.

к незаконному любострастию". [1] И это имеет свое объяснение. У юкагиров до последнего времени существовал такой порядок, при котором девушки пользовались до замужества полнейшей свободой в половом отношении. Каждая имела в отцовском юрте особый полог, в котором принимала молодых людей, о чем родители хорошо знали и только делали вид, что не замечают этого. На почве такого сожительства у девушки устанавливалась более прочная связь с одним из возлюбленных, который и становился ее мужем. Не трудно в этом увидеть пережиток того случайного брака или случайного семейства, которое Энгельс считает характерным для периода варварства и от которого остается один шаг до современной моногамии. Случайный брак возник из полигамной семьи благодаря более или менее продолжительному сожительству отдельной пары. Из множества мужей женщина выбирает одного, точно так же, как мужчина из всех жен отдает предпочтение какой-либо одной. Что подобная форма случайного брака существовала у коми на заре их истории, можно заключить по аналогии с вотяками, считающимися „родными братьями" пермяков и зырян, с которыми они якобы составляли некогда один народ. Как показали наблюдения энтографов XIX в., у вотяков с „целомудрием" обстояло еще хуже. „Девушки и юноши живут в тесном общении; так называемая стыдливость не ставит любовным отношениям никаких преград. Для девушки считается даже позором не иметь многих любовников". [2] По словам одного энтóграфа, у вотяцкой молодежи бывали игры, пародировавшие свадьбу, во время которых девушки и юноши, разбившись на пары, уходили в сторону, и „игра принимала в этот момент весьма реалистический характер". [3]

Вотяцкие девушки ценились прежде по числу любовников, причем высшую квалификацию получала та, которая до брака прижила детей. Ее наиболее охотно брали в жены, и отец получал за нее большую плату. У вотяков до самого конца XIX в. можно было наблюдать так называемый гостеприимный гетеризм, когда гостю, остановившемуся в доме вотяка, хозяин радушно предлагал на ночь свою дочь или жену. Исследователи должны были притти к заключению, что „такие воззрения отнюдь не могут считаться последствиями новейшей деморализации", [4] что это скорее остатки древних форм семейного устройства. Вотяки, быт которых испытал на себе влияние русской колонизации и христианизации сравнительно недавно, сохранили остатки древних общественных форм в гораздо большей степени, чем пермяки и зыряне, обращенные в христианство уже во второй половине XIV в.

Парная семья в период случайного брака слишком еще неустойчива и слаба, она легко расторгается по желанию одной

[1] Попов. Зыряне и зырянский край, стр. 52.
[2] М. Ковалевский. Социология, т. II, стр. 70.
[3] Там же.
[4] Там же.

из сторон, и у такой семьи редко возникает стремление обзавестись собственным хозяйством. Поэтому при случайном браке женщина не переходит из одного дома в другой, а продолжает оставаться в той семье, где родилась. Напротив, мужчина переходит в дом родителей жены. У многих народов, населявших бывшую Россию, такой порядок сохранился в виде тех или иных пережитков. [1] Проф. Смирнов заметил, что у коми для обозначения тестя имеется своеобразный термин, и этот термин, по его мнению, возник в ту пору, когда муж не брал в свой дом жену, а сам вступал в дом ее родителей. [2]

Последнее обстоятельство у всех народов было источником если не могущества, то, во всяком случае, высокого общественного положения женщины. Энгельс из рассказов Моргана заключил, что у ирокезов женщины лишь случайно не додумались, чтобы по своему желанию назначать и смещать племенных старшин и начальников. У коми точно также авторитет женщины стоял весьма высоко. Некоторые воззрения, живущие в народе, дают основание заключить о совершенно исключительном положении женщины в старину. „По воззрениям зырян — говорит проф. Налимов—женщина выше царя, архиерея, попа, она не должна первая кланяться им; в момент родов она бывает наравне с „богородицей". [3] Этот ореол, окружающий женщину-зырянку, несомненно отголосок того прежнего выдающегося положения, которое она занимала в обществе.

Однако, кроме этих слабых отголосков древности, никаких других признаков существования у коми коммунистической семьи, основанной на материнском праве, мы не знаем. Даже о существовании патриархальной семейной общины, как промежуточной ступени между матриархатом и современной изолированной семьей, сохранились очень скудные данные, к каковым можно отнести напр. послание митрополита Симона в Пермь 1501 г., где указывается на обычай левирата, характерный пережиток родового быта: „Якоже слышу о вас, что деи у вас понмаются в племени по ветхому и по татарскому обычаю: кто у вас умрет и вторы деи его брат жену его понмает и третьи деи брат его такожде творит". [4]

И. Н. Смирнов пытался проследить наличие в древности родового строя у коми по названиям деревень. В названиях деревень нередко заключаются личные имена, а так как на языке коми „юрт" означает не только деревню, но и дом, то Смирнов решил, что, селение коми составлялось постепенно из жилищ разраставшегося рода. Такое объяснение нельзя признать удовлетворительным. Что первоначальной ячейкой деревни являлся всего лишь один двор—верно; большинство северных деревень начало свое существование с одного домишка или починка, но это

---

[1] А. Н. Максимов. Из истории семьи у русских инородцев. „Этнографическое обозрение" 1902, № 1.
[2] Смирнов. Пермяки, стр. 138.
[3] „Коми-му", 1924 г. № 2, стр. 49.
[4] Акты исторические, т. I, стр. 168.

ни в какой мере не оправдывает взгляда на происхождение деревни как родового поселения. Из писцовых книг XVI—XVII вв., когда ни о каком родовом быте не могло быть и речи, видно, что множество деревень Яренского и Чердынского уездов, представлявших основную территорию народа коми, состояло из одного или двух дворов. „Что один двор составляет деревню, это можно видеть почти на каждой странице Новгородских писцовых книг“—говорит В. И. Сергеевич.[1] Зырянские и пермяцкие деревни в этом отношении ничем не отличались от русских. Таким образом, с этой стороны аргументировать в пользу существования у коми родового быта нельзя. Более удачной следует принять другую попытку И. Н. Смирнова разрешить этот вопрос путем обращения к археологии. На территории коми сохранилось множество развалин древних укреплений, именуемых в народе чудскими городищами или „карами“ (городами). Это, по большей части, земляные валы, опоясывающие сравнительно небольшую площадку, на которой, вероятно, ютились постройки, а на валах воздвигались деревянные или каменные стены, делавшие „кары“ в подлинном смысле крепостями. К этому надо прибавить, что располагались они, главным образом, на возвышенностях при извилинах рек или при впадении одной реки в другую, так, чтобы с двух сторон быть защищенными рекой, а с третьей—либо болотом, либо озером.

Действительно, такие городища, встречающиеся не тольк на территории области коми, но и по всему северу и по всем европейскому СССР, хорошо известны археологам и относятся к эпохе родовых поселений. Такой же вывод надо сделать, вероятно, и в отношении зырянских „каров“. Но при этом нельзя не принять во внимание, что уже в XVI—XVII вв. кары представляли собой развалины, поросшие лесом или взятые под пашню каким-нибудь крестьянином. В писцовых книгах часто упоминаются эти „чудские городища“. Так, в Сысольской волости в 1586 г. писцами отмечен „починок на чюцком городище“; в другом месте стоял „починок подле городища“, а на месте третьего городища находилась деревня, состоящая из одного двора.[2] В Яренском уезде в Вездынском погосте отмечена „деревня Новосельцы, что было чюцкое городище“.[3] Эти же городища упоминаются в писцовой книге 1608 г. Смирнов подметил в названиях древних каров личные имена и вывел отсюда заключение, что кары были не что иное, как поселения родов, объединенных воспоминанием об основателе-родоначальнике.

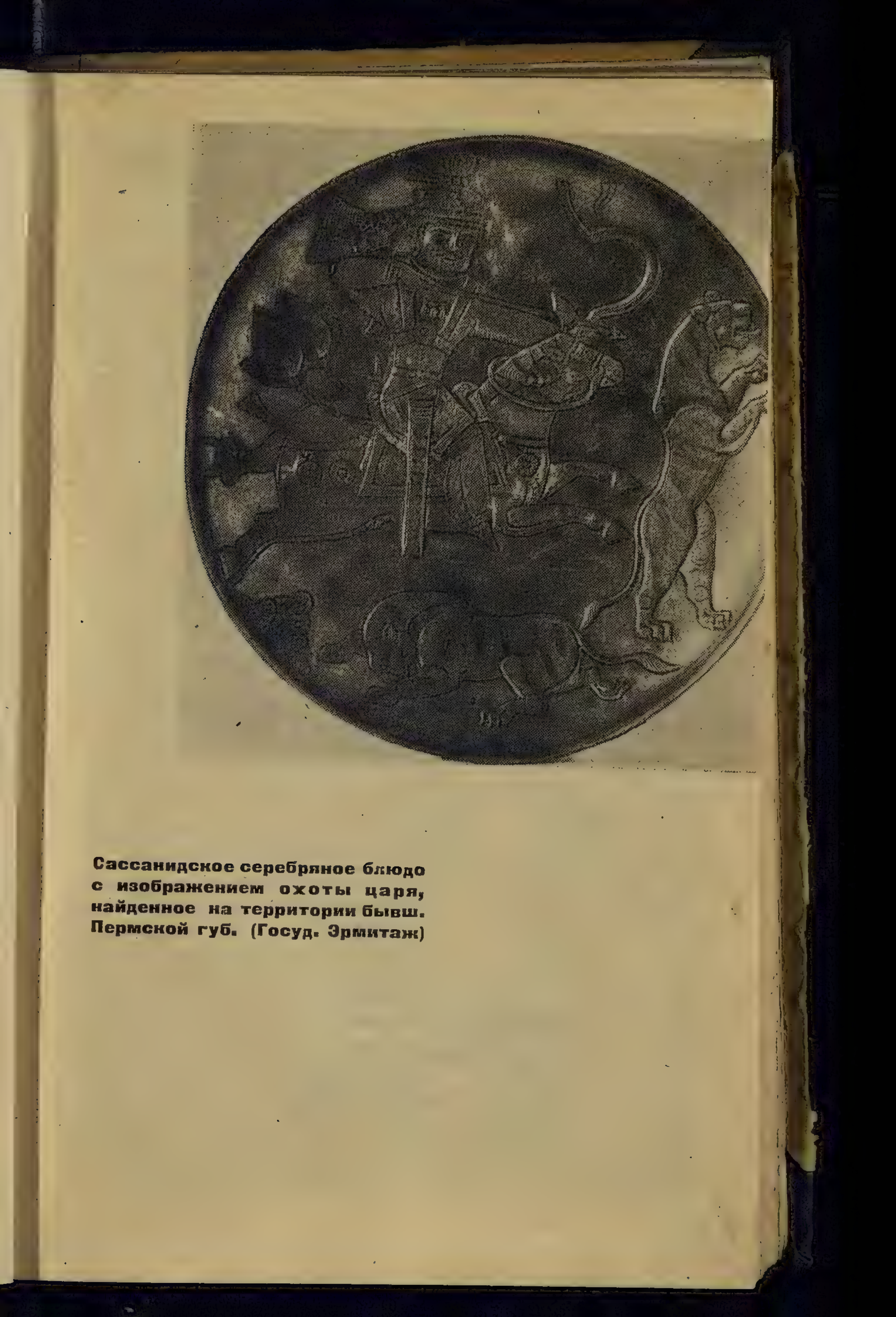
Повидимому „кары“ перестали быть обитаемыми в очень давние времена. В жалованной грамоте Филофею конца XV в.

---

[1] „Древности русского права“, т. III, стр. 46.

[2] Список с сотной на Сысольскую волость 1586 г. Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде. Рукописное отделение. Q. IV, № 369.

[3] Сотная на Яренск с уездом 1585—86. Собрание Историко-Археографического Института Академии наук СССР.

Сассанидское серебряное блюдо с изображением охоты царя, найденное на территории бывш. Пермской губ. (Госуд. Эрмитаж)

фигурируют уже деревни и дворы—современный нам вид поселений, причем деревни носят названия, сохранившиеся до сих пор. Ни в летописях, ни в житии Стефана точно также не упоминается о городищах. Из жития мы можем заключить скорее о существовании в XIV в. тех же самых деревень, которые упоминаются в жалованной грамоте Филофею. „Кары", надо полагать, были заброшены задолго до этого времени. Те города, что существовали у коми в историческую эпоху, вроде Емдына (Усть-Вым), Яренска, Искора, Покчи, Чердыни и т. д., были уже не родовыми поселениями, а городами классового, феодального общества. Это те города, про которые Энгельс сказал, что „в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию".

Мы, разумеется, далеки от мысли, будто народ коми в своем развитии миновал родовой быт, как определенную общественную форму, через которую в свое время прошли все народы. Для такого утверждения нет никаких оснований. Отсутствие указаний на существование у них родового устройства в исторические времена свидетельствует, по нашему мнению, только о том, что ко времени появления письменных известий родовой быт у них или совершенно исчез, или находился в стадии разложения. Проследить внутренний процесс этого разложения мы сейчас не в состоянии. Может быть, впоследствии археологам и лингвистам это удастся сделать. Нельзя только не указать на то, что, кроме этих внутренних причин, существовали и чисто внешние обстоятельства, чрезвычайно способствовавшие такому разложению. Сведения наши о торговле Камско-Вычегодского района с древним Булгаром и с Востоком не оставляют на этот счет никаких сомнений.

Было бы в высшей степени странно, если бы те продолжительные торговые связи, на которые указывалось в предыдущей главе, не оказали никакого влияния на хозяйственный и общественный строй коми. Мы привыкли наблюдать быстрое разложение партиархальных основ жизни у всех народов, где товарно-денежные отношения получили широкое распространение. „Торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительную стоимость".[1] Родовой быт, покоящийся преимущественно на натуральном замкнутом хозяйстве, при соприкосновении с торговлей и обменом, рассыпается как изъеденное червями дерево. Мы не имеем никаких оснований допустить, что коми, будучи втянуты в мировую торговлю через Булгар, сумели в то же время сохранить в неприкосновенности свой родовой строй. Что к моменту прихода Стефана родовой строй у них находился в последней стадии разложения, с несомненностью вытекает из самого „жития" Стефана. Обратив зырян в православие, Стефан сделался

[1] Маркс. Капитал, т. III, стр. 256.

крупным феодалом в Коми-области. Объяснять этот факт только тем, что Стефан был пришлый иноземец, по существу—завоеватель, нельзя. Это значило бы приближаться в объяснении причин смены общественных форм к современному каутскианству, а то и к более старым буржуазным теоретикам вроде Огюстена Тьерри. Причину появления феодализма в Коми-области следует искать не в русском завоевании, а в том, что само зырянское общество созрело для феодализма.

Не менее ясным признаком разлагающегося патриархального строя является существование у зырян особого института, аналогичного древне-германской марке. По Энгельсу, марка представляла собой „измененную территориальную форму общинного устройства“, в которой „родовой строй может существовать в течение целых столетий“, в том случае, когда экономическая основа общества остается неизменной.[1] Но в то же время марку ни в коем случае не следует представлять исключительно как форму консервации родового строя. Марка одновременно—явление классового общества, характерный признак государства, потому что, сравнительно со старой родовой организацией государство, прежде всего, отличается подразделением своих жителей по территориальному признаку“.[2] Согласно Энгельсу, у германцев появление марки сопутствует появлению государства, которое „возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств“.[3] Марка таким образом одновременно—и особая форма существования родового строя в государственный период, и форма исчезновения родового строя перед лицом развивающегося государства и классового общества. Патриархальный быт в виде территориальной общины, по выражению Энгельса, „приспособился к государству“. „Незаметно растворился здесь—говорит он про германцев—родовой строй, по крайней мере в странах, где удержалась марка: на севере Франции, в Англии, Германии, Скандинавии—в территориальном устройстве и оказался поэтому способным приспособиться к государству“.[4] Этот приспособившийся к феодальному государству родовой быт оказывается иногда чрезвычайно живучим, как то видно на примере русской поземельной общины. И подобно тому, как существование в XIX в. общины отнюдь не означало отсутствие в России государства и ярко-выраженного классового общества, так и в старину существование марки, как особой видоизмененной формы родового строя, не противоречит факту существования государства, а напротив, как утверждает Энгельс, является отличительным признаком государства. Если бы у летописных предков нынешних коми существовало нечто по-

[1] Энгельс. Происхождение семьи, собственности и государства, стр. 153. 1923 г.

[2] Там же, стр. 154.

[3] Там же, стр. 153.

[4] Там же, стр. 137.

хожее на марку, мы могли бы с полным основанием говорить о существовании у них в древности государства. А между тем это „нечто" у них было. Наблюдения историков вроде Павлова-Сильванского [1] и Соколовского [2] показали, что нечто подобное германской марке или „Markgenossenschaft" известно было на севере России под именем „волости" или „мира". Эта северно-русская волость достаточно хорошо описана в специальной литературе, и на ней нет надобности останавливаться. Важно лишь отметить, что подобно северно-русской волости существовала такая же волость у зырян. По крайней мере, никаких особенных отличий не ьзя заметить уже в XVI—XVII вв. Может быть, в этом сказалась нивелирующая роль московского правительственного аппарата? Едва ли. Московское правительство не являлось организатором волости на севере; оно нашло здесь волость вполне сложившейся и только зарегистрировало ее в актах, приспособив к своим фискальным целям. В тех редких случаях, когда писцы перекраивали волости по-своему, не считаясь с их естественно образовавшимися границами, население роптало, посылало в Москву ходоков и засыпало приказные учреждения жалобами.

Следует заметить, что центральная московская власть окончательно упрочилась в Коми-области только к концу XV века, после победы Ивана III над Новгородом и после битвы устюжан с войсками Шуйского, решившей судьбу Двинской земли. До тех пор Москва владела зырянским краем через епископов пермских, в практике которых преобладала черта не ломки местных общественных учреждений, а приспособления их для своих нужд. Царский чиновничий аппарат продвинут был в Коми-область только с 80 годов XV в., к каковому времени вероятно и относится составление первых писцовых книг. В жалованной грамоте епископу Филофею 1491 г. [3] встречается указание на какое-то „гаврилово письмо": „а тот остров в Гаврилове письме не писан" или „князь великий обыскав наперед Гавриловы отписи да теми пустошами пожаловал..." и т. д. Очевидно до 1491 г. Пермскую землю описывал какой-то писец Гаврило, книги которого с тех пор стали руководящим материалом для московского фиска и для московской аграрной политики в Коми-области. Трудно допустить, чтобы этот писец Гаврило в небольшой срок мог проделать огромную реформу — насадить взамен прежних туземных учреждений русскую систему волостей. Если бы такая реформа была проведена, мы все-таки имели бы возможность в позднейших актах встретить какое-нибудь указание на это и могли бы найти отголоски прежних разрушенных учреждений, которые так скоро не умирают. Ничего подобного, однако, не встречается. Очевидно,

---

[1] „Феодализм в древней Руси".
[2] „Очерк истории сельской общины".
[3] Историко-Археографический Институт Академии наук СССР. Коллекция Савваитова.

древняя зырянская община, сохранившаяся при епископах пермских под именем погостов, станов, волостей, волосток (термины, в эту эпоху однородные), перешла без особых изменений в XVI — XVII вв. Таким образом в волости XVII в. мы можем усматривать ту территориальную общину, что установилась некогда на месте распавшейся родовой общины.

Мы не знаем, совпадали ли границы волости XVII в. с границами древней волости. Наверное нет. Волость имела возможность расширять свою территорию путем присоединения вновь образовавшихся деревень и починков; по мере разрастания волости от нее могла отпочковаться известная часть и превратиться в самостоятельную волость, могли меняться волостные центры и т. д. Но самая природа волости оставалась без сомнения прежней.

Наблюдения над зырянской волостью XVII в. приводят к очень любопытным заключениям. Сквозь сеть погостов, действовавших в то время, вполне явственно проступают контуры какого-то древнего деления земли Коми, которое не стерлось еще и в Московский период. Погост в качестве земской единицы, как известно, был преобладающим для уездов Яренского, Чердынского и Соликамского, т. е. для всей территории поселений коми, но, кроме названия, по существу ничем не отличался от волости. Согласно схеме тогдашнего административного деления, уезд составляла совокупность погостов-волостей, и никаких посредствующих звеньев между уездом и погостом не должно быть. Их и не было почти во всех уездах севера, за исключением Яренского. Яренский уезд в этом отношении весьма интересен. Здесь погосты объединены еще в какие-то более крупные единицы, иногда носящие названия волостей, а иногда не имеющие никаких названий. Одиннадцать погостов, именуемых также волостями, по течению Сысолы зовутся в писцовых книгах Сысольской волостью. Погосты по Вашке составляют Удорскую волость, а три погоста по Вычегде, ближе всех лежащие к Сольвычегодскому уезду, поименованы Плесовской волостью, но зато погосты, лежащие по течению Выми, хотя и объединены в какую-то особую группу, но никаким административным термином не обозначены.

Писцовые книги называют их просто „Вымь" или „Вымская земля". „А у Вымские земли угодья опричь погоста Вишеры: река Вым с верховья и до устья да с верховья с Вымского реки и речки, которые впали в реку в Вым; по левой стороне: речка Виздюга, да речка другая Вездюга, да речка Пожга, да речка Сомса, да речка Кедва, да речка Ухта, да речка Нючаль, да речка Камышь, да речка Кольни, да речка Вожюга, да речка Весленая, со всеми истоки и с падучими речками да озеро Сендерское, а на правой стороне с верховья вниз по реке по Выми: речка Сорьюга, да речка Чигур да речка Вежаюга, да речка Кусьюга"... и т. д. Следует перечисление речек и озер... „А ловити им в реках и в озерах всем кре-

стьянам Вымскою землею, а по купчим и по духовным до рек и до озер дела нет".[1]

Аналогичное явление представляет собой группа погостов, тянущихся по Вычегде от рубежа Плесовской волости до верховья реки Вычегды. Образуя вполне определенную территориальную единицу, они не обозначены ни волостью, ни станом; они названы просто „Вычегодской землей", а крестьяне, населявшие эти погосты, — „вычегодскими крестьянами" или „вычегжанами". Какой смысл имело учреждение таких крупных волостей? Без сомнения это не продукт московской приказной политики; со стороны Москвы, наоборот, заметна тенденция к разукрупнению подобных волостей, не вполне удобных для царской администрации.

Описанные ассоциации волостей образовались, повидимому, еще в домосковский период. Если упомянуть Великую Пермь, о которой речь будет впереди, то в ее лице, а также в лице Вымской земли, Вычегодской земли, Сысолы, Удоры и Плесовской волости перед нами выступают те крупные волостные союзы, которые, быть может, представляли собой некогда отдельные зырянские племена. Что подобное деление не случайность и не явление позднейшего времени, может быть подтверждено следующими наблюдениями. В писцовых книгах иногда встречаются названия, с несомненностью указывающие на существование в прошлом каких-то политических центров этих крупнейших союзов. „За рекою за Вычегдою над озером над княжим, что была старая Вычегда деревня Княжича".[2] Что это за „Старая Вычегда"? После того как мы проследили наличие в древности какой-то „Вычегодской земли", объединявшей все волости по течению Вычегды, самым правильным будет усмотреть в „Старой Вычегде" нечто вроде столицы „Вычегодской земли", может быть, резиденцию вычегодского князя; недаром же и озеро носит название „Княжого" и деревня „Княжича".[3]

Заметно существование политического центра и в Вымской земле. Прежде всего, это Усть-Вым, местопребывание пермских епископов в XV веке и самое крупное селение во всем древнем зырянском крае. В книге „Большого Чертежу" он именуется „Старою Пермью". В этом нельзя не видеть отголоска былого значения Усть-Выма, когда он претендовал на звание столицы всей Пермской земли, что между прочим подтверждается и тем особым отношением к нему со стороны народа и чиновников, которое наблюдалось неизменно на протяжении XVI и XVII вв.: несмотря на то, что уже в конце XVI в. уездным центром был объявлен Яренск, тем не менее в грамотах из Москвы продолжали писать „Вымского уезда в Еренской городок" или „На

[1] Писцовая книга Яренского уезда 1608 г. А. М. Гневушев. Акты времени правления В. Шуйского, стр. 322

[2] Там же, стр. 286.

[3] Недалеко от Яренска обозначен „починок Княжщина", а в волостке Тахте по Вычегде „был починок Княжий Мыс". Там же, стр. 270, 272.

Вымь в Еренской городок". В местных же челобитьях обычно значилось: „били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичу всея Руси Вымского уезда Сысольские волости целовальники"... и т. д. Этим вниманием к себе Усть-Вым был обязан своему прежнему блеску. Но блистать он стал, повидимому, незадолго до прихода Стефана и учреждения епископской кафедры. Гораздо более древним центром Вымской земли следует считать Княжпогост, расположенный вверх по Выми, где, согласно преданию, жили вымские князья.

Факт существования у коми князей до сих пор оспаривается, несмотря на совершенно ясные указания летописей. Некий Сан-Антус совсем недавно утверждал со страниц „Коми-му", [1] будто князей у коми до прихода русских не было, а если они впоследствии обнаружились, то их появление следует приписать русской политике. Русские искусственно создали институт князей у зырян. С подобным утверждением не мирятся ни методология, ни факты, и в нем не трудно подметить знакомую нам тенденцию представить дорусский период без угнетателей, без угнетенных, и без каких бы то ни было внутренних противоречий. Это неверно. Разве мы не знаем, что, например, у соседей коми — вотяков—князья существовали как вполне самобытный институт. Было бы странным, если бы более отсталые вотяки ушли вперед в смысле общественного развития по сравнению с зырянами и пермяками, ибо появление князей знаменует уже зарождение государства. В языке вотяков, пермяков и зырян профессор Смирнов нашел выражение „öksem", означающее „собрание", „совет общества", на котором вершились общественные дела и чинился суд. [2] Это учреждение, установившееся, по его мнению, еще в отдаленные времена, чрезвычайно походит на вече или на позднейший мирской сход, мирской совет. Это вероятно и был верховный орган управления древней волостью-маркой; его мы находим и у славян, и у германцев, и наличие его у того или иного народа Энгельс считает одним из признаков высшей ступени варварства. Аналогия с германцами углубляется, когда мы от того же профессора Смирнова узнаем, что рядом со словом „öksem" существует родственное ему слово такого же древнего происхождения „öksej"—князь. Это нас сразу вводит в понимание процесса возникновения князей у коми. Конечно, у них так же, как у тацитовских германцев, князья выросли из тех лиц, что выбирались миром в качестве исполнительной власти. Это та „естественно выросшая", по выражению Энгельса, аристократия, которая положила начало новой феодальной аристократии. Даже отдельные моменты подтверждают эту аналогию. Так, если согласно Тациту на содержание выборных старшин у германцев шли почетные подарки в виде хлеба, скота и пр., то и язык коми сохранил указания на какую-то дань, полагавшуюся князю от населения. [3] Память о своих князьях

---

[1] „Коми-му", 1929, № 4, стр. 54.

[2] Смирнов. Вотяки, стр. 24, Казань, 1890 г.

[3] Там же.

живет в народных преданиях зырян, и Шегрен, путешествовавший по зырянскому краю в первой половине прошлого столетия, сам слышал эти предания.[1] Начиная же с XIV века, о князьях коми сообщают русские летописи. Едва ли не самое раннее из таких сообщений встречаем под 1324 г., когда летописец упоминает о каких-то „князьях Устюжских“. В этом году великий князь Юрий Данилович с новгородским войском взял Устюг, после чего „поидоша на Двину и тоу прислаша князи Оустюжские и докончаша с ним мир по старине“.[1]

Что это были за князья? Исследователи до сих пор понимали это место буквально, усматривая в упомянутых князьях владетелей Устюга, таких же удельных князьков, какие сидели в Ростове, в Ярославле и в других городах тогдашней Руси. Такое объяснение нельзя признать удовлетворительным. Прежде всего обращает внимание не свойственное феодально-вотчинному режиму одновременное княжение нескольких лиц в одном и том же городе. С другой стороны известно, что Устюг с давних пор представлял собою не что иное, как форпост ростовской колонизации на севере, и находился под властью ростовского князя. Во всяком случае ни до, ни после 1324 г., за исключением одного случая, никаких признаков существования в Устюге самостоятельных князей не встречается. Трудно допустить, чтобы летописец ни словом не обмолвился об устюжском князе, если бы таковой был, при описании такого, например, крупного политического инцидента, какой имел место в Устюге в 1295 г. Сюда прибежал, спасаясь от преследования, ростовский епископ Тарасий, а вслед за ним появился его гонитель ростовский князь Константин Борисович, спокойно схвативший владыку в городе со всеми его людьми.[2] При существовании устюжского князя или нескольких князей подобный эпизод вряд ли мог разыграться в такой форме. Наконец, нельзя не отметить странной обстановки, при которой между князьями и Юрием Даниловичем заключен был „мир по старине“. Почему-то этот мир был заключен не в самом Устюге, а после того как Юрий „поидоша на Двину“. Вряд ли побежденные князья отправили ему в догонку из Устюга посланных с мирными предложениями. Очевидно то были какие-то „инородческие“ князьки, обитавшие севернее Устюга, которые при приближении новгородцев поспешили войти с ними в мирные отношения. Выражение „по старине“ показывает, что они и раньше состояли в подобных отношениях и что только с некоторых пор эти отношения ослабли. Повидимому, отвлеченный борьбой в союзе с московским князем против Твери Новгород уделял слабое внимание своей политике на севере, в результате чего упомянутые князьки стали оказывать непокорство. Но к какому народу они принадлежали? На это можно ответить простым указанием: ближайшим к северу от Устюга народом могли быть только

[1] Типографская летопись, стр. 115.
[2] Типографская летопись, стр. 106.

коми. Это они перебили новгородцев, шедших в Югру, в 1329 г. „Тои же зимы избиша Новгородцев котории были пошли на Югру“.[1] Путь в Югру лежал через страну Коми.

На известном посохе Стефана Пермского, обложенном, очевидно, после его смерти резною костью с изображением жития этого святого, имеется попорченная надпись под одним из изображений:

„И собравшися князи нев ... ехотяша крести ...“[2] Очевидно, в деятельности Стефана был эпизод, когда ему пришлось иметь дело с князьями, не желавшими креститься, как можно догадаться из надписи. Об этом эпизоде не знал или не счел нужным сообщить Епифаний, но он был известен мастерам, работавшим над посохом и сохранившим этот намек на существование зырянских князей в 70—80 годах XIV в.

Мы имеем, наконец, поименный список князей в так называемом Чердынском синодике, начало составления которого А. А. Дмитриев относит к середине XV века. Там поименованы пермские князья: Михаил, убиенный от вогул, Владимир, Иоанн; князья вымские: Ермолай, Василий, Федор; князья пермские же: Иоанн, убиенный от вогул, Дмитрий, Константин, Андрей Великопермский, Матвей Пермский; княгини великопермские: Анна, Ксения, Анастасия.[3]

Хотя время княжения этих лиц не указано, но, судя потому, что все они носят православные имена, можно заключить, что жили они после введения христианства, т. е. после конца XIV в., вернее всего во второй половине XV в. По крайней мере, известно, что князь Михаил Пермский был крещен вместе с своим народом епископом Ионою в 1463 г., при завоевании Пермской земли московскими воеводами кн. Федором Пестрым и Гаврилой Нелидовым, и в 1472 г. взят в плен и доставлен в Москву, откуда вскоре возвращен в Пермь, но уже не в качестве независимого князя, а в качестве вассала Ивана III.[4] Вымский князь Василий Ермолич ходил в 1465 г. вместе с русскою ратью на Югорскую землю,[5] а Матвей Михайлович Великопермский известен как последний самостоятельный князь. В 1505 г. Иван III лишил его княжеского престола и послал в Великую Пермь своего наместника, а самого князя перевел в Москву и наделил поместьем в центральной области. В тульских писцовых книгах 1587—1589 гг. значится в Туле близ Пятницких ворот дом, в котором живет князь Семен Иванович Великопермский, дворянин и сын боярский, а в Нюховском стану Тульского уезда за ним числилось поместье: трет сельца Скорнева на речке Холохонце, пашенной земли 75 четей в поле „а в дву потомуж“, 100 копен сена, да сошного письма пол-пол чети и пол-пол-пол

---

[1] Новгородская I летопись.

[2] Шишонко. Пермская летопись, т. I, стр. 16.

[3] Напечатан у Берха, у А. Дмитриева и в примечаниях к „Книге большого чертежу“, изд. Спасским.

[4] Никоновская летопись.

[5] Архангелогородский летописец, стр. 141.

чети. Вот где оказались потомки властителей коми.[1] Об одном из них, кн. Матвее Федоровиче Великопермском, также сохранились сведения, как о дворянине московском: в 1633 г., в ожидании возобновления войны с поляками, ему поручено было оберегать Дмитриевские ворота в Кремле, но в 1641 г. он под конвоем двух сибирских казаков был сослан за что-то на Верхотурье, причем казакам был дан строгий наказ следить, чтобы он не ушел к калмыкам.[2]

Эти наблюдения приводят нас к чрезвычайно важным заключениям; мы становимся перед фактом существования у древних коми феодализма. В жалованной грамоте 1491 г., выданной Иваном III епископу пермскому Филофею, где приводится длинный перечень захватов земли, произведенных этим пастырем у своей паствы, имеется указание и на захват земли от местных зырянских князей Петра и Федора, сыновей известного нам Василия Ермолича Вымского. У них владыка отнял „три курьи — Орлово, да Белоручьи, да Травния, что был ту половина озера Юрома". Это указание на местных князей-землевладельцев приподнимает завесу над целой эпохой внутренней социально-экономической жизни коми. Без сомнения, земельные владения вымских князей были гораздо обширнее обычных крестьянских участков. Если они были меньше вотчины такой акулы, как епископ Филофей, то среди местного населения княжеские земли, надо думать, выделялись как образец крупного туземного землевладения. Несомненно также, что сами князья земли не пахали, даже князей, совершенно лишенных престола, московская власть до этого не доводила. Следовательно, это были местные зырянские феодалы, чьи земельные владения образовались тем же путем, что и владения Филофея, что и владения всех феодалов — путем захвата крестьянских земель, путем разграбления „марки"-волости. Если обратимся к Коми-Пермяцкому округу, то и там найдем следы существования „самобытного" феодализма, зародившегося до установления московского наместничества. Сохранились сведения, что великопермский князь Матвей Михайлович, сидя еще на своем прародительском престоле, пожаловал Богословскому Чердынскому монастырю земли во владение. Перечень этих земель дошел до нас в писцовых книгах И. Яхонтова, откуда узнаем, „что за Богословским же монастырем князь-Матвеевских Великопермского пустых земель и лесу и лугов в Чердынском уезде по конец Токчинского поля п е р е л о г у пять четвертей; да лесу пашенного пять десятин, да на Люндоре пять четей да лесу большого пашенного три десятины, да за Вотцким погостом на Зайбе п е р е л о г у шесть четей, да на Шантуре лесу пашенного пять десятин да в Покчинском в среднем поле лесу пашенного большого двадцать четыре десятины, да пашни шесть четей, да

---

[1] В. Голубцов. Князья великопермские, пермские и вымские. Труды Пермской Ученой Архивной комиссии, 1892 г. вып. 1.

[2] В. Голубцов, там же.

на речке на Вишере луг Данилов".[1] Князь, жертвующий земли в монастырь, — явление чисто-феодального порядка. Как видно из приведенного перечня, пожертвование было довольно значительным, и, судя по тому, что земли были „пустые", т. е. не населенные крестьянами, они представляли наименее ценную часть княжеских владений и конечно наименьшую их часть с точки зрения количества. Общая масса земель великопермского князя представляла, следовательно, солидную вотчину.

Данные, на основании которых мы приходим к заключению о существовании феодализма у коми, количественно небогаты; однако никакого иного толкования приведенным фактам дать нельзя. Соединение политической власти с крупным землевладением всегда было несомненным признаком феодализма. А сколь развита была власть пермских князей, видно из того, что созданное ими законодательство продолжало действовать долгое время после того, как коми подпали под власть Москвы. Великопермская уставная грамота XVI в. предписывает наместникам и волостелям „первых судов и грамот князей пермских не посуживати".[2]

Коми, следовательно, в момент своего покорения Москвой стояли на весьма высокой ступени общественного развития. Они прошли в своем развитии все общественные формы, свойственные европейским народам, и прошли их почти не отставая, по крайне мере, от своих ближайших соседей. Можно ли после этого отрицать существование у них в старину классов и классовых противоречий? Попытки подобного отрицания нельзя не рассматривать как непосредственное проявление кулацкой идеологии.

[1] Акты исторические, т. I, стр. 397.
[2] Грамота напечатана у Берха и у А. Дмитриева.

5

Покорение коми

Зыряне были первым народом, приведенным Москвой под свое владычество, причем сделано это было столь искусно, что Г. С. Лыткин воскицает: „в недоумении тщетно предлагаешь себе вопрос: когда же совершился переход зырянской страны из-под власти Великого Новгорода под власть Москвы“. [1] Всякая попытка проследить этот процесс неизбежно уводит

[1] „Зырянский край и зырянский язык при епископах пермских“, стр. 10, СПБ. 1889 г.

нас в ту далекую эпоху, когда за северо-восточный край шла борьба между тремя крупными политическими центрами—Булгаром, Великим Новгородом и Ростово-Суздальским княжеством, завещавшим борьбу своей наследнице Москве. Мы видели, что булгары еще в X в. совершали торговые экспедиции на самый крайний север и были здесь единственными хозяевами вплоть до появления русских. Но уже с XI в. в Югру начинают проникать новгородцы. В Лаврентьевской летописи под 1096 г. имеется любопытный рассказ, переданный со слов некоего Гюряты Роговича Новгородца, который „послах отрок свой в Печору"—племя, платившее Новгороду дань. С Печоры отрок отправился в Югру, которая, по словам Гюряты, „соседять с самоядью на полунощных странах". Этот рассказ—прекрасное свидетельство того, к какой ранней поре восходят поездки новгородцев в Югру. На первых порах это были, повидимому, частные предприятия крупных купцов и бояр, снаряжавших поездки в этот далекий край исключительно на собственный страх и риск. Но вскоре успехи частных экспедиций побудили вмешаться в это дело новгородское государство и организовать вывоз мехов из Югры в более широких размерах. Решено было обязать угорский народ платить Новгороду дань пушниной, и с этой целью организуются военные экспедиции в Югру. Весь XII, XIII и XIV вв. наполнены походами новгородских дружин в Югру. Иногда эти походы кончались весьма неблагополучно. Так, еще под 1032 г. летопись сообщает о несчастном походе Улеба на какие-то „Железные врата", когда „Улеб изыде из Новгорода на Железная врата и опять мало их прииде". [1] Если верить изысканиям Шегрена, утверждавшего, будто бы Железные врата находились в 80 верстах от Устьсысольска в селении Водса, то это был поход в Югру, но на севере обнаружено так много мест, названия которых могут быть истолкованы как Железные врата, что трудно разобраться, которое из них имеет на это больше оснований. Зато под 1187 годом вполне ясно говорится об избиении новгородцев на Печоре: „В то же время избьени быша Печерьскеи и Югрьскии даньници в Печере". [2] Югра, как видно, улучала каждый удобный момент, чтобы освободиться от наложенной на нее дани, и нападала на новгородские отряды. Едва ли не самое жестокое поражение потерпели новгородцы в 1193 г., когда они, осадив один югорский городок, „стояша под городом 5 недель" и были „лестьбою" небольшими партиями человек по 30 заманены в город и там перебиты, а остальные разбиты во время вылазки, так что „осталося их 80 мужь". [3] Однако зауральская пушнина была столь соблазнительна, что никакие неудачи не могли остановить новгородцев, и вооруженные экспедиции на северо-восток продолжались, не взирая на трудности.

---

[1] Новгородская IV летопись.
[2] Новгородская I летопись.
[3] Там же.

С середины XII в. у Новгорода появляется могучий соперник в лице суздальских князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, проведавших про богатую югорскую дань и решивших протянуть к ней свою руку. В 1149 г., когда „идоша данницы Новгородьстии в мале“, Юрий Долгорукий захотел отбить у них дань „и посла князя Берладского с вои и бившеся“.[1] Другое покушение суздальцев на Югорскую дань отмечено под 1169 г. В этом году „Иде Даньслав Лазутиниць за Волок данником с дружиною, и присла Андрей пълк с вои на нь и бишася с ними; и беше Новгородьцы 400, а Суждальцы 7000 и пособи бог Новгородьцам и паде их 300, а Новгородьцев 15 муж; и отступиша Новгородьцы и опять воротившеся взяша всю дань, а на суждальских смьрдех другую и придоша здорови вси“.[2] Эти два случая знаменуют начало длительной и упорной борьбы за северо-восток между двумя крупнейшими центрами тогдашней Руси. Как бы ни были удачны отдельные нападения суздальцев на новгородских даньщиков, они не разрешали для Суздаля проблемы прочного проникновения в Югру. Только когда ростовские князья, вассалы суздальских, начинают планомерную колонизацию севера, клином врезываясь в новгородские владения, когда на пути следования новгородцев в Югру вырастает Устюг,—появляется прочная стратегическая база для планомерного оттеснения Новгорода от его северо-восточных колоний. Устюг грозил отрезать туда дорогу новгородцам. В 1323 г. „заратишася Устюжане с Новгородци, изымаша Новгородцев, кто ходил на Югру и ограбиша их“.[3] Вообще XIV век полон частых стычек Новгорода с Устюгом, приводивших иногда к жестокому разгрому и опустошению Устюга, как это случилось, например, в 1324 г. Тем не менее, несмотря на неоднократные разорения, этот город сыграл роковую роль в судьбе Новгорода, и не случайно решающий эпизод борьбы Новгорода с Иваном III разыгрался не на берегах Шелони и Ильменя, а на берегах Двины в битве устюжан с войском Шуйского. Рост значения Устюга создал угрозу для интересов другого, самого раннего претендента на северо-восток—Булгарского царства. Очевидно булгары в полной мере оценили опасность, надвигавшуюся со стороны Суздаля, и решили одним ударом избавить свои колонии от посягательства с этой стороны. В 1219 г. „приидоша Булгаре на Устюг и взяша и лестию и потом идоша ко Унжи и Унжане отбишася от них“.[4] Этот набег побудил суздальцев сломить сопротивление булгар, и в 1220 г. организуется грандиозный поход против них, закончившийся жестоким погромом булгарского царства. Главные силы под начальством князя Святослава Всеволодовича отправились сухим путем к устью Камы, а из Устюга был послан полк на верховья Камы, спустившийся затем вниз по реке. Когда войска встретились близ устья Камы, то,

[1] Новгородская I летопись.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Воскресенская летопись.

по словам летописца, устюжане пришли „со множеством полона и с корыстью великою“. Двигаясь по Каме, они „взяста по ней много городов, а сел неколико и пожгоша все, а люди изсекоша а иных во плен поведоша“. [1] Этот факт способен вызвать недоумение. Поход был против Булгара, а между тем устюжане разоряли и грабили область коми. Объяснить это можно только так: либо Кама была заселена булгарами, либо коми были такими близкими союзниками булгаров, что русские имели все основания рассматривать их как своих врагов. Первое предположение не подтверждается археологией. Следов булгарских поселений по течению Камы нет, хотя в южных районах пермяцкого округа существует несколько селений по имени Булгар, из чего можно заключить, что булгары все же не чужды были колонизационной экспансии в стране коми. Гораздо правильнее будет предположить союзнические взаимоотношения между коми и Булгаром, выросшие на почве тесных торговых связей. Поход устюжан на Каму, вызванный набегом булгар на Устюг, может рассматриваться как карательная экспедиция против коми, принимавших, повидимому, в этом набеге активное участие, так как булгары шли на Устюг через их землю. Страна коми, лежавшая на пути в Югру, явилась таким образом ареной борьбы за овладение Югрой. В чьих руках находилась Пермь, тот оказывался хозяином и в Зауральи. Вот почему каждая из борющихся сторон старалась закрепить за собой прежде всего область коми. Походом 1220 г. удалось, повидимому, совершенно отбросить Булгар от этой добычи, потому что никаких попыток с его стороны к борьбе за Пермь больше не отмечено. Зато не так легко было справиться с Новгородом. Новгород вплоть до его покорения Москвой считал Пермскую землю своим владением. Впервые она упоминается в числе его „волостей“ в древнейшей из дошедших до нас договорной грамоте новгородцев с тверским князем Ярославом Ярославичем. „А се княже волости Новгородские: Волок с всеми волостьми, Торжок, Бежице, городьць Галиць, а то есми дали Иванкови; потом Мелечя, Шипина, Егна, Вологда, Заволоцье, Тре-Пермь, Печора, Югра“. [2] После этого Пермь фигурирует в качестве новгородской провинции во всех договорных грамотах. Даже в договоре с московскими князьями 1456 г., когда дело шло к развязке и когда фактически Новгород уже утратил Пермскую землю, она попрежнему значится за ним, и московские князья не делают по этому поводу никаких возражений. [3] Только в отказной грамоте на Двинскую землю 11 августа 1471 г. Пермь в числе прочих новгородских колоний официально передается Москве. [4] Характерно, что московские князья, ратифицируя договорную грамоту 1456 г. и не делая никаких оговорок относительно Перми, считали ее тем не ме-

[1] Воскресенская летопись.
[2] Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 1.
[3] Акты Археографической экспедиции, т. I, стр. 42.
[4] Там же, стр. 72—73.

нее своей землей. Еще от середины XIV столетия дошел до нас документ, в котором московские князья говорят тоном безраздельных хозяев области коми. Это грамота Дмитрия Донского о пожаловании Андрея Фрязина Печорою. „Се яз князь великий Дмитрий Иванович пожаловал есмь Андрея Фрязина Печорою, как было за его дядею за Матфеем за Фрязиным; а в Перьми емлет подводы как было и доселе: а вы Печеряне слушайте его и чтите, а он вас блюдет, а ходит по пошлине как было при моем деде при князе при великом при Иване, и при дяде князе великом при Семене, и при моем отце при князе при великом при Иване, так и при мне". [1]

После смерти Донского при сыне его Василии Дмитриевиче, когда имело место знаменитое отложение Двинской земли от Новгорода и переход под власть московского князя, в Пермь был послан даже волостель, живший где-то на Мезени. „А на Мезени, да на Пермьских, да на Немьюзе да на Пилиих горах седел Ярець; и Немьюгу да Пильи горы, еще при великом князе при Василии, Новгородцы отняли, а Ярца сослали". [2] Далее говорится: „А что важка, то исконное место великого князя Вычегодское, Пермяки: и то деи нынеча за себя же привели". [3] Важка была колонизована зырянскими выходцами с Вычегды, и, считая ее исконным владением великого князя, цитируемый документ, очевидно, тем самым считал таким же исконным владением и Вычегду. Коми-область имела как бы двух хозяев, из которых каждый считал ее своею собственностью, между тем как в полной мере ни тот, ни другой ею не обладал. Новгородцы довольствовались взиманием дани и гарантией беспрепятственного прохода в Югру через территорию зырян, оставляя за ними в других отношениях полную самостоятельность. У Москвы была тенденция более основательно прибрать к рукам эту „землицу", но ее попытки, как показано выше, часто терпели неудачу. Степень преобладания над Пермью той или другой стороны решалась общим соотношением их сил, а это соотношение долгое время было таково, что ни Новгород, ни Москва не могли надолго и основательно там упрочиться. Установилось некое динамическое равновесие, из которого могло вывести изменение удельного веса борющихся сторон. Это и случилось во второй половине XIV в. в результате усиления московского княжества и христианизации зырян, окончательно решившей вопрос в пользу Москвы. Известно, какую роль играла церковь в возвышении Москвы и сколь многим обязаны московские князья ее могущественной поддержке. Подобно тому как борьба с Тверью в значительной мере выиграна была Москвою благодаря союзу с митрополитом, так и в присоединении Перми эта испытанная сила не замедлила оказать свою обычную услугу. После того как ни дипло-

[1] Акты Археографической экспедиции, т. I, стр. 3.
[2] Там же, стр. 74 (три списка двинских земель).
[3] Там же, стр. 75.

матия, ни военные столкновения не могли отбить Пермь от Новгорода, из Устюга был пущен к зырянам скромный монах по имени Стефан Храп, на долю которого выпала задача привести Пермскую землю под руку великого князя.

Будучи родом устюжанин, Стефан получил блестящее по тем временам образование в Ростове, в монастыре Григория Богослова, обладавшем прекрасною библиотекою. Стефан знал не только славянскую литературу, но, выучившись греческому языку, мог читать христианских классиков в подлиннике и переводить на русский язык. Обладая к тому же большим политическим умом, как показала его позднейшая деятельность, он оказался предназначенным для большого поприща и не даром обратил на себя внимание коломенского епископа Герасима, исполнявшего обязанности митрополита.

Увидев умного, энергичного монаха, знавшего к тому же с детства зырянский язык и мечтавшего о проповеднической деятельности среди этого народа, „убо земля Пермьская осталася в первей прелести идольстей", Герасим усмотрел в нем прекрасное орудие для выполнения плана, давно, может быть, созревшего в головах московских политиков. Возможно, что Стефан был представлен в этот момент и великому князю, потому что впоследствии князь поддерживал его кандидатуру на епископскую кафедру, „бе бо ему знаем зело и любляше издавна". [1]

Получив от Герасима святительское благословение на „подвиг" и охранные грамоты от великого князя Дмитрия, Стефан отправился в землю Пермскую и „вниде в ня яко овца посредь волк".[2] Однако, если кого и можно было назвать волком, так это самого Стефана, что вскоре хорошо почувствовали зыряне, несмотря на его овечью шкуру. Начав с чисто словесной проповеди евангелия, он постепенно вступил на путь грубого оскорбления прежней зырянской религии, разрушая и сжигая кумиры, уничтожая идолов, так что вызвал величайшую ненависть в народе. По словам его биографа Епифания, против него началось „озлобление, роптание, хноухнание, хуление, уничижение, досаждение, поношение и пакость".[3] Иногда ходили „около его ослопы и с великими уразы смерть ему нанести хотяще";[4] нередко приносили охапки соломы с намерением сжечь его, но дальше этих угроз дело не шло. Зырян, может быть, смущали охранные грамоты, данные Стефану Дмитрием Донским, и страх перед княжеской местью удерживал их от расправы с новоявленным апостолом. Однако, существовала, надо думать, другая, более важная причина, вследствие которой Стефан не только не подвергся изгнанию из области коми, но с успехом выполнил свою миссию. Эта причина — классовые противоречия среди самих коми. Некоторые народы обращались в христианство

[1] Житие Стефана Пермского, стр. 148.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 128.
[4] Там же.

огнем и мечем. Эту участь испытали, например, прибалтийские народы в результате немецкой колонизации; эту же участь испытали поволжские народы в результате русской колонизации. Но история знает не мало случаев, когда новая религия принималась без военного нажима извне. Таково наше знаменитое крещение Руси, таково принятие ислама древними булгарами и т. п. В этих случаях обращение в новую веру должно рассматриваться как акт сугубо классовый. Господствующие классы в результате интенсивных торговых сношений с какой-нибудь богатой и развитой страной вроде Византии или Багдадского халифата, усваивают постепенно ее идеологию и переносят на свою национальную почву, навязывая ее силой низшим классам. Есть основание думать, что и в Коми-области принятие христианства совершилось, примерно, таким образом.

Согласно житию, многие зыряне охотно и быстро крестились, тогда как другие оказывали упорное сопротивление проповеди новой религии и долго не сдавались. „Лучися разделитися народу на две части и едина страна нарицашесь христиане новокрещении, а другая часть нарицашесь кумирницы служительницы неверний и не бе промежду ими согласия,но распря и несть мира в них, но разногласие. Того ради кумирницы ненавидяху христиан и не любяху с ними в единстве быти". [1] Похоже, что Стефан, придя в Пермь, нашел здесь христианскую партию, которая не только первой крестилась, но выступила деятельным помощником по распространению новой веры. Она так тесно сгруппировалась вокруг Стефана, что он вскоре стал ходить окруженный толпой учеников, и с этих пор ниспровержение идолов и храмов вылилось в большую планомерно проводимую кампанию. „Сам по лесу обходя без лености с учениками своими и по погостам роспытуя и в домах изыскуя, и в лесах находя и в привежках обретая и зде и онде — везде находя я дондеж вся кумирницы их ниспроврати и до основания искореняша я и ни единаже от них не избыть". [2] Простой народ, вероятно, не в состоянии был противодействовать этому истреблению своих святынь. Но в каких же слоях населения Стефан нашел себе поддержку? Надо полагать, что то были господствующие слои зырянского общества, успевшие войти в тесные отношения с русскими, в частности с устюжанами, как ближайшими их соседями. Недаром Стефан, сидя у себя в Устюге, смог научиться зырянскому языку. Может быть, это была развивающаяся новая феодальная аристократия, которая нередко бывала одновременно и торговой аристократией, а, может быть, у зырян к тому времени существовали значительные торговые, купеческие слои, для которых приход Стефана означал установление в Коми-области сильной централизованной власти со всеми вытекающими отсюда выгодами для торгового капитала. Если принять последнее, то, как видно из дальнейшей деятельности Стефана, купцы не ошиблись

---

[1] Житие Стефана Пермского, стр. 128.
[2] Там же, стр. 136.

в своих ожиданиях. Владычный город Устьвым и самый двор епископа стали надежнейшим прибежищем для всякого рода торговых людей. Стефан, „много бо учреждение (угощение) творяше велие многим странным и гостем пришельцем приплавающим и отплавающим и не дадяше им мимоходити просто тако, яко же прилучашеся, но всякому приходящему прежде у него побывати и у него благословитися и у него же пити и у него прияти и увет и учение и учреждение и утешение, и у него прияти молитву“. [1] Насколько вся его политика была направлена на поощрение и развитие торговли, явствует хотя бы из такого факта. Придя однажды в селение Туглим и будучи хорошо принят жителями, он в благодарность не нашел сказать им ничего более приятного, чем пророчество о будущем торговом процветании Туглима. [2]

Устьвымская ярмарка, существовавшая без сомнения до его прихода, приобрела еще больший размах после того, как Стефан избрал Устьвым своей резиденцией и основал тут епископскую кафедру. Не исключена возможность, что и сам епископ был изрядным торговцем. Из „Жития“ мы узнаем, что он „многажды лодьями жита привозя от Вологды в Пермь“, и хоть это делалось, согласно Епифанию, в целях раздачи милостыни, но, зная тогдашние нравы и склонность церкви к торгашеству, мы не сделаем большой ошибки, объяснив этот привоз хлеба менее альтруистическими намерениями.

Стефан и последующие епископы пермские очень хорошо, повидимому, учитывали классовую дифференциацию в Коми-области, делая ставку на определенный слой населения и превращая его в опору своей власти. Народным низам обращение в христианство не сулило ничего хорошего. За монахом-проповедником они явственно различали фигуру московского пристава, и недаром в народе большим успехом пользовались речи некоего Пама-сотника, призывавшего не слушать Стефана, говоря: „от Москвы могит ли что добро быти нам? Не оттуду ли нам тяжести быша и дани тяжкия и насильства и тивуни доводщицы и приставници“. [3] Тяжесть московской руки коми почувствовали следовательно еще до прихода Стефана. Москву ненавидели и боялись, и в этом заключался один из секретов успеха стефановской миссии. Не исключена возможность, хотя на это и нет указаний, что в своей проповеднической деятельности этот монах опирался иногда на вооруженную силу. Народные низы поэтому были обращены в христианство далеко не силой апостольского красноречия Стефана, а лишь после долгих и упорных его домогательств и при активном содействии христианской партии.

Надо ли говорить о том, что крещение было чисто внешним обрядовым актом и что народная масса втайне осталась верна своей прежней религии. Когда в Усть-Выме разобрали в XVIII в.

---

[1] Житие Стефана Пермского.

[2] Шишонко, Пермская летопись, т. I, стр. 11.

[3] Житие Стефана Пермского, стр. 138.

старую церковь, построенную при Стефане, то под алтарем обнаружен был полуистлевший березовый пень, который зыряне весь растащили по кусочкам как величайшую святыню.[1] Оказывается, это был пень той самой „прокудливой березы", которую, по преданию, срубил Стефан и построил на ее месте храм, дабы лишить народ возможности совершать жертвоприношения под этим священным деревом. В течение четырех столетий коми хранили память об этой святыне, и когда ее остатки вновь предстали перед ними, прежнее язычество прорвалось наружу самым непосредственным образом. В Перми, как и на Руси, христианство было на первых порах религией верхних слоев общества.

Когда Стефан крестил народ в наиболее населенных пунктах края, построил церкви и подобрал причт к этим церквам из близких к нему новообращенных зырян, он отправился в Москву с целью исходатайствовать епископа для новой паствы. В Москве он был встречен как герой и обласкан митрополитом Пименом и великим князем. Решено было епископом сделать самого Стефана. Обратное его шествие из Москвы в Пермь было сплошным триумфом. В Устюге он был встречен с колокольным звоном и чисто царскими почестями. Московитяне в полной мере оценивали огромное политическое значение совершенного им „подвига". Отныне дело присоединения Перми к Москве было поставлено на прочную основу. Сделавшись духовным пастырем зырян, Стефан стал и фактическим их правителем. Новгородцы, собиравшие доселе дань совершенно беспрепятственно, должны были теперь считаться с этим новым хозяином Пермской земли; Стефану удавалось различными способами отстаивать свои владения от ушкуйников. По словам Епифания, „новгородцы ушкуйницы, разбойницы словесы его увещевании бываху еже не воевати ны". Однажды ему удалось отвратить от Сысолы даже набег вятчан. Одни московские даньщики могли беспрепятственно хозяйничать в Перми, не вызывая с его стороны никакого противодействия. Только в случае особенно тяжких поборов Стефан вмешивался, „избавляя ны от насилия и работы и тивунские продажа и тяжкие дани облегчая ны". Можно думать, что если в отношении новгородцев и вятчан Стефан действовал чисто дипломатическим путем, то во взаимоотношениях с вогулами и остяками он придерживался более радикальных средств. „Житие" один раз называет его „воеводою": „Душегубцы, разбойницы, иноязычницы Вогулицы наступают, а воеводы несть" — восклицает Епифаний, описывая положение после кончины Стефана. Очевидно, при жизни Стефан давал вогулам вооруженный отпор, а, может быть, практиковал отправку за Урал и вооруженных экспедиций по образцу новгородских. Но по крайней мере позднее Усть-Вым сделался опорным пунктом большинства торговых поездок и военных походов в Югру, вызывая к себе жгучую ненависть у вогулов. Вообще Югра

[1] Амвросий. История российской иерархии, т. VI. стр. 574.

5

находилась постоянно в поле зрения епископов пермских, строивших свою политику с расчетом на постепенное включение Югры в состав владений великого князя. В 1464 г., когда Новгород не был еще сокрушен Москвой и не отказался от своих прав на Пермь и на Югру, организуется поход устюжан и вычегжан, т. е. коми, на Югру с целью заставить югорских князей „дань давати князю великому“. [1] Особенно умело и успешно вел эту политику епископ Филофей, современник и достойный соратник Ивана III. Он избран был на пермскую епископию „как способный удовлетворить и церковно-религиозным интересам страны и политическим видам Москвы“. [2] Его стараниями Югра была окончательно приведена под власть великого князя. При епископе же Филофее завершено было покорение народа коми путем завоевания Перми Великой.

Это покорение было произведено несколько иными приемами, чем покорение зырян.

Ни летописи, ни другие источники не сохранили нам известий о прямом вооруженном захвате русскими теперешнего зырянского края. В XIV в. Москва не могла отправиться большим походом на Пермь по причине соперничества со стороны Великого Новгорода. К зырянам был подпущен хитроумный монах, приведший постепенно Коми-область в московское подданство. Выше уже указывалось, что не стой за ним великокняжеской вооруженной силы, из его проповеди вряд ли бы что-нибудь получилось. Стефан несомненно бряцал оружием. Однако мы не знаем ни одного случая, когда бы ему приходилось обращаться к реальной помощи этой силы. Повидимому, искусно играя на внутренних противоречиях у коми, он сумел ограничиться запугиванием зырян великокняжеской охранной грамотой и призраком московских войск, готовых постоянно на них обрушиться.

Совсем иначе было с Пермью Великой — теперешним Коми-Пермяцким округом, для покорения которого понадобился большой военный поход. Дальше мы укажем, почему Москва сравнительно поздно заинтересовалась Пермью Великой, но что она ее игнорировала вплоть до середины XV века — этот факт достаточно хорошо известен. Только в 1463 г., т. е. почти столетие спустя после крещения зырян, „Иона епископ Пермский крестил великую Пермь и князя их и церкви поставил и игумены и попы“. [3] Пермь Великая не представляла собой народа, отличного от вычегодских коми, как сейчас думают некоторые, но была отдельным княжеством, подобно рассмотренным выше „Вымской земле“ и „Вычегодской земле“. Это — та Пермь, „глаголемая чусовая“, о которой сообщает Епифаний в житии Стефана. А. А. Дмитриев сделал попытку восстановить ее древнюю территорию, которая, как оказалось, почти целиком уме-

---

[1] Типографская летопись.

[2] Шишонко. Пермская летопись, т. I, стр. 27

[3] Воскресенская летопись.

щалась в границах бывшей Пермской губернии.[1] Пермь Великая в культурном, экономическом и политическом отношении была, повидимому, наиболее передовой из числа всех земель древних коми. Она была среди них тем же, чем был Киев или Новгород в отношении остальных русских княжеств. Близость к Булгарской ярмарке, пролегающий через ее территорию караванный путь из Азии, равно как и наличие более удобных для хлебопашества земель создали лучшие условия для развития этого края в сравнении с вычегодскими коми. Пермь Великая имела высоко развитые города, как-то: Чердынь, Урос, Искор, Покча, с которыми не может итти в сравнение даже Усть-Вым. Только скудость известий наших летописей, не интересовавшихся тем, что не интересовало московскую политику, не дает возможности в полной мере проследить древнюю культуру Перми Великой. Однако и то, что мы о ней знаем, выдвигает ее на совершенно особое место среди всех зыряно-пермяцких земель.

Это-то княжество понадобилось Москве присоединить к своим владениям, что и было сделано в конце XV в. Христианизированная в 1462—1463 г. епископом Ионою, Пермь Великая продолжала однако оставаться политически независимой, и у Москвы не хватило терпения дожидаться, пока она будет, подобно зырянскому краю, с помощью епископов и попов постепенно подчинена великому князю. Через десять лет после ее крещения Иван III посылает на нее рать и в 1472 г. „приде весть из Перми, что воевода князь Федор Давидович Пестрой землю Великопермскую взял и за великого князя привел“.[2] В этом походе был взят в плен великопермский князь Михаил и доставлен в Москву, откуда его вновь отпустили в Пермь в качестве вассала великого князя. Некоторые историки, вроде Михайлова, автора известной работы „Усть-Вым“, пытались утверждать, будто стараниями епископа Филофея пермский народ был настолько расположен к великому князю, что московская рать не встретила почти никакого сопротивления, и Пермская земля была покорена без особенного кровопролития. Однако Никоновская летопись сохранила довольно подробный рассказ об этом событии, из коего видно, что московским войскам пришлось выдержать не одну битву с пермяками. Пестрой „пришел в землю ту на усть-Черные реки на Фоминой недели в четверток и оттуду поиде на плотех и с конми и приплыв под город Анфаловской, съиде с плотов и поиде оттуду на конях на верхнюю землю к городку Искору, а Гаврилу Нелидова отпустил на нижнюю землю, на Урос, на Чердыню, да на Почку, на князя на Михаила. Князю же Федору не дошедшу еще городка Искора и сретоша его Пермичи на Колве ратью и бысть им бой меж собою и одоле князь Федор и поимал на

---

[1] Дмитриев. О границах древней Перми Великой. „Труды Пермской ученой архивной комиссии“, вып. 1, 1892 г.

[2] Архангелогородский летописец.

том бою воеводу их Кача. И оттуду князь Федор поиде таки ко Искору и взят его и воеводы их поимал Бурмота да Мичкина, а Зынар по опасу пришел к нему, поимал же и иные городки и пожегл. А Гаврило, шед, те места повоевал, на которые послан. И потом прииде князь Федор на устие Почки, где впала в Колву, и сождася тамо со всеми своими, а поиманных тех туто же приведе, срубивше ту городки, седе в нем и приведе всю землю ту за великого князя. И оттуду послал князь Федор князя Михаила к великому князю и тех Бурмота и Мичкина и Кача, а сам остался тамо в городке Почке".[1] По словам пермского краеведа В. Попова, в селениях, расположенных возле развалин древнего Искора, поныне живет предание о кровопролитной битве, имевшей место при взятии Искора русскими. Согласно этому преданию русские были так рассержены упорным сопротивлением пермяков, что избили всех жителей городка после его взятия.[2] В Уросе и в Искоре крестьяне служили молебны по своим предкам, убитым во время взятия этих городков русскими.[3]

С падением Перми Великой весь народ коми оказался во власти Москвы. Правда, Великая Пермь еще управлялась некоторое время своим князем, признавшим суверенитет Ивана III, но и этот князь недолго посидел на своем престоле. После того как он стал проявлять самостоятельность больше, чем ему полагалось, он в 1505 г. был лишен княжения. „В лето 7013 князь великий Иван Васильевич свел с Великия Перми вотчичя князя Матфия Михайловича, а на Великую Пермь послал наместника своего князя Василия Андреевича Ковра, сей же бысть первый от русских князей".[4] Так кончилась последняя тень политической самостоятельности коми. Отныне им было оставлено только низовое земское самоуправление — разрешено было иметь своих старост и судей, выбираемых из „людей добрых", на которых возлагался также сбор дани. В XVI—XVII вв. уже ничто не напоминало былой самостоятельности коми.

Та необычайная ловкость, с которой было произведено это покорение, невольно заставляет вспомнить слова Маркса: „Москва, будучи сама рабой, стала виртуозом в искусстве порабощения". На этом пути коми сделались одной из первых ее жертв.

---

[1] Никоновская летопись, стр. 148.

[2] В. Попов. Древнейшие города Перми Великой Искор и Покча. „Пермские епархиальные ведомости" 1889 г., № 19.

[3] Берх. Путешествие в Чердынь и Соликамск, стр. 27.

[4] Архангелогородский летописец.

6

Коми как колония

В Московском государстве стимулирующим началом в захвате колоний были не только торговые интересы, но и феодальная экспансия. Мощь северных монастырей — усердных колонизаторов края, покоилась, в конце концов, на чисто феодальной основе. Усиленное изучение буржуазными историками в течение последних полутора десятилетий торговой деятельности

монастырей заслонило эту основу, но она ясна всякому, кто не забыл дошедших до нас жалованных грамот, полученных в свое время монастырями от великих князей.

По мере образования национального рынка в России и создания централизованного многонационального государства, феодальная эксплоатация не только усиливалась и углублялась, но и разросталась в ширь. В метрополии шел процесс перевода крестьян на положение полной зависимости от феодала, а в колониях, даже не знавших прежде феодализма, этот последний завоевывает одну область за другой.

Даже в далеком северо-западном углу Мурмана происходит в XVI в. закрепление лопарей за вновь образовавшимся Печенгским монастырем.

Коми-область, будучи захваченной и превращенной в колонию, точно также подверглась прежде всего феодальной эксплоатации. Пионером в этом отношении явилась здесь, как и в большинстве районов севера, церковь.

Первый „просветитель“ зырян явился в то же время и их первым иноземным поработителем. Стефан Пермский, избравший Усть-Вым своей резиденцией и основавший здесь епископию, захватил близлежащие земли с сидевшим на них местным населением и стал управлять обращенными зырянами не только как духовный пастырь, но и как сеньер. В знак же того, что он является московским феодалом и вассалом великого князя, Стефан испросил у последнего соответствующую жалованную грамоту, которую тот не замедлил выдать ему, ничуть не смущаясь тем обстоятельством, что земли, на которые выдавалась грамота, ни ему, ни кому бы то ни было, кроме зырян, не принадлежали.

Последующие епископы, повидимому, неустанно трудились над расширением своих владений, так что к концу XV в. епископская вотчина Усть-Вым превратилась в целое княжество. Особенным аппетитом по части захватов отличался епископ Филофей. Этот владыка столь ревностно принялся за грабеж своей паствы, что сам великий князь счел нужным вмешаться в его деятельность. До нас дошла несколько необычная жалованная грамота Ивана III на имя епископа Филофея, [1] где великий князь не только не жалует, но, напротив, отбирает от владыки множество земель, потому что эти земли захвачены им и его предшественниками от местных крестьян, которым и должны быть возвращены.

„А се те земли деревни и пустоши и дворы и пожни и озера и реки и угодья что были поимали передние владыки Пермские и владыка Филофей великого князя волостные и князь великий владыке Филофею или кто по нем будет иные владыки в те земли и в воды и в угодья вступаться не велел и придал те

---

[1] Историко-археографический институт Академии наук СССР, коллекция Савваитова.

земли и воды и угодья в тягло Вычегодской земле тем людям у кого владыки те земли и воды и угодья поимали".

Насколько епископ был увлечен этим „пойманием" земель у местного населения, свидетельствуют часто встречающиеся в грамоте выражения вроде: „пожни что был владыка Филофей поотнимал у волостных людей", „поотнимал владыко Филофей пожни волостные", „владыко Филофей отнял у Герасима Кононова две пустоши, Костянова да Филькина и с пожнями" и т. д. Очевидно даже по тем временам алчность епископа показалась слишком неприличной, так что в конце грамоты князь настрого приказывает: „И в те з мли по сему списку, которые написаны к волости к Вычегодской земле в деревни и в пустоши и в дворы и в пожни и в озера и в реки и в угодья у волостных людей владыкам не вступаться, а учнут у них владыки в те земли и в воды и в угодья вступатися и в иные волостные земли и в воды и в угодья опричь тех земель которые в сем списку владыце написаны и владыкам и их людем не давати вступатися, а впредь князем Вымским и волостным людям Вымичем и Вычегжаном и Сысоленом и Удореном и всем людям Вычегодские земли земель волостных и пустошей дворов и пожен и озер и рек и иных всяких угодей владыкам и их людям и игуменам и попам не продавати ни в закуп ни по душе не давати".

Усть-Вым была крупнейшей церковной вотчиной в Зырянском крае, но надо думать, не единственной. Вводя христианство у коми, Стефан понастроил в разных концах области церквей, долженствовавших закрепить новообращенный народ за православием. Так, им была основана пустынь на Сысоле, при впадении в нее речки Ожины. Другая пустынь, основанная около 1390 г., находилась в 60 верстах от теперешнего Усть-Сысольска и в ней вплоть до самого упразднения ее в середине XVIII в. служба совершалась монахами на зырянском языке. Стефаном же построена была обитель на верховье р. Вычегды, возле селения Усть-Кулома, так называемая Ульяновская Спасская пустынь, упраздненная тоже в XVIII в. [1]

В XVIII в., да и позднее, монастыри немыслимы были без сколько-нибудь солидных земельных владений; поэтому мы в праве предполагать, что основанные Стефаном пустыни были очагами феодализма в крае. Любопытна в этом отношении история Ульяновского монастыря. Он совершенно запустел и исчез с лица земли; в XVII в. уже ничто не напоминало о его существовании. Тогда некий Федор Тюрнин, которому вероятно стало плохо жить на Руси, решил возобновить монастырь и с этой целью постригся в монахи. В 1667 г. с благословения патриарха Иоасафа он отправился в страну коми, захватив с собой четверых своих сыновей, положивших обет тоже сделаться впоследствии монахами. Однако среди зырян видимо еще свежо было воспоминание о прежнем монастыре, потому

[1] Берх. Описание зырянских пустынь. „Северная Минерва", ч. 3. СПБ., 1832 г.

что нового „храмоздателя“ они встретили острой неприязнью С. Е. Мельников,[1] описывающий этот эпизод на основании виденных им документов, умалчивает о причинах неприязни, объясняя ее пр родной дикостью зырян. Но из его же рассказа видно, что население вполне правильно почуяло в пришедшем монахе хищника. Вскоре после его водворения крестьяне вынуждены были бить челом князю о насильственном захвате Федором их оброчных угодий. Возобновление монастыря началось с грабежа туземных земель. Крестьяне пробовали отнимать свою землю обратно, пробовали накладывать на Федора бойкот: не продавали ничего съестного ни ему, ни детям его, но справиться с ним было нелегко. Он поехал в Москву, явился там к царю и выхлопотал грамоту на все земли, которые хотел получить. Население вынуждено было смириться. Однако глухая злоба против насильника не улеглась, и стычки крестьян со старцем и его сыновьями не прекращались до самой смерти Федора.

Когда он умер, крестьяне сделали еще одну попытку вернуть свои угодья, но старший сын его Гурий, назначенный на место отца, сумел вновь получить царскую грамоту и удержать за собой земли. Тогда крестьяне дважды обокрали церковь, похитив необходимые церковные предметы, без которых служба не могла производиться. Результатом было суровое следствие и репрессии со стороны воеводы. Борьба кончилась поражением крестьян; ни ограбления, ни пожар церкви, который произошел, надо полагать, не случайно, не могли заставить пришлецов отступиться от своей добычи. В 1689 г. церковь вновь отстраивается, и тогда зыряне, очевидно, поняв бесполезность дальнейшей борьбы, затихают окончательно. Что же касается Тюрниных, то род их необычайно размножился и процветал вплоть до конца XIX в.

После возобновления церкви при Гурии, когда земельные захваты были закреплены за пустынью, монастырь вступил на путь концентрации населения на своих землях; Мельников сообщает, что вскоре крестьяне стали селиться на монастырской земле. Как шел этот процесс дальше, мы не знаем, но приведенный факт чрезвычайно характерен, как свидетельство превращения монастыря в настоящего вотчинника. И это в конце XVII в. Можно ли сомневаться, что монастыри, основанные Стефаном, были точно также вотчинниками.

У камских коми, как у вычегодских, первым иноземным феодалом была тоже церковь. Еще в то время, как Пермь Великая управлялась своим собственным князем, там был основан Богословский монастырь, тот самый, которому князь Матфей Великопермский пожаловал земли. За этим монастырем еще в XVIII в., когда он уже пришел в упадок, числилось 65 душ крестьян.[2]

---

[1] Мельников, Описание Спасско-Ульяновской пустыни. „Известия имп. Археологического Общества“, т. III, вып. 2.

[2] Амвросий. История российской иерархии, ч. III, стр. 313.

В 1686 г. недалеко от бывшего города Обвинска строится Верхоязвенский Богородицкий Успенский монастырь, за которым в XVIII в. числилось 563 души крестьян. 645 душ считалось в 1763 г. за Сылвенской Воздвиженской пустынью при Соликамской; столько же за Соликамским Вознесенским монастырем, 770 душ за Шервинской мужской пустынью, а за знаменитым Пыскорским монастырем было 1000 душ.[1]

Пыскорский Преображенский монастырь, кроме множества всякой богатой утвари и огромных пространств земли, владел еще Дедюхинским солеваренным заводом, где вываривалось ежегодно до 1 200 000 пудов соли.[2]

Этот монастырь был настолько сильным и влиятельным феодалом, что, когда Строгановы захватили свои громадные пермские вотчины, они вынуждены были поделиться с Преображенским монастырем и дать ему значительную часть близлежащих земель, дабы оградить себя от его посягательства на будущее время. В дальнейшем интересы монастыря и Строгановых так хорошо были согласованы, что они взаимно поддерживали друг друга.

Вслед за монастырями в страну коми потянулся и „светский" феодализм, обосновываясь нередко в таких захолустьях, где этого меньше всего можно было ожидать. Так, до нас дошла жалованная грамота Грозного 1545 г. некоему Ивашке Ластке на земли по Печоре, по Цыльме и Ижме.

Царь водворял его здесь с заданием: „копити ему на него великого князя слободу" и предоставлял все обычные феодальные права.

„А наместники наши Пинежские и их тиуны того Ивашка и тех его слобожан не судят ни в чем опричь душегубства и татьбы с поличным, и кормов своих у них не емлют и не всылают к ним ни почто, а праведчики и доводчики поборов своих у них не берут и не въезжают к ним ни почто, а ведает и судит тех своих слобожан Ивашка сам во всем, а с суда у них емлет с виноватого пять денег новгородцких".[3] Повидимому, несмотря на свою отдаленность, вотчина этого полярного феодала была довольно лакомым куском, потому что, как видно из другой царской грамоты, на нее усиленно покушались другие лица. Между тем, выпрашивая себе эти земли, Ивашка уверял в своей челобитной, „что на Устьцильме реке по обе стороны до Усы реки, да по обе стороны Вильмы реки до Косы реки, да по Пижме реке, да по Ижме реке, по обе стороны по великой Пожни, да по Печоре реке пески рыбные ловища и меж теми реками речки малые и озерки; по тем местам лес, дичь, мхи, болота, сокольи и кречатьи садбища, а пашен де ни покосов и рыбных ловищ на тех местах исстари нет ни чьих никаких

---

[1] Берх. Путешествие в Чердынь и Соликамск, стр. 11—13.
[2] Там же.
[3] Грамота напечатана в приложении к книге Латкина „Дневник путешествия на Печору", СПБ. 1852 г.

и от пашенных людей от Двинских и от Пинежских те речки и сокольи садбища отошли далече, верст пятьсот и больше".

Между тем мы знаем, что Ижемская слобода, например, как выше указывалось, возникла еще в XV в., о чем имеются определенные сведения. Уверяя, будто по берегам Ижмы и Печоры никаких людских поселений нет, Ивашко лгал. Но если он лгал про Ижму, то с таким же успехом мог это проделать и в отношении соседней с нею Усть-Цыльмы.

Время основания Устьцылемской слободки точно не известно, но можно думать, что она — ровесница Ижемской. Усть-Ижма, Усть-Цыльма и Пустозерск вызваны были к жизни, повидимому, одной и той же колонизационной волной второй половины XV в. Все это необходимо иметь в виду, чтобы понять способы и приемы, с помощью которых иногда получали земли в колониях. Известно, что уверения, будто испрашиваемые земли никому не принадлежат, оказывались нередко лживыми. Блестящий пример тому — Строгановы, чьи необъятные земли в Перми считались никем не заселенными, когда на них выдавалась грамота, между тем как там жили не только туземцы-пермяки, но и русские. История их отдачи в вотчину Строгановым чрезвычайно любопытна как образец самого беззастенчивого разграбления земель в колониях.

В 1558 г. Григорий Аникиевич Строганов подал царю челобитную, в которой просил отдать ему пустующие дикие земли по обеим сторонам Камы на протяжении 146 верст, уверяя при этом, что „прежде де сего на том месте пашни не пахивали и дворы не стаивали". Московские чиновники по этому поводу расспросили некоего „пермитина Кадаула", который в этот момент „приезжал из Пермии ото всех Пермичь с данью". Кадаул подтвердил, что действительно „те де места искони вечно лежат впусте и у Пермичь де их в тех местах нет ухожаев никоторых... и Пермичам и проезжим людям некоторые споны не будет". Григорий получил грамоту,[1] положив, таким образом, начало могуществу Строгановых на Каме. Однако, как теперь выяснено А. А. Дмитриевым, край был далеко не необитаемым. Еще задолго до Строгановых там обосновалось множество русских промышленников, из которых некоторые, как напр. Калинниковы, основатели Усолья-камского, появились около 1430 г.[2]

Что же касается местного населения коми, то о его присутствии достаточно красноречиво говорит тот факт, что Строгановы построили свой городок Орел на месте старинного пермяцкого городка Кергедана, а пониже устья Лысвы находился другой старинный городок Канкор. Кадаул был вероятно подкуп-

---

[1] Напечатана у Миллера в „Описании Сибирского царства", кн. I, стр. 76—89, СПБ. 1750 г.

[2] Дмитриев. Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых. „Труды Пермской ученой архивной комиссии", вып. 4. Пермь 1901 г.

лен Строгановыми, когда предавал своих соплеменников, ложно свидетельствуя перед царскими казначеями.

Захваченные таким путем земли явились основой неслыханного богатства и могущества Строгановых. На берегах Камы образовалось нечто в роде небольшого государства, почти независимого от власти местных воевод, которое могло иметь собственное войско и вести войны. Хозяева этого государства не только имели право экономической эксплоатации занятой ими территории, но обладали и всеми политическими правами крупных феодалов. В грамоте, выданной Грозным на имя Григория Строганова, можно прочесть обычную формулу иммунитета: „а нашим Пермским наместником и их тиуном Григорья Строганова и что его городка людей и деревенских не судити ни в чем и праведчиком и доводчиком и их людем к Григорью Строганову и к его городкам и к деревенским людем не въезжати и на поруки их не дают и не высылают их ни почто; а ведает и судит Григорий своих слобожан сам во всем“. И мы знаем, что Строгановы в своей вотчине действительно были полновластными государями. Есть сведения, что они имели свои тюрьмы, и когда однажды Трифон Вятский во время своих отшельнических „подвигов“ в лесу сжег нечаянно заготовленные для варниц дрова, то, по преданию, был посажен разгневанными Строгановыми в тюрьму.

Сейчас, несмотря на сравнительно обширную литературу о Строгановых, все еще нельзя представить полной картины жизни их пермской вотчины, настолько эта жизнь была богатой и своеобразной. Тут велось, с одной стороны, обычное помещичье хозяйство с крепостными мужичками, пахавшими землю, а с другой стороны стояли мощные солеваренные заводы, добывавшие миллионы пудов соли, со множеством занятого на них люда. Далее, стояли торговые фактории и конторы, ведшие сложные торговые операции с Сибирью и, наконец, как оплот всей этой хозяйственной деятельности, — крепости, острожки, укрепленные города и войско. В 1647 г. в пермских владениях Строгановых было 3 городка, 4 острожка, 1 слободка, 6 сел, 231 деревня и починок, в которых насчитывалось 1844 двора с населением в 5701 человек. [1] Наряду с крепостным трудом у Строгановых была целая армия приказчиков, переводчиков, писцов и всякого рода наемных специалистов, которых они старательно подбирали к себе на службу, извлекая из самых неожиданных мест. Так, они практиковали с этой целью обход московских тюрем, вызволяя оттуда нужных им людей, и известно, что, например, знаменитый Оливер Брюннель попал к ним именно таким образом.

В нашу задачу не входит широкое освещение хозяйственной деятельности Строгановых в Перми Великой, для этого мы отсылаем читателя к специальной литературе, но мы хотели бы старательно подчеркнуть тот забываемый большинством истори-

[1] С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири, стр. 93.

ков факт, что в основе строгановского могущества на Каме лежит насильственный захват земель, издревле населенных коми и принадлежавших им. Позднее, в XVII в. перестали, видимо, прибегать и к обману; просто подавали царю челобитную на облюбованные деревни и просили их закрепить за челобитчиком. Таким путем, надо полагать, приобрели свои вотчины другие, более мелкие феодалы в Коми-крае. А таковые были. В Чердынском уезде владела вотчиной на р. Вишере посадская фамилия Могильниковых; на р. Сыльве владели селами и деревнями — гость Григорий Микитников, гостиной сотни человек Томило Елисеев, соликамский посадский человек Суровцев.[1] Владения их были, правда, не велики. За Могильниковыми в 1647 г. значилось 5 деревень, 1 починок, 26 дворов крестьянских и 1 двор бобыльский; за Микитниковым — село Веретея на речке Зырянке с 45 дворами крестьянскими, 35 бобыльскими, 11 варницами и мельницей; за Томилой Елисеевым было село Кишерть на Сыльве со 156 дворами крестьян и т. д.[2] Но сколь бы незначительными ни были их имения, все же это были крепостники - феодалы, близкие по типу к Строгановым. Все они были, кроме того, торговцами, солепромышленниками и зачастую комбинировали свою торгово-капиталистическую деятельность с крепостным поместным хозяйством. Нельзя тут же не привести один интересный случай, относящийся к истории существующего и по сие время Сереговского солеваренного завода на р. Выми, показывающий, что даже владельцы чисто капиталистических предприятий действовали в колониях как феодалы. Во второй половине XVII в. Сереговский завод принадлежал гостю Ивану Панкратьеву. По описанию 1678 г. на заводе была соляная труба, при ней 6 варниц, да в том же году сооружались еще две трубы и одна варница. При заводе стояло два скотных двора, на которых жили крепостные люди гостя; некоторые из крепостных жили особыми дворами и среди них приказчик, управляющий заводом. Далее в 27 избах жили вольнонаемные „работные люди“, которых писцовая книга насчитывает 185 — солевары, кузнецы, плотники и прочие мастера, работавшие „из найма поденно и помесячно“. Среди них были как туземцы, так и пришлые русские из других уездов. Невдалеке от этого заводского поселка — две мельницы, 10 соляных амбаров и 3 лавки, „а в них торгуют приезжие люди разных городов“, очевидно, удовлетворяя потребности заводского населения.[3] Но у Ивана Панкратьева есть соперник в лице другого гостя, Астафья Филатьева, чей солеваренный завод расположился по соседству с Сереговским на той же р. Выми. По писцовой книге 1678 г. на его заводе стоял двор приказчика да избы наемных рабочих, которых было всего 24 человека. При заводе строились две новые соляные трубы, а одна пустая находилась за

[1] М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере, т. I, стр. 107—108.
[2] Там же.
[3] Там же, т. I, стр. 109—110.

р. Вымью.[1] По всему видно, что этот завод беднее Сереговского. Ивану Панкратьеву удалось, вероятно, своевременно захватить наиболее богатый участок земли, тогда как его конкуренту достались сравнительно скудные соляные месторождения. На этой почве между ними начинается ожесточенная борьба за обладание Сереговским усольем, приобретающая иногда характер вооруженных набегов на владения противника. В 1674 г., после неудачных происков в Москве, приказчик Астафья Филатьева, Федор Чаулов, вооружает соседних крестьян дубинами, копьями, бердышами и организует такой террор против руководителей Сереговского завода, что те принуждены сидеть целыми днями запершись в избах, в то время как деятельность завода оказывается совершенно парализованной.[2] Случаи, подобные этому, повторялись вероятно не раз, потому что все 70-е годы XVII в. наполнены тяжбами между этими двумя солепромышленниками.

Любопытно, что на Сереговское усолье одновременно претендовали и Строгановы. Их представитель Пахом Иванчин в течение 13 лет судился с Иваном Панкратьевым, показывая, что „Сереговское усолье, что на Выми реке, исстари Строгановых по жалованным грамотам и по прежним их купчим". Согласно его показаниям Афонасий Строганов еще в 1582 г. получил от царя грамоту „на дикое место по Выми реке" и после того путем прикупок еще более расширил пожалованный ему участок.[3] Процесс выиграл Иван Панкратьев, доказавший суду, что усолье перешло к нему от его отца, купившего его в 1637 г. от некоего Севастьяна Опарина, но по существу это не отрицает факта первоначальной принадлежности Сереговского усолья Строгановым.

Строгановы, как видим, были не единственными светскими феодалами в стране коми, но Строгановы навсегда останутся наиболее ярким образцом колониальных феодалов Московского государства, характерной особенностью которых является сочетание в одном лице типичного вотчинника с представителем крупного купеческого капитала. Изучение их торгово-капиталистической деятельности интересно в том отношении, что помогает уяснить значение коми как колонии. А это ее значение было несколько своеобразным.

Строгановы, как известно, обосновались сначала на Вычегде и здесь выдвинулись благодаря успешной организации соляных промыслов и меховой торговли. Но эта меховая торговля базировалась не на местных пермских пушных ресурсах, а преимущественно на зауральских мехах, на югорских и на мангазейских. Строгановы с давних пор стали тянуться за Урал, как в некую обетованную страну, сулящую быстрое и легкое обогащение, и не ошиблись в своих расчетах. Голландец Николай

---

[1] Там же.

[2] Древлехранилище. Приказные Дела Стар. лет 1674 г., № 254.

[3] А. А. Цембер. К истории основания Сереговского солеваренного завода. „Записи Общества изучения Коми-края", вып. 2, ст 48—50..р

Витзен, описывая Строгановых и их богатства, сообщает, что „какие-то люди, отличавшиеся от русских языком, одеждою и нравами... ежегодно спускались по р. Вычегде со своими товарами, торгуя с русскими в городах Сольвычегодске, Устюге на Двине, которые в то время были складочными местами для всего, между прочим и для мехов". Наблюдая это, Аника Строганов, „побуждаемый большою жадностью, пожелал узнать, какими землями и где обитают народы, ежегодно приезжавшие в Московию для торговли вообще или для торговли драгоценными мехами... этот Аника полагал, что можно приобресть большие богатства, так как прекрасные меха, которые они привозили, представляли большую ценность. Аника тайком подружился с некоторыми из этих народов, а также послал некоторых своих рабов и слуг с ними в их страну, приказав им хорошенько присмотреться к местности, через которую они поедут, и старательно отметить все их нравы и жизнь, и поведение. чтобы представить точный отчет по возращении. Это было исполнено, и тех, которые там побывали, он хорошо принял и проявил к ним особенную милость, но приказал им решительно молчать и сам сохранял про себя, никому не говоря про это. В следующем году он послал туда больше народа, также несколько своих друзей с товарами малой ценности, как-то: немецкие безделушки, бубенчики и тому подобное. Эти так же, как и их предшественники, основательно пронюхали и осмотрели и добрались до р. Оби через многие пустыни и различные реки, которых так много, и очень подружились там с самоедами. Узнали, что меха там не имеют большой ценности и что там можно приобресть большое богатство... Так он (Аника) со своими друзьями торговали с ними в течение несколько лет и стали Аниковичи очень могущественны и скупили повсюду кругом много земли, так что люди удивлялись этому страшному богатству, не зная, откуда оно происходит".[1] По словам крепостного историка Строгановых — Икосова, еще „преже его Аникия, вближних к России в Сибирских местах и другие обогащались".[2] Строгановы были, таким образом, не первыми и не единственными в этом отношении.

Это тяготение к сибирским колониям и преобладающий интерес к ним при наличии более близкой колонии, Пермской земли, — чрезвычайно характерен. Правда, Строгановы весьма интересовались ярмаркой в Усть-Выме и посылали туда своих приказчиков, но опять-таки потому, что в Усть-Вым привозили меха из-за Урала. Когда Строгановы получили свои пермские вотчины и основали там свое строгановское „государство", их пушная торговля с Сибирью не только не прекратилась, но приобрела еще более широкие размеры. Теперь склады мехов были не только в Соли-Вычегодской, но во всех городах

[1] Перевод заимствован из статьи А. Введенского „Аника Строганов в своем хозяйстве". Сборник в честь Платонова. Сравни с этим перевод у Карамзина.

[2] „Пермские губернские ведомости" 1880 г. № 90. „История о роде и отечественных заслугах Строгановых".

и острожках пермских вотчин, а вместо прежних мирных экспедиций в Югру и в Мангазею они организуют грандиозный военный поход под предводительством Ермака, чтобы сделать Сибирь окончательно московской и в первую очередь Строгановской колонией.

Как видим, эти „российские Медичисы", обосновываясь в стране коми, прибирая к рукам их земли и устраивая здесь свои фактории, тем не менее, постоянно обращаются лицом к Сибири. И это не случайно. По существу, торговый капитал московского государства, устремившийся на эксплоатацию северо-восточных колоний, меньше всего имел в виду область коми. Даже иностранцы, прилагавшие все усилия, чтобы добраться до русских колоний, проявляли сравнительно слабый интерес к коми и проникали туда лишь для того, чтобы пройти за Урал. В 1584 г. англичанин Фрэнсис Черри совершает поездку в Пермский край и, повидимому, пробирается в Сибирь, а другой англичанин Марш организует экспедицию через Югорский хребет к Оби и к Тазу и вывозит оттуда мехов на 1000 руб. [1]

Конечно, эксплоатация собственных богатств Коми-края представляла тоже весьма обширное поле деятельности для русских и для иностранцев. Несметное количество соли, вываривавшееся по Каме и по Вычегде, сделало этот край в XVI — XVII вв. поставщиком соли на всю Россию. Недаром Сольвычегодск и Соликамск были столицами Строгановых. Богаты были некогда пермские леса и пушниной. Когда Стефан впервые пришел в страну, он застал коми полными гордого сознания своих богатств. Пам сотник говорил ему: „не нашею ли ловлею и ваши князи и бояре и вельможи обогащаемы суть в ня же облачатся и ходят и величаются подолки риз своих, гордящеся о народах людских, толикими долгими времены изобилующе и многовременными леты изобилующе и промыслствующе. Не нашея ли ловля и в орду посылаются и досязают даже и до самого того мнимого царя. Но и в Царьград и в Немцы и в Литву и в прочая грады и страны и в дальные языки". [2]

Однако уже в XVI в., а, может быть, и раньше, коми сами принуждены были ходить за зверем в Сибирь, в землю остяков и вогулов. В царствование Федора Ивановича в Сургут посылаются из Москвы одна за другой грамоты, запрещающие коми охотиться в сибирских лесах, потому что остяки жалуются, будто к ним „приезжают из Сургута из русских городов зыряне и вымичи и по их вотчинам по угожим местам и по лесам и по речкам зверуют, бьют соболи и бобры и лисицы и зверь выбили и им де в том нужа великая в ясак соболей добыти негде". [3] Оласть Коми в это время уже не играла роли поставщика мехов.

---

[1] Гамель. Англичане в России, т. I, стр. 70; т. II, стр. 184.
[2] Житие Стефана Пермского, стр. 141.
[3] Древлехранилище. Книги Сибирского Приказа № 1, л. 160.

С этой стороны ее не ценили, ее природные богатства эксплоатировались как бы попутно; главный же интерес, толкавший Москву на завладение этой землей, заключался в том, что Коми-область являлась ключем к несравненно более богатым землям Сибири. Еще с XI столетия, как мы видели, заметно тяготение за Урал в Югру и Самоядь; самые легендарные походы новгородской вольницы связаны с этим устремлением русских на северо-восток. Там были лучшие в мире соболи, роскошные бобры, куницы и белки; там было такое обилие зверя, что это послужило почвой для всякого рода сказочных повествований летописцев, вроде рассказа Ипатьевской летописи о „веверице младой“. Для русских того времени Югра была тем же, чем были Индия и Китай для англичан, Калифорния — для американцев и Конго — для французов. Но эту сказочно богатую страну отделяли от Руси тысячеверстные пространства, покрытые непроходимыми лесами, топкими болотами, имеющими иногда сотни верст в окружности, и населенные зырянским племенем, враждебность которого могла совершенно закрыть русским доступ в Югру.

Пока с этим племенем, так или иначе, не покончено, ни о каком прочном проникновении за Урал не могло быть и речи. Достаточно было коми отказаться от своей роли проводников, и никакие походы ушкуйников на северо-восток были бы невозможны. В этом крае, где единственными дорогами были звериные тропы, значение проводника было совершенно исключительное и по существу решало судьбу тогдашних военных походов.

А что коми играли роль проводников и в мирных и в военных экспедициях за Урал, известно достаточно хорошо. „Пермяки, вогуличи и самоеды — говорит Миллер — всегда имели между собою обхождение и знакомство, следовательно новым российским жителям в Пермии и в Югорской земле не трудно было получать через них известия о соседственных землях сибирских. И понеже богатый звериной промысел и торги многих привлекли, то они в провожании язычников по малу сами через горы туда ходить отваживались“.[1]

Таким образом, в силу своего географического положения Коми-область представлялась и новгородцам и Москве чем-то вроде плацдарма для дальнейшего продвижения в Сибирь. В этом ее основное значение как колонии, и это прекрасно подтверждается отношением к коми северо-восточных „инородцев“. Подпав под иго Москвы и став ее послушным орудием, коми вынуждены были выступать в качестве врагов всех приуральских народов, главным образом, вогулов и остяков. Эта вражда искусно разжигалась русскими колонизаторами. Не успел умереть Стефан Пермский, как начинаются нападения вогулов на Усть-Вым. „Душегубцы, разбойницы, иноязычницы Вогулицы наступают — восклицает Епифаний, — а воеводы несть“. В XV в. два епи-

---

[1] Миллер. Описание Сибирского царства, стр. 60.

скопа — Герасим и Питирим — становятся жертвами вогульских набегов. „В лето 1454... приходил вогульский князь Асыка да сын его Юмшан ратью с Вогуличи на Вычегду да владыку Питирима Пермского убили".[1] Как видно из Чердынского синодика, некоторые пермские князья тоже пали от рук вогулов. Сделавшись вассалами московского князя, они вынуждены были принимать участие во всех его походах за Урал и навязывать своим соседям то рабство, от которого сами страдали. Московский князь требовал суровой службы. Ни один поход на северо-восток не обходился без участия зырян и пермяков. В 1465 г. „велел князь великий Иван Васильевич Василию Скрябе Устюжанину Югорскую землю воевати, а шли хотячие люди, да с ним же ходил князь Василий Вымский Ермоличь с Вымичи и с Вычегжаны, а пошла рать с Устюга месяца мая в 9 день. Они же шедше да Югорскую землю воевали и полону много вывели и землю за великого князя привели, а князей Югорских Калпака да Течика к великому князю Ивану Васильевичу и на Москву привели".[2] Другой еще более крупный поход был в 1483 г., когда „князь великий Иван Васильевич послал рать на Асыку на Вогулльскоо князя да и в Югру на Обь великую реку; а воеводы были великого князя князь Федор Курбский Черный, да Иван Иванович Салтык Травин, а с ними Устюжане и Вологжане, Вычегжане, Вымичи, Сысоличи, Пермяки и бысть им бой с Вогуличи на усть реки Пелыни".[3]

Коми участвовали и в покорении Вятки и в лыжном походе на Югру 1499 г. и после отбивали вместе с царскими войсками набеги черемис и татар на Пермскую землю. Впоследствии на коми была возложена прямая задача борьбы с непокорными восточными племенами, и Москве, осуществлявшей подобную политику обычно путем разжигания ненависти между народами, удалось в этом преуспеть настолько, что под конец пришлось удерживать коми от излишнего рвения. В 1616 г. царем была послана грамота в Пермь, где говорилось, что „Уфимские башкирцы Киркинские волости перевезлись за Каму реку для того, боясь от Пермичь войны, потому что де Пермичи и наперед сего на них приходили войною".[4] Царь приказывал воеводам, дабы те „Пермским людем Уфимских башкирцев воевать не велели, чтоб их от нашия царския милости не отгонить".[5] От коми требовалась не только простая военная сила. Когда надо было собрать деньги или ратных людей для усмирения остяков, либо тульвенских татар, либо уфимских башкирцев — эти сборы производили в Зыряно-пермяцком крае; надо было поддержать хлебом и припасами построенные в покоренной Сибири города, вроде Верхотурья, Березова, Тобольска — задача эта опять-таки возлагалась прежде всего на коми.

[1] Архангельский летописец.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] А. А. Э., т. III, стр. 116.
[5] Там же.

Путем натравливания народов друг на друга Москве удалось поселить между коми и их северо-восточными соседями настолько враждебные отношения, что мы не знаем ни одного случая, когда бы они вместе бунтовали против Москвы. В то время как Югра пользовалась каждым случаем внутренних неурядиц в России, чтобы восстать и отказаться платить ясак, коми в этих движениях никогда не участвовали и почти всегда совместно с русскими подавляли такие восстания. Так, во время борьбы Шемяки с Василием Темным, когда грабительские экспедиции за Урал временно прекратились и „инородцы" были предоставлены самим себе, — вогулы начали пустошить Пермскую землю — гнездо ненавистных им епископов пермских. Коми не только не воспользовались этим случаем, чтобы в союзе с вогулами свергнуть епископов и с ними вместе русское владычество, но, напротив, в 1445 г., соединившись с русской шайкой, напали на вогулов и вновь заставили их платить ясак русским.[1] Очевидно, епископы вели в Перми хорошо продуманную классовую политику, позволявшую им, опираясь на известные тяготевшие к Москве слои населения, удерживать край под русским влиянием. Точно также и в Смутное время по всей Сибири прокатилась волна восстаний. Узнав, что на Руси гражданская война и самодержавие бессильно, народы, платившие дань, отказались ее платить. Тунгусы сделали даже нападение на своих западных соседей за то, что те не решилась на этот шаг.[2] Пришла в движение и Югра.

Воеводам стали доносить о готовящемся возмущении остяков и вогулов; была перехвачена какая-то „изменная стрела", на которой „одинадцать шайтанов с рубежа, а поперек шайтаны резаны и железо стрельное терто". Эта стрела, по словам служилых и торговых людей, которым она была показана, означала условный знак к восстанию; „перед сего такие стрелы ходили промеж остяков для измены". Один остяк на пытке откровенно сознался, что готовится нападение на русские области и существует заговор, возглавляемый остяцкими князьями.[3]

Что же касается области Коми, то никаких признаков национально-освободительного движения в период смуты там незаметно. Она слишком прочно была включена в состав Московского государства и вынуждена была усердно помогать Шуйскому, а после него Пожарскому деньгами и войском, по примеру Устюга, Тотьмы и других северных городов. Разумеется, это не значит, будто у коми не было побудительных причин к восстанию. У трудовых низов этих причин было больше, чем достаточно, но гнет Москвы здесь был так силен, что, повидимому, исключал всякую возможность каких-либо проявлений непокорности.]

---

1 „Вологодские губернские ведомости". 1850, № 28.
2 Акты времени правления Василия Шуйского, стр. 69.
3 Там же, стр. 72.

Удержанию коми под властью Москвы способствовало, надо думать, то же самое обстоятельство, которое сыграло такую видную роль в христианизации края. Феодальные и торгово-капиталистические верхи Коми-области, несмотря на все притеснения от воевод и чиновников, несмотря на конкуренцию русских купцов, являлись все же союзниками московской власти. Московская власть это знала и превратила купечество коми в свою опору. Москва доверяла ему настолько, что привлекала к важной и ответственной работе по сбору пошлин. В одной из грамот 1597 г. из Москвы писали в Сургут к воеводе Лобанову-Ростовскому, что „выбирать бы есте к той нашей десятинной пошлине из зырян из торговых людей целовальников добрых и к крестному целованью их привели на том, что им соболиною казною не корыстоваться и имати у всяких торговых людей десятинная пошлина“.[1] Роль базы для эксплоатации зауральских колоний, возложенную на нее руским самодержавием, Коми-область выполняла не плохо.

До какой степени ее значение как колонии сводилось к роли такой базы, видно хотя бы на факте упадка Перми Вычегодской и возвышения Перми Великой. Пермь Великая, будучи и более культурным и более богатым княжеством, почему-то обратила на себя внимание московских завоевателей лишь столетие спустя после освоения Перми Вычегодской. Если бы русские имели в виду собственные богатства этих земель, то порядок завоевания был бы обратный.

Однако именно потому, что конечной целью русских была не Пермь, а Югра — первая интересовала их лишь относительно и прежде всего с точки зрения путей. Стефан потому привел под власть Москвы зырян, а не пермяков, что через зырянский край проходила дорога в Югру, и зыряне до тех пор интересовали русских, пока действовал этот путь, проторенный еще с незапамятных времен ушкуйниками.

Из Москвы этим путем ходили через Устюг, на что имеются прямые указания и у Герберштейна и в книге Большого Чертежу. Дорога от Устюга шла на Сольвычегодск, Яренск и далее по Выми на Печору, Щугур и через Урал на Сыгву и Сосву.[2] Из грамоты Грозного князю Певгею и „всем князьям Сорыкидские земли“ видно, что этим путем еще во второй половине XVI в. ходили в Сибирь царские даньщики для сбора дани с зауральских народов. Грозный настрого приказывал устюжским и сольвычегодским выборным судьям следить, чтобы „никто из посланных им даньщиков с пути не своротил и не обидел“.[3] При сыне Грозного, Федоре, сибирская дань продолжала итти этим же путем. Под 1587 г. мы имеем грамоту царя Федора, в которой говорится, что царь принял к себе

---

[1] Древлехранилище. Книги Сибирского приказа № 1, л. 49.

[2] Подробное описание путей см. у С. Бахрушина, Очерки колонизации Сибири.

[3] С. Г. Г. и Д., т. II, № 40.

в подданство некоего князька Лугуя с р. Оби. Этот Лугуй видя, как московские воеводы постепенно надвигаются на его владения, решил сам бить челом и просить царя брать с него ясак, но не завоевывать землю. Царь его „пожаловал", наложил на него дань „на год по семи сороков соболей лучших" и велел „привозить ему дань ежегодь в Вымь самому или его братье и племянникам". [1]

Есть сведения, что и в XVII в. вычегодский путь в Сибирь не заглох. Этим путем в 1608 г. проезжал на Русь остяцкий князек Игичей Алачев, а в 1618 г., по замечанию тобольских воевод, был большой приезд торговых людей с товарами „с Выми через Камень на Березов, а с Березова, не займуя Тобольска, в Сургут, в Томск". [2] В 1692 г. этим трактом — через Устюг, Сольвычегодск и далее по Вычегде за Урал — проезжал Эбергард Избраннедес, следуя в Китай. Как утверждает С. В. Бахрушин, описанною дорогою „через Камень" „торговые и промышленные люди пользовались беспрепятственно в течении всего XVII века". [3]

Однако это был уже не единственный и не главный путь. В XVI—XVII вв. главный путь передвинулся несколько южнее.

Московские купцы и сборщики дани, отправляясь в Сибирь, все чаще стали поворачивать с Устюга на р. Лузу и затем через Лальск и Кайгород следовать на Чердынь и Соликамск. Это и была новая дорога, официально признанная впоследствии правительством. Область зырян осталась в стороне, а новая дорога шла через Пермяцкую землю. Вместе с изменением направления пути, изменилась и ориентация московской политики. Интерес к Перми Вычегодской ослабевает и, наоборот, усиливается в отношении Перми Великой.

Завоевание Перми Великой в 1472 г. было продиктовано, безусловно, желанием получить в свое распоряжение более удобный Камский путь в Сибирь, который был особенно благоприятен для военных походов.

Целиком этот путь попал в распоряжение Москвы только в XVI в. после покорения Казани, и с этих пор Пермь Великая окончательно поглощает внимание московского торгового капитала и московского правительства. Строгановы, бывшие пионерами и виднейшими представителями по части торговых сношений с Сибирью, стремятся обосноваться в Перми Великой и получают свои знаменитые пермские вотчины. Отныне их интересы все больше и больше связываются с Камским бассейном, а первоначальное поле их деятельности — Вычегда — отходит на второй план. Если Аника в середине XVI в. умел еще уделять более или менее равное внимание и камскому и сольвычегодскому хозяйствам, то уже сыновья его решитель-

---

1 С. Г. Г. и Д., т. II. № 54.
2 Бахрушин, Очерки, стр. 74.
3 Там же, стр. 75.

но отдают предпочтение новым пермским вотчинам, откуда они организуют грандиозный военный поход в Сибирь. Несомненным признаком утраты интереса со стороны Москвы к Перми Вычегодской является перенесение епископской кафедры из Усть-Вымa в Вологду. В 1492 г., по приказанию великого князя, митрополит Зосима и новгородский архиепископ Геннадий поступились своими владениями в Вологде в пользу пермского епископа Филофея, который и перенес туда свою резиденцию.[1]

Уже в XVII в. северо-западный угол Сибири истощил свои пушные ресурсы. Зверь был выбит, население споено, терроризовано и ограблено, некогда богатый край опустошен вконец. Поток хищнических ватаг и „покрут" за соболем в Мангазею и на Обь постепенно прекратился, города, вроде Мангазеи и Туруханска, выстроенные в этих колониях, стали пустеть и замирать. Район колониального грабежа передвинулся за Обь, за Енисей — ближе к Тихому океану, и соответственно этому стали меняться пути в Сибирь. Теперь уже и Пермь Великая осталась в стороне; новая дорога пролегала значительно южнее ее. Значение Перми, как колонии, стало падать, и политический интерес к ней со стороны правительства ослабел. В XVIII в. это уже глухая провинция, не имеющая прежнего значения. Только наличие в Перми Великой вотчин Строгановых — первых богачей в России — да целого ряда горных заводов придавало ей некоторую значимость. Что же касается Перми Вычегодской, т. е. теперешней Автономной области Коми, то в центре ею уже мало кто интересовался, и самое представление о крае сделалось каким-то смутным. Князь Енгалычев, назначенный при Екатерине II устюжским воеводою, решив поприжать зырян в смысле налогов и податей, обнаружил, что администрация успела уже утратить знание края и не всегда может добраться до населения, засевшего в своих дебрях. Возникла потребность в составлении карты. Опросили на этот предмет сотников и старость зырянских, но те понадавали таких сведений, что, когда впоследствии какая-то экспедиция вздумала воспользоваться картой, составленной на основании этих показаний, она чуть не утонула в болотах.[2]

Все сведения говорят о полной заброшенности области Коми в XVIII в. Владычная вотчина Усть-Вым хоть и перестала быть с конца XV столетия резиденцией епископов, но, управлялась через епископских наместников, продолжала оставаться одной из самых ценных десятин епархии на протяжении XVI и XVII вв. Из-за нее, в середине XVII в. возгорелась борьба между епископами вятским Александром и вологодским Маркеллом.[3]

В те времена, следовательно, Усть-Вым представлял еще лакомый кусок. В XVIII же веке не заметно и тени былого

---

[1] Воскресенская летопись.

[2] А. Н. Александровский. Старый Устьсысольск, „Коми-му" 1927 г., № 6—7.

[3] „Труды Вятской ученой архивной комиссии", 1908 г., вып. II, стр. 65—76.

хозяйственного процветания этой вотчины. Сама епископская вотчина, как таковая, была упразднена, и частично ее наследником сделалася Архангельский Усть-вымский монастырь. Но это был бедный захудалый монастырек. В 1740 г. значилось в Устьвымской Архангельской пустыни две церкви, а братии только 9 человек; земли пахотной 6 четвертей, да сенокосу на 2340 копен. Что же касается крестьянских дворов, то их осталось за монастырем 2 и в них работников 13 чел. [1] При сочинении духовных штатов 1764 г. Устьвымская пустынь совсем упразднена, и от феодального гнезда ничего не осталось, кроме обычной церкви с приходом. Утратив интерес к краю, правительство с легким сердцем упраздняло и монастыри, бывшие проводниками русского влияния и твердынями самодержавия в покоренной области. Такая же участь постигла известный нам Ульяновский монастырь близ Усть-Кулома, возобновленный в середине XVII в. Федором Тюрниным, и по тем же штатам был оставлен на своем содержании Николо-Коряжемский монастырь, влияние которого простиралось на Лузскую Пермцу. От знаменитой некогда устьвымской ярмарки не осталось и следа, да и другие крупные пункты края не могли похвастать особенно блестящими торгами. Вот каким представляется, например, Яренск, административный центр области в 1761 г. „В Яренске гостиных дворов нет, а ярмарка бывает с 18 числа января и торгуются по неделе. С товарами приезжают из городов Устюга и Соли Вычегодской с разными мелочными небогатыми. А после той ярмарки съезжаются из состоящих в близости к городу Яренску мест по воскресным дням с съестными припасами, а купечество торги производит посредственно". [2] Вообще Яренск в XVIII в. превращается в такое захолустье, что утрачивает вид города. По словам академика Лепехина, он больше походил на деревню. „Нынешний город Яренск — говорит он — весьма бедное составляет селение... построен почти в одну улицу и разделен глубокими буераками". [3] Из каменных строений отмечается только одна церковь, все остальные здания деревянные. Домов немного, всего 171, а купеческих душ Лепехин насчитывает 239, „которые большею частью питаются хлебопашеством и весьма немногие имеют сродный им промысел. Они столь прилеплены к хлебопашеству, что и самый город Яренск внутри себя имеет пашни и у многих дворов вместо огородной зелени посеяна рожь и ячмень". [4] В XIX в. Яренск пришел, повидимому, в еще больший упадок, потому что вместо 171 дома в нем осталось только 159, а вместо 4 церквей только 3. Много ли в нем осталось купцов, не знаем, но капиталов в 1860 г. было объявлено лишь на 7200 руб., и капиталы все третьей гильдии.

[1] Амвросий. История российской иерархии, т. XI, стр. 572.

[2] Архив Академии наук СССР. Анкета Шляхетного корпуса № 21. Рапорт Яренской воеводской канцелярии.

[3] Лепехин, Путешествие, т. III, стр. 285.

[4] Там же.

На две упомянутые ярмарки, в том же 1860 г., привезено было товаров на 6406 руб., а продано на 1852 руб.[1] Даже для городка с количеством жителей в 1006 чел. — это весьма ничтожная цифра. Захудалость Яренска нашла отражение даже в песенках:

Яренск, Яренск, город грязный
Захолустный городок,
Люд живет в тебе приказный,
Инвалид без рук, без ног.
Из мещан пять, шесть не боле,
И те нищий на голо,
Еще ссыльных поневоле
Преступленье привело.

Как видим, картина полного упадка.

Однако было бы в высшей степени ошибочным думать, будто Коми-край перестал быть русской колонией и избавился от колониальной эксплоатации. Из сказанного выше этого отнюдь не следует. Он перестал быть объектом эксплоатации со стороны крупных феодалов и представителей крупного торгового капитала, той властной верхушки русского общества, которая гнездилась в центре и делала политику, но он до самой Октябрьской революции не переставал быть ареной колониальных похождений мелкого провинциального купечества и различных торгово-промышленных фирм Архангельска, Вологды, Великого Устюга. Место крупных эксплоататоров заступили мелкие хищники, и трудно сказать, чье хозяйничанье оказалось более тяжким для коми. Во всяком случае, в XVIII, XIX вв. коми-крестьянство выглядит гораздо более жалким и разоренным, нежели в предыдущие времена. Наказы зырянских крестьян в екатерининскую комиссию по составлению нового уложения 1767 г. сплошь наполнены жалобами на засилье вологодских, устюжских и яренских купцов, закабаливших население до последней степени. Это купечество не только добилось монополии на зырянском рынке, права скупать пушнину непосредственно от охотников и запрещения самим зырянам отправлять продукты охоты в города, но оно наложило свою лапу также и на лучшие земли в крае. „Лучшие деревенские владения состоят за яренскими и вологодскими купцами“ [2] — говорится в одном наказе, а другой жалуется: „По нашей Выми реке в наших дачах сенными покосами, не малыми пожнями владеют вологодских купцов соленых промышленников господ Рыбниковых Сереговского их усолья прикащики и претерпеваем напрасную обиду“.[3] Забрав от крестьян землю, купцы тем не менее не желают платить подати с этих земель. Вся подать ложится на крестьян, отчего они „претерпевают великую и несносную обиду и притеснение“.

---

[1] Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 г., стр. 54.

[2] В. М. Подоров, Наказы крестьянства коми по материалам Екатерининской законодательной комиссии 1767. „Записки Общества изучения Коми-края“, вып. 2, стр. 35—47.

[3] Там же.

Так, „купцы г. Вологды Исаев и Шапкин владеют пожнями на 200 копен без всякой подати", а ужгинские крестьяне пишут, что „нашей же волости у разных крестьян проданы для необходимой нужды сенокосные земли Великоустюжскому купцу, железному заводчику Ивану Курочкину, с которых он в нашу волость никаких податей не платит". Крестьяне просят, „чтобы соблаговолено было с него по раскладке мирских людей с тех владений взыскивать подушную и протчие государственных сборов деньги, чтобы запущения в доимке не было". Попадала земля в купеческие руки иногда путем простого захвата, молчаливо одобренного уездною властью; чаще же всего как результат кабальной ссуды, которую крестьянин не в состоянии бывал вернуть купцу, вследствие чего последний отбирал у него покосы и пашню. Если принять во внимание необычайную земельную скудость крестьянства в Зырянском крае, где удобные для пашен участки отвоевываются с неслыханными усилиями у леса и болот, то тяжесть земельных хищений купцов для коми-крестьянства станет вполне понятной.

Купцы с давних пор познакомили коми и с другими видами эксплоатации. Выше упоминалось о Сереговском солеваренном заводе, ведущем свое начало с XV в., где уже тогда существовали наемные рабочие. Долгое время это был единственный завод в крае. Но в XVIII в. возникают на Сысоле железные заводы, один из которых описывает академик Лепехин. Этот Нювчимский завод, принадлежавший в то время верхотурскому купцу Максиму Походяшину, где была всего „одна доменная и шесть молотов для ковки железа также пильная мельница", явился настоящим бедствием для зырян. „Собственных людей у Походяшина на заводе сем нету, кроме нужных заводских мастеровых; а валовая заводская работа отправляется зырянскими руками. Бедность сих людей завела в казенные долги, которые у нас недоимкою называют и которую помянутый Походяшин внес в казну с тем, чтобы зыряне ее заработали на заводах, но сколь скоро из сего заводского долгу бедные сии люди, а особливо для отдаленных и рассеянных их жилищ, выплатиться могут, сказано выше".[1]

Руда, добывавшаяся для завода в полутора верстах от Визингской волости на правом берегу р. Визинги в так называемом Коллинском руднике, добывалась точно также зырянами.

„Руда добывается большею частью вольнонаемными и по легкому добыванию оныя небольшая дается плата. Вырыть сажень руды стоит двадцать копеек" (за провоз „летним временем платят с 1000 пудов восемь рублей, а зимним временем 10 рублей. Руда же дает от ста пудов 45 чугуну)".[2]

Не трудно представить, какой зверской эксплоатации подвергались зыряне на подобных заводах, которых в бассейне Сысолы было 3. Заводы эти, известные под именем Кажимских, просу-

---

[1] Лепехин. Путешествие, т. III, стр. 269.
[2] Там же, стр. 262.

ществовавшие до последнего времени и прошедшие в своем почти двухсотлетнем развитии через все стадии, начиная с посессионной и крепостной мануфактуры до промышленно-капиталистической фабрики новейшего типа, познакомили окрестное население со всеми формами эксплоатации, свойственными этим стадиям.

Уясняя формы колониального угнетения, ни на минуту нельзя забывать той силы, которая оказала столь важную услугу самодержавию в завладении краем и которая явилась первым алчным хищником, набросившимся на зырян. Церковь хотя и не имела больше крупных земельных владений в Коми-области, но ее эксплоататорская роль отнюдь не кончилась. Выполняя возложенную на нее задачу удерживать край под русским влиянием, она опутала его сетью погостов и приходов, подарив народу особый вид эксплоататоров в лице попов. На безобразную деятельность этих последних обратил внимание еще академик Лепехин, наблюдавший одного такого попа в Ибском погосте.

„Ильинский батька — говорит он — не только представлял у них священнослужителя, но еще и прорицателя. От его предсказания зависело время сенокоса, жнитвы и прочих крестьянских предприятий; но сия доверенность и поповское корыстолюбие нередко принуждало зырян, как говорят, пропускать пору сеять, косить и жать, а его благословение — в таких случаях молебное пение — нагревало руки“.[1]

Не мало соков тянула из населения постройка церквей, которой в этом почти полуязыческом крае придавалось большое значение. Живя в жалких хибарках, зыряне принуждены были воздвигать роскошные „храмы божии“, ярко контрастировавшие своим великолепием с окружающей нищетой населения. „Сколь ни бедны их жилища и все их состояние — замечает тот же Лепехин, — однако в небольшой Подкиберской волости построены три изрядные деревянные церкви“.[2]

Но едва ли не самым ужасным бичом зырян продолжало оставаться самодержавие, которое одной тяжестью своего аппарата могло разорить небольшой и небогатый народ. И зыряне чувствовали эту тяжесть до самой революции. Жалобы на поборы и бесчинства чиновников проходят как некий лейтмотив через всю пятисотлетнюю историю пребывания коми под русским владычеством. „Живете вы в Устьцылемской слободке — читаем в одной грамоте начала XVII в. — от Пустозера 500 верст вверх по Печоре реке, а от Вымской земли за тысячу верст, а кормитеся де вы зверем да птицею, да рыбою, да травою, а приезду к вам торговым людям мало бывает, а мимо вас Устьцылемскую слободку в Сибирские городы наши воеводы, посланники и гонцы и беглецы из Сибирских городов из Сургута, из Березова и с Выми в Березов три большие дороги заезжают, а свертывают в сторону к вам 70 верст и у вас де в Устьцылемской слободке емлют

[1] Лепехин. Путешествие, стр. 263.
[2] Там же, стр. 241.

суды и гребцы и корм с собою емлют до Выми, а с Выми емлют до Оби реки сильно, а наказов вам наших и воеводцких не кажут и вас биют на смерть и животину у вас, коровы и овцы емлют сильно, да биют на мясо... и где вас на рыбной ловле застанут, рыбу отнимают и вас грабят, да у вас же емлют суды и гребцы и провозят мимо Ижемскую слободку в Вымскую землю да там и оставливают".[1] Если царская администрация в своих коренных великорусских областях творила самые ужасные насилия, то легко себе представить то, что делалось в таких далеких колониях, как область Коми, откуда население не имело возможности даже посылать жалоб в Москву. Чаще всего в Москве узнавали об этих бесчинствах стороной, когда чиновники, перессорившись, доносили друг на друга, или на них жаловалось какое-нибудь высокопоставленное лицо, в роде вологодского архиепископа Маркелла, чьи крестьяне в Коми-области подверглись однажды вымогательствам со стороны яренского воеводы Захария Новосильцева. Этот Захарий Новосильцев „присылает в Софейскую вотчину многих приставов на софейских крестьянишек для своих въезжих денег, чево ему по твоему государеву указу не указано и взял за правежом с Софейской вотчины малые сошки себе въезжего 15 руб., а с тех государевых крестьян емлет въезжего рубли по 3 — по 4 и по 5-ти иноых государь софейских крестьянишек держал в тюрьме и вымучивал рублей по 10 и по 15-ти, а твоя государева вотчина Яренский городок место дальное и говорят твои государевы крестьяне языком по-зырянски, по-пермяцки и многие русским языком говорить не умеют и люди безответные в его воевоцких налогах и в затейных делах бити челом тебе государю не смеют".[2]

Тяжесть незаконных воеводских поборов и грабежей была ужасна, но и „законная" подать, наложенная на население правительством, была такова, что ее оказывалось достаточно, чтобы разорить народ и поставить его на путь постепенного вымирания. Те же крестьянские наказы в Екатерининскую комиссию рисуют достаточно яркую картину повсеместного обнищания зырян под бременем налогов и податей. По словам наказов, крестьяне „платеж производят с великою нуждою, а другие от того платежа приходят и лишаются дневного своего пропитания и большая часть питаетца соломою и травою борщем".[3]

Постоянные недоимки загнали большинство крестьян в неизбывную кабалу к купцам в роде Максима Походяшина. Сколько-нибудь энергичные и предприимчивые люди, не выдержав тяжести налогов, бежали из родных деревень в Сибирь. „Отпущенные по паспортам крестьяне, как в Сибирские, так и в другие разные российские городы для работ трехлетним сроком,

---

[1] А. М. Гневушев. Акты времени правления Василия Шуйского, стр. 49.
[2] Историко-Археографический Институт. Коллекция Савваитова № 254.
[3] Подоров. Наказы крестьянства коми по материалам Екатерининской законодательной комиссии.

находятся иные более 20 лет, а платеж подушных денег, так и протчих, по указам, запросов не в состоянии". [1] Большие размеры эмиграции отмечает и Лепехин, наблюдавший обширное село Мажадор, где „большая часть домов стоит пуста" по той причине, что зыряне „чужую сторону предпочитают своим жилищам и остаются нередко навсегда в отдаленных сибирских сторонах или в других местах, а жители природного места принуждены бывают платить за них подушные деньги и нести другие тяжести. Такое неустройство деревенского их состояния привело до того, что они без поручителя никого ныне из своих жилищ не отпускают; но такие поручители нередко принужденными находятся тайно оставлять свои домы и искать своего пропитания в отдаленных же местах". [2] Эти беглецы, мертвые души, малолетние дети и дряхлые старики, плюс вологодские и устюжские купцы, забравшие земли, но не желавшие нести тягла — тяжелым бременем ложились на плечи остального населения. Это последнее, не будучи в силах справиться с уплатою посредством заработков, накладывало руку на свое хозяйство. „Продаем скот другим приезжающим людям и за продажею коня имеется крестьянам в хлебопашестве остановка" — писали зырянские наказы. Русское владычество систематически высасывало соки из трудового населения коми, приводило область к разрушению производительных сил.

Нет ничего удивительного поэтому, когда мы встречаем у Лепехина картины такой ни с чем не сравнимой бедности, которые даже у этого лейб-ученого вызывают чувство сострадания. Зырянские жилища были в полной запущенности и так загрязнены, что в них по справедливости можно было усмотреть рассадники ужасных эпидемических болезней, опустошавших целые селения. „Всего жалчее смотреть на малолетних детей, которые так все запачканы, будто бы им водной елемент вовсе не известен". Объяснив сначала эту неопрятность закоснелой привычкой, Лепехин вынужден затем признать в основе ее бедность и „незнание зырянок женской работы", потому что постоянное пребывание мужчин на отхожих промыслах взваливает на жен всю тяжелую работу по хозяйству.

Доведя население до такой нищеты, русские власти еще усиливали ее тем, что лишали зырянскую бедноту подчас последних источников существования, закрывая возможность эксплоатировать местные природные богатства.

Характерен в этом смысле случай с брусяным промыслом на Печоре, где „в одной горе ломали точильный камень и развозили по разным местам. Не одни живущие по сим речкам, а почти целой яренской уезд сим кормился промыслом; но попечительствующие Архангелогородской губернии правители сие пустое и отдаленное место ныне отдали на откуп за 1000 рублей, которые деньги собираются в казну, и сим пресечен пермяцкий

---

[1] Подоров. Наказы крестьянства коми.
[2] Лепехин. Путешествие, т. III, стр. 265.

летний промысел". [1] Правительство объявило также зырянские леса собственностью казны и запретило их порубку, вследствие чего местное земледелие, основанное преимущественно на подсечно-огневой системе, оказалось в весьма стесненном положении. Получая огромные прибыли от продажи лесов, казна лишала мужика права срубить бревно для постройки хаты. В начале XX в. на Коми-область грозила обрушиться новая напасть в виде переселенческой волны из центральных губерний. В поисках средств для предотвращения крестьянской революции самодержавие ухватилось за идею переселения части крестьян из основных великорусских губерний на окраины, с каковою целью предприняты были работы по выявлению на этих окраинах свободных земель, годных для переселения. Производились эти работы и в зырянском крае, куда правительство намерено было спровадить русских крестьян, потеснив при этом основательно местное население. Проект этот остался неосуществленным, но он характерен с точки зрения колониальной политики самодержавия в Коми-области.

Таким образом, имея значение далеко не крупной колонии и не привлекая к себе взоров крупного русского капитала, Коми-область эксплоатировалась так же жестоко, как и все другие колонии Российской империи. Мы бы даже сказали, что она подвергалась худшему виду эксплоатации, потому что находилась, главным образом, в лапах торгового и ростовщического капитала. Эти последние, как известно, не будучи способными организовать производство, обладают свойством подчинять себе уже готовое производство и в силу своей жадности часто задерживать его рост, а то и совершенно разрушать. Торговый капитал не оказывает на эксплоатируемые им колонии того революционизирующего воздействия, какое оказывает капитал промышленный. Отличаясь сам средневековыми приемами эксплоатации, он и подвластные ему страны держит на уровне средневековья. В этом смысле Коми-область можно считать одной из наиболее пострадавших от русского владычества колоний.

---

[1] Лепехин. Путешествие, т. III, стр. 261.

7

Внутренние процессы в истории коми-колонии.

Та картина заброшенности и запустения края, о которой говорилось в предыдущей главе, ни в малейшей степени не понижает интереса историка к позднейшему периоду зырянской истории. Она могла служить в этом отношении достаточным основанием для буржуазных исследователей, сосредоточивших свое внимание на поступательном движении русского торгового

капитала и феодализма, но тому, кто поставит целью проследить судьбы народа, ставшего жертвой этих сил — описываемый период даст так же много, как и период колониального расцвета.

Энгельс в своем „Происхождении семьи, собственности и государства“ указывал на инков и перуанцев, чья высокая культура исчезла и чье самостоятельное общественное развитие прекратилось по причине испанского завоевания. Иноземное иго может оказаться гибельным для целого народа, и история африканских, азиатских и американских колоний знает не мало таких случаев. И в царской России многие сибирские народы, будучи ограблены и разорены колониальными хищниками, обречены были на постепенное вымирание, так что некоторые из них сохранились до наших дней в количестве всего нескольких тысяч. Но подобную участь испытали не все. Многие племена нашли в себе достаточно сил, чтобы, несмотря на жестокое порабощение и эксплоатацию, сохранить и свою национальную культуру и свое самостоятельное развитие. К числу таких племен можно отнести и коми. Правда, здесь следует особо оговорить судьбу пермяков, попавших в худшие условия вследствие обоснования на их территории ряда крупных феодалов вроде Строгановых, благодаря чему пермяки до революции быстро шли по пути обрусения и утраты своих национальных черт. Жестокая феодальная эксплоатация исключала возможность самостоятельного развития этой части коми, хотя в прошлом она была наиболее передовой, наиболее культурной из всего племени. Зыряне оказались в более счастливом положении и в большей степени сохранили национальную самобытность коми, чем пермяки.

Период, когда зырянский край перестал особенно интересовать русских колонизаторов, позволяет наиболее отчетливо проследить у коми этот собственный процесс развития. Без сомнения, он развивался и раньше, будучи лишь заслонен хозяйничаньем крупных колонизаторов, и никогда не прекращался. Но господство царизма и колониальная эксплоатация наложили на развитие коми печать глубокого провинциализма, всячески приглушали его, делали едва заметным, и если это развитие все-таки не прекратилось, то в этом вина не русского ига, а собственной устойчивости народа коми. История коми, мы бы сказали, тем и интересна, что дает возможность проследить, в противоположность некоторым колониальным народам, эту неугасавшую искру самостоятельного развития.

Упадок и запустение Яренска — официального административного центра русского управления областью — свидетельствует, как было указано, об ослаблении интереса центральной власти к Коми, как колонии, но он вовсе не означает еще бо́льшего, в сравнении с предыдущими столетиями, упадка коми-народа. Напротив, теперь, когда в крае остались сравнительно мелкие эксплоататоры да чиновники, деятельность местных сил может быть подмечена с большей отчетливостью. Именно в XIII в. на смену падающему воеводскому Яренску растет другой подлинно национальный центр, к которому с самого начала тяготеет вся

зырянская земля, растет не в силу правительственных распоряжений и указов, а стихийно, из недр самого населения. Возникнув не где-то на окраине, не на границе русско-зырянских поселений, как Яренск, а в самой середине территории коми, среди сысолян или сыктов, наиболее типичной и наименее затронутой руссификацией ветви зырян, — Усть-сысольск с полным правом занимает ныне положение столицы области Коми. История возникновения этого города теснейшим образом связана с теми проявлениями собственного туземного процесса развития, о котором только-что говорилось. Устьсысольск основан Сухановыми, бывшими долгое время такими же хозяевами в нем, как Строгановы в своих пермских городках.

Сухановы занимают в истории коми такое видное место, что на них следует остановиться особо. Академик Лепехин во время своего путешествия в 1773 г. имел случай наблюдать их в самом Устьсысольске и оставил нам любопытное описание как самих Сухановых, так и их резиденции. Он говорит об Устьсысольске, как о самом замечательном поселении в области. „Да и поистине село сие у всех зырян в особливом почтении. Оно построено было в трех верстах от устья реки Сысолы. Дома в нем отменнее перед другими селами и построены две каменные изрядные церкви — одна во имя Живоначальной Троицы, а другая Покрова Пресвятыя Богородицы. Не храмы сии вперяли у зырян почтение к сей селитьбе, но живущие в нем богачи Сухановы прозываемые, которые и сами произошли от зырянского племени. Проворство их в торговле обогатило их и сделало зырянскими князьками. Каждый зырянин их как бы природного крестьянина представляет и все его стяжание почти надлежит Сухановым. Они их задатчивают на хлеб и на звериные промыслы и после обирают все их житье-бытье богачество. Если где увидишь лучшие нивы в ближайших селениях к Усть-Сысоле и спросишь, кому они принадлежат, — отвечают Сухановым; да и бывшей на Печоре зырянской промысел в добывании точильного камня ныне надлежит Сухановым. Зырянские сии господари хотя записаны в число Великоустюжского купечества, однако живут в сем отдаленном месте от города, и страх, который они почасту претерпевают от наезду разбойников, не может преодолеть их вкоренившегося над зырянами господствования. Сему страху так они подвержены, что и малолюдной мой приезд наделал им много сует и я с великим трудом мог добиться, чтобы допущену быть пред лицо сего зырянина и уверить его письменными свидетельствами о наложенной на меня должности, которая зырянину казалась непонятною, ибо в их пустоплесье по такие мелочи каковы суть травы, никто не ездит“. [1]

В XVIII в., особенно в Екатерининское царствование, купцам и всяким торговым людям, как известно, запрещено было владеть крестьянами и иметь поместья. Но в данном случае мы видим, как, несмотря на этот закон, властный купец-туземец,

---

[1] Лепехин, Путешествие, т. III, стр. 273.

схоронившись за глухими лесами и болотами, свил себе форменное феодальное гнездо, закрепостив и закабалив за собой все окрестное население. Нужды нет, что это закрепощение не имело под собой юридической основы—от этого оно не становилось менее прочным; мы же усматриваем в этом одно из свидетельств „самобытности“ общественного развития Коми. Впрочем, из одного документа, о котором речь будет дальше, видно, что у Сухановых не было недостатка в юридически оформленных актах закрепощения крестьян. Коми-феодализм, наличие которого было отмечено для XV в., сумел таким образом через два столетия пронести свои традиции и выдвинуть в XVIII в. такие яркие фигуры, как Сухановы. Возможно, что Сухановы были не единственными в этом роде; может быть, Коми область знала и других хотя бы более мелких туземных помещиков, но общая скудость материалов по истории коми, выявление которых только начинается, не позволяет сделать на этот счет каких-либо положительных утверждений. Только один из параграфов анкеты Шляхетного корпуса по Яренску, где говорится, что „купцы по большей части живут в уезде при своих крепостных пашенных землях“, [1] дает некоторый повод для размышлений на эту тему. Зато в отношении XVII в. мы можем с большой долей уверенности говорить о существовании феодальных отношений в Коми области. Переписная книга по Яренскому уезду второй половины XVII в. [2] дает в этом смысле ряд определенных указаний. В ней прежде всего отмечается ряд лиц, владеющих „кабальными дворовыми людьми“. Так, в Яренской волости живет „торговый человек Иван Семенов сын Ушантин. У него сын Стефан, у него же Ивана брат Богдан, у него же три человека кабальных дворовых людей“. В Цылибской волости в деревне Дорофиевской живет другой торговый человек Елизарий Федоров сын Осколков, „у него для работы деревенской два человека кабальных“. Что представляют собой эти кабальные люди? Фактически это, без сомнения, крепостные. Выдав некогда на себя кабалу и не расплатившись с кредитором, они сделались рабами этого последнего и работают у него либо в качестве дворовых, либо исполняют „деревенскую“ работу, т. е. обрабатывают его землю. Это знакомый нам по русской истории процесс образования холопства. Но те же переписные книги позволяют сделать и более любопытные наблюдения. Для буржуазных коми-краеведов, утверждающих, будто даже слова „раб“ в зырянском языке не существует, будет настоящим ударом факт покупки людей зырянами в XVII в. В деревне Алексеевской Цылибской волости у некоего торгового человека Афанасия Осколкова имелось „два человека иноземцев купленых Петрушка да Васька“, а в той же волости в деревне Садушинской у другого торгового человека Григория

[1] Архив Академии наук СССР.

[2] Гос. Публичная библиотека в Ленинграде. Рукописное отделение, Q IV, № 482. В книге этой начала и конца нет. На сохранившихся 70 листах имеется описание только некоторой части Яренского уезда — волостей, лежащих по Вычегде ниже Усть-Выма.

Осколкова „два человека купленых старинных Ивашко Петров, а у него сын Лукашко для деревенской работы“. По существу и этих купленных людей и упомянутых выше кабальных даже нельзя назвать крепостными в полном смысле этого слова, т. е. крестьянами, имеющими свое хозяйство и работающими на помещика. Это просто рабы, лишенные средств производства и употребляемые хозяином на любую работу по его усмотрению. Из приведенных фактов еще нельзя сделать широкого вывода о существовании феодальных отношений у коми в XVII в., хотя и эти факты весьма знаменательны. Гораздо более интересными следует признать те места из переписных книг, где упоминаются целые деревни, принадлежащие отдельным лицам. Так, в Ошлапецкой волости три деревни принадлежали Афанасию Осколкову, очевидно тому самому торговому человеку, проживавшему в Цылибской волости, который имел двух купленных иноземцев. Одна деревня состояла из 20 дворов, другая — из 17 и третья — из одного. В той же Ошлапецкой волости деревня из 14 дворов принадлежала Ивану Шангину. Так эти деревни и назывались: „Деревня Ивана Шангина“, „Деревня Афанасия Осколкова“.

В Шеномской волости отмечена „деревня Владимира Матфеева Ушаковская“ из двух дворов, в Пустынской волости „деревня Ивашка Юрьева на реке на Вандышке“ из семи дворов, да „деревня Бориса Курцова Есиповская тоже на речке Шудиге“ из двух дворов. В волости Тундий „деревня Микифорка Милкова, а Спиринская тож на речке Тундейке“ — два двора; „деревня Ивашка Мосиева на реке на Вычегде“ — пять дворов. В Чакульской волости деревни в 2, 3 и 4 двора значатся за Ивашкой Вахромеевым, Ивашкой Задорным и Гришкой Гусевским. Как расценивать этот факт принадлежности деревень частным лицам, как не самый настоящий феодализм? К сожалению, ни переписные книги, ни другие известные нам источники не дают возможность проследить хоть в какой-нибудь мере взаимоотношения этих деревень с их хозяевами. Только на основании полного отсутствия указаний на существование крупных поместий и помещичьей запашки мы можем догадываться, что эти отношения были основаны не на отработочной, а на натуральной ренте. Коми-феодалы XVII в., повидимому, не заставляли своих крестьян отбывать барщину, а взимали с них натуральную, а может быть и денежную дань. Это были прямые предшественники Сухановых.

А насколько эти последние выглядели феодалами даже с внешней стороны, видно хотя бы из того, что дом их в Усть-сысольске представлял собой настоящий замок с подземным ходом к реке Сысоле и вооружен был как солидная крепость. Этого „изготовленного от воровских людей для обороны“ оружия в 1739 г. насчитывалось: 20 ружей, 20 винтовок, 4 пары пистолетов, 2 пары мушкетов, 6 шпаг, 15 копий, 10 луков со стрелами, 2 чугунные пушки „длиною по полуаршину с двумя вершками“[1]

[1] Вологодские губернские ведомости 1853 г. № 48.

и одна железная кованая пушка „длиною полтора аршина". Не удивительно, что резиденция Сухановых „вперяла у зырян почтение к сей селитьбе".

Впрочем из того же рассказа Лепехина видно, что, кроме почтения, она „вперяла" к себе и менее благонамеренные чувства. Лепехин пишет, что Суханов жил в постоянной боязни подвергнуться нападению, и мы знаем, что однажды такое нападение имело место. Это было в 1739 г. Шайка „воровских людей" „в многолюдстве" приплыла сверху по Вычегде и напала на дом Сухановых. Нападение было повидимому внезапное, потому что, несмотря на свои ружья и пушки, Сухановы потерпели жестокий разгром. Некоторые из них были убиты, другие тяжело ранены, а самый дом их со всеми богатствами сгорел. Нападавшие, не ограничившись этим, спустились вниз по Вычегде и сожгли винокуренные заводы Сухановых, стоявшие возле речки Човьи при деревне, принадлежавшей Сухановым. Но при этом, как говорится в челобитной Елисея Суханова, из которой мы узнаем про все происшествие, [1] нападавшие „обиды и разорения прочим жителям не сделали". Это чрезвычайно ценное замечание показывает, что в данном случае мы имеем дело с движением социального порядка, а не с простым разбойничьим нападением. Между тем в краеведческих журналах Коми-области напечатан ряд статей, пытающихся во что бы то ни стало доказать, будто нападение было сделано разбойниками — деклассированным элементом — и преследовало цели личной мести. Аргументировалось все это народным преданием, согласно которому Суханов сам был разбойником, но, разбогатев, покинул своих товарищей и не выдал им требуемой ими суммы денег, результатом чего был известный нам набег на его усадьбу. Не вдаваясь в детальную критику этих рассуждений, укажем лишь на то странное обстоятельство, упущенное авторами статей, что боязнь нападений преследовала Сухановых после погрома 1739 г. свыше тридцати лет, а, может быть, и больше. Если причиной боязни была какая-то шайка разбойников и старинные с нею счеты, то вряд ли эта вражда могла продолжаться так долго. Ко времени путешествия Лепехина прежних разбойников, совершивших налет в 1739 г., вероятно не было и в помине, или же они были глубокими стариками. Да и в 1739 г. нападали вовсе не те разбойники, с которыми, как говорит предание, подвизался некогда сам Суханов.

Дело в том, что если какой-то из Сухановых действительно был бандитом, то это был, повидимому, предок, живший в XVII в., потому что челобитная Елисея Суханова рисует его отца, деда и прадеда как вполне законных собирателей фамильного богатства. По его словам, все сгоревшее в пожаре 1739 г. „заведено прадедами, дедами и отцом моим и дядей изстари". Любопытно, что во время погрома со стороны „воровских людей" заметно желание не столько пограбить, сколько уничтожить в корне

[1] Напечатана в „Вологодских губернских ведомостях" 1853 г. № 48.

сухановское гнездо. Все ценности, которых лишились Сухановы были не похищены, а сгорели в огне; „разбойники", видимо мало прилагали стараний, чтобы захватить их, зато они проявили чрезвычайную внимательность к самому хозяину Ивану Афанасьевичу, отцу челобитчика, которого „воры копьями кололи и ножами резали до смерти". Весьма характерен и тот факт, что „воры" уничтожили сухановские заводы, для каковой цели не поленились спуститься по Вычегде до речки Човьи. Во всем этом с несомненностью виден зародыш зырянской пугачевщины, которую не в состоянии были подметить коми-краеведы. В этом упорном желании представить эпизод 1739 г. как бандитский набег без сомнения сказывается все то же отрицание внутренней классовой борьбы в зырянском обществе, продиктованное нынешним этапом классовой борьбы в Коми-области. Между тем, такие вспышки классовых противоречий у коми можно проследить даже на том скудном материале, что имеется в печати.

Так, в одной из грамот времени Василия Шуйского говорится о походе отряда, составленного из коми, на помощь Шуйскому против сторонников второго самозванца, взбунтовавших Яренск в Вятской губ. Повидимому, отряд был составлен из социально-разнородных элементов, потому что, еще не дойдя до Яренска, он подвергся разложению „и пермичи де ратные люди учали меж себя драться и из луков стрелять". [1] Будущим историкам коми предстоит большая работа по собиранию этого крупичатого материала, долженствующего дать нам более широкую картину классовой борьбы на протяжении всей истории Коми-края.

Будучи представителями местного зырянского феодализма, Сухановы были в то же время и самыми яркими представителями национального торгового капитала. Здесь их генезис проследить легче, потому что о торговле коми сохранилось больше сведений, чем о феодальных отношениях. Богатый опыт торговли с Востоком, выдвинувший их в дорусский период на положение самого коммерческого народа на северо-востоке, не пропал для них даром. В более позднее время мы постоянно встречаем следы оживленной торговой деятельности коми.[1] О XIV—XV вв. когда Усть-Вым, резиденция епископов, была большим караван-сараем и ярмаркой, не приходится и говорить.[1] Мы хотим показать, что и в XVI—XVII ст. эта торговля не прекращалась, несмотря на могущественную конкуренцию русского торгового капитала и на притеснения русской администрации. А притеснения были довольно тягостными для местной торговли. Взять хотя бы такой случай. Посадские жители Соли-Вычегодской, при полном одобрении и поддержке со стороны своего воеводы, практиковали насильственный захват яренских торговцев, ездивших с товарами в Устюг, и заставляли их отбывать всякого рода повинности, наложенные на сольвычегодцев казною. Яренчане неоднократно жаловались в Москву — оттуда присылали в Сольвычегодск сердитые грамоты, запрещавшие про-

[1] С. Г. Г. и Д., т. II, стр. 320.

делывать такие вещи, но повидимому на сольвычегодцев это мало действовало, они продолжали поступать в том же духе, и яренчане снова должны были жаловаться.

„И Соли-Вычегодские посадские люди и уездные крестьяне тех ваших великих государей грамоты не слушают и насирот ваших торговых людишек и уездных крестьян, который ездят к Соли-Вычегодской и через Соль и на Устюг Великие для хлебной покупки и к Москве и к Архангельскому городу и в иные города для торговых промыслов летом водяным путем в суднах, а зимою возами, они усольцы для своей бездельной корысти на дороге задерживают и в ямских и во всяких мирских делех у Соли-Вычегодской воеводам на нас сирот ваших бьют челом и тем челобитьем чинят нам сиротам вашим задержанье и убытки великие и сажают нас сирот ваших за решетку и в тюрьму и куют в железа и убытчат приставами“.[1] Или еще. Как известно, воеводы и наместники, особенно в колониях, не довольствуясь взятками и вымогательствами, заводили еще нередко свое собственное хозяйство — содержали приказчиков, агентов и торговали как заправские купцы. Правительство неоднократно запрещало им эту деятельность, но все указы оставались без последствий. Вели такую же торговлю и наместники пермские. В уставной пермской грамоте говорится, что пермяки терпят от наместнической торговли „убытки великие“, потому что когда они „посылают к волоку Тюменскому и в Вогуличи и в Сылву своих людей с пермским со всяким товаром торговати“, то приходят туда же наместничьи приказчики и „пермичам торговать не велят дотоле, доколе они сторгуютца своим товаром“.[2] Урал и Сибирь были главным полем торговой деятельности коми. В Писцовой книге 1608 г. отмечается множество народу, отправившегося в Югру и в Мангазею, преимущественно из волостей, расположенных в районе Усть-Вымa и по Сысоле, а в упоминавшихся выше переписных книгах Яренского уезда второй половины XVII в. указано немало лиц, ведущих систематическую торговлю с Сибирью. В Пустынской волости „Еремка Володимиров Залужских ездит за торжицком в Сибирские городы“, в Цилибской волости „Тихон Осколков съехал в Сибирске городы для торгу“, в Еренской волости у Якунки Шангина „сын за торжком в Сибири“ и т. д.

В своих торговых похождениях в Сибири коми добирались иногда до китайской границы и в рассказе о чудесах усть-вымских чудотворцев сообщается о некоем Михее, жителе Пустынской волости, который в 1685 г. был взят в плен китайцами под Албазинским острогом.[3] Но, и не уходя так далеко от своей земли, коми имели возможность непосредственного торгового соприкосновения с заграницей. В 1553 г. в поисках

[1] Древлехранилище. Приказные дела старых лет, 1690 г. № 289, л. 5.
[2] Пермская Уставная грамота. Напечатана у Берха и А. Дмитриева.
[3] Гос. Публичная библиотека в Ленинграде, рукоп. отд. Собрание F I, № 778, лл. 23—28.

арктического пути в Китай, один из кораблей экспедиции сэра Гуга Виллоугби пристал к Никольскому устью Северной Двины. Это значительнейшее в истории Московского государства событие имело свои последствия и для Коми-области. Англичане чрезвычайно быстро пронюхали про все, даже самые маленькие ярмарки и торговые узлы на северо-востоке и вскоре проникли туда со своими капиталами, придав этим небольшим торжкам весьма широкий размах и оживление. Скопление драгоценной сибирской пушнины в таких пунктах, как Пустозерск, Лампожня, Усть-Цыльма, Роговой городок и т. д. заставили англичан почасту наезжать туда, а в некоторых из этих местечек создать конторы и постоянную агентуру. В Пустозерске, например, они основались настолько прочно, что снаряжали оттуда грандиозные морские экспедиции из местных жителей на Обь за мехами. В Усть-Цыльму пробрался Мармедюк Вильсон и, прожив там в 1614—15 г. целую зиму, вывез множество пушнины. [1] Но особенным интересом пользовалась у англичан знаменитая Лампожня, расположенная на одном из островов Мезени. Там англичане были завсегдатаями. Еще в 1559 г. англичанин Грей пробрался туда и вывез множество мехов, выменянных на каразею, а после него англичане наладили систематический вывоз пушнины из Лампожни. [2]

Все эти местечки без сомнения посещались коми, так как находились, главным образом, на их территории или в непосредственном соседстве с нею. В одном из описаний, составленном англичанами Логаном и Порсгловом, коми называются в качестве участников Окладниковской ярмарки. „Каждую зиму дважды, т. е. перед Рождественским и Великим постом, здесь съезжались в большом числе пермяки и самоеды для менового торга с русскими, которые приезжали туда из Холмогор, Вологды и других мест“. [3] Окладникова Слободка тоже находилась на Мезени и, как видно из описания Логана и Порсглова, в начале XVII в. играла роль крупнейшего торгового пункта, сменив прежнюю Лампожню. Окладниково было соединено через Глотову слободку прямой дорогой с Усть-Вымом, куда окладниковские жители частенько ездили „на праздник святительский ради купеческой потребы“. Рынок Коми-области в XVI—XVII в. имел таким образом не только внутреннее, но и международное значение. Да и странно было бы, если бы коми, будучи ближайшими соседями богатых сибирских земель, не использовали этого обстоятельства для развития своей торговли и для посредничества между Зауральем и Западной Европой. А обстоятельство это было настолько благоприятным, что, несмотря на русскую конкуренцию, сделало возможным появление таких богачей, как Сухановы. Цитированная выше челобитная Елисея

---

[1] Гамель. Англичане в России, ст. II, стр. 203.
[2] Там же, ст. I, стр. 40.
[3] Там же стр. 194.

Суханова дает прекрасное представление о богатствах этих зырянских Строгановых. В пожаре 1739 г. у них сгорело помимо икон „под серебром и золотом“, серебряная, стеклянная, медная, оловянная и деревянная посуда, платье, сшитое из русской и заморской парчи, разные женские золотые, серебряные и жемчужные украшения, два погреба с русскими и заморскими питьями, снасти для судов, провизия, утварь, две тысячи рублей денег и множество закупленного товара, среди которого отмечаются 15 000 штук белки чистой, 1 пуд сухой бобровой струи, 500 штук горностаев, 100 штук куниц, 30 штук лисиц, 150 штук норков, 200 „червезей бобровых“, 5 россомах, 25 пудов табаку и т. д. А на заводах, помимо всякого строения, сгорело 2 куба, 6 котлов медных, 2 яндовы, 3 поваренки, 4 поддона, 16 труб, 600 ведер вина в двух подвалах, 60 четвертей ржи и ячменя, 20 пудов хмелю, 300 сажен дров, железный заторный котел, десять чанов заторных, 50 дубовых бочек и много другого имущества. Продукция этих заводов была по тем временам довольно высокой. На 1739 г. они должны были по особым подрядам поставить 1800 ведер вина на Устьсысольский и Яренгский кружечные дворы. Любопытно, что Устьсысольск, не будучи еще городом, уже имел кружечный двор. Больше того, он имел таможню, и служащий этой таможни вместе с „бурмистром“ кружечного двора Исааком Чукалиным были убиты в доме Сухановых „воровскими людьми“. Очевидно Устьсысольское селение было оживленным торговым местечком, и Сухановы недаром избрали его своим местопребыванием. Надо полагать, что тут был какой-то перекресток важных торговых путей и что таможня и кружечный двор были рассчитаны не на местных жителей, а на проезжих торговцев. Это обстоятельство, вероятно, было решающим в возвышении Устьсысольска, в превращении его в город и в фактическую столицу Коми-края. Городом Устьсысольск провозглашен 10 октября 1780 г. Акт открытия состоялся в доме Суханова в присутствии чиновника Жеребцова, присланного вологодским генерал-губернатором Мельгуновым. Устьсысольск вырос целиком в XVIII в. Ни в одной писцовой книге XVII в. он не упоминается, да и челобитная Елисея Суханова 1739 г. ни о чем, кроме сухановского „замка“, кружечного двора и таможни, не упоминает. Возможно, что селения в то время еще не существовало, оно образовалось позднее. Но тем более характерно его быстрое возвышение. Будучи обязан своим возникновением местному зырянскому торговому капиталу, Устьсысольск и впредь, вплоть до революции, продолжал оставаться средоточием коми-купечества и одним из крупнейших торговых пунктов.

„Как бы наперекор отдаленности края и всем видимым условиям—писали „Вологодские ведомости“ — торговля привилась и в Устьсысольске и в его уезде и развернулась в гораздо большем объеме по оборотам своим, в сравнении с торговлею всех прочих уездов Вологодской губернии. Так, в нынешнем 1849 г. из всех уездов губернии отправлено было к Архангельскому

порту товаров на 2 236 763 руб., а из Устьсысольского уезда на 1 709 540 руб.". [1]

В 30-х годах XIX в. купцов там насчитывалось до 41 и 1186 мещан. В городе имелось 4 завода, из них 2 кожевенных: „один без действия, другой в действии, на коем вырабатываются разного рода кожи до 775 штук. Сим ремеслом занимается купец Сколтов с тремя вольнонаемными людьми. Сбыт оного бывает в Устюге, а большею частью продает в г. Устьсысольске для жителей. Примерно положить получает он за сие в год 1310 р. серебром". Другие два завода были кирпичные, на коих вырабатывается кирпичу примерно каждый год до 50 000 всего на сумму 236 руб. серебром. Сбыт оного производится для жителей города Устьсысольска". [2] В 1860 г. там было объявлено капиталов 1-й, 2-й и 3-й гильдии на 73 200 руб., а на ярмарку привезено было товаров на 68 425 руб. и продано на 52 325 руб. В городе имелось 6 заводов с производством на 1 592 руб., 542 дома и 3 439 человек жителей. [3]

„В г. Устьсысольске купечество и некоторые из мещан, также и иногородние купцы и крестьяне производят торговлю хлебом, салом, рябчиками, пушными товарами и продуктами. Съестные припасы покупают из здешнего города и уезда равно и из соседственных городов Вятки, Слободского, Чердыня и Орлова, кои отправляют с пристаней через город Устьсысольск судами в Архангельск". [4] По этой отправке товаров в Архангельск Устьсысольский уезд, как мы видели, занимал первое место, но такое высокое положение он приобрел не вследствие мощности зырянских капиталов, а благодаря транзиту. Достаточно просмотреть список купцов, отправлявших свои товары в том же 1849 г., чтобы убедиться, что из громкой цифры 1 709 540 руб. на долю туземных коми-купцов падает сравнительно скромная сумма.

Географическое положение Устьсысольского уезда, через который шли к портам грузы всего северо-восточного района, было причиной процветания торговли в этом уезде. Село Ношульское на реке Лузе, откуда обычно сплавлялось большинство грузов к Архангельску, прославилось благодаря этому не только в самой Коми-области, но и за пределами Вологодской губернии. К весне сюда стекалось иногда до 7000 человек рабочих. Шли товары из Устьсысольска также на Нижегородскую Макарьевскую и на Ирбитскую ярмарки, в Великий Устюг и в Петербург.

Однако большое значение транзита в коммерческой жизни Усть-сысольского уезда не должно умалять роль местного капитала. Говоря о местном капитале в XIX в., мы безусловно

[1] Вологодские губернские ведомости 1849 г. № 31.
[2] Гос. публичная библиотека в Ленинграде. Рукописное отделение F. IV № 757. Материалы для статистич. описания Вологодск. губ.
[3] Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 г., стр. 55.
[4] Материалы для статистического описания Вологодской губ. (Гос. Публичная библиотека).

должны разуметь под ним торговый и ростовщический капитал. Случаев промышленного капитала мы не смогли отметить, если не считать винокуренные заводы Сухановых, принадлежавший им брусяной промысел на Печоре, о котором упоминает Лепехин, да вышеозначенные кирпичные и кожевенные заводы в Устьсысольске. Правда, в Коми-области еще с XVIII в. существовали горные заводы. Один из этих заводов, стоявших на Нювче, описывает академик Лепехин. Однако владельцами как этого, так и двух других заводов—Кажимского и Нючпасского, были не коми, а русские купцы, и это положение оставалось неизменным вплоть до Октябрьской революции. Последним их владельцем был с 1912 г. член Государственного совета В. А. Бутлеров, изготовлявший здесь в мировую войну, по заказам военно-промышленных комитетов, военные снаряды и чугунные оболочки для мин „Дюмезиля". [1] Точно так же и все горные заводы, обслуживаемые, кстати, крепостным трудом, возникшие в XVIII в. в Коми-Пермяцком округе, принадлежали русским. Там было до 25 заводов, принадлежавших казне, Строгановым, Демидовым, Осокиным, Шавкуновым и т. д. Очевидно, туземный торговый капитал не переходил или слишком слабо переходил в промышленный. В этом отношении мы можем привести только один любопытный случай, относящийся к середине XIX в. Правда, еще столетием раньше можно отметить маленький эпизод, связанный с возникновением Нючпасского завода, который до некоторой степени дает право говорить и в отношении XVIII в. о развитии в области промышленного капитала. Мы имеем в виду указание анкеты Шляхетного корпуса на то, что Нючпасский завод был устроен местным крестьянином Козьмою Моденовым. [2] Скудость этого указания не дает возможности сделать сколько-нибудь значительного заключения, хотя оно безусловно представляет большой интерес. Другой эпизод, относящийся к 40-м годам XIX столетия, поддается более широкому освещению вследствие дошедшего до нас литературного памятника, известного под именем „Дневника путешествия на Печору". [3]

Автор этого дневника, устьсысольский купец В. Н. Латкин, является и главным действующим лицом описываемого предприятия. Путешествовал Латкин на Печору дважды, один раз в 1840 г. и другой раз в 1843 г. Обе его поездки по своему характеру ни в какой степени не напоминали научно-исследовательских экспедиций. Целью их была—деловая разведка, долженствовавшая положить начало грандиозному капиталистическому предприятию по эксплоатации естественных богатств Коми-края, Печоры и Западной Сибири. „Я стремился туда—говорит Латкин—с целью исследовать и описать его (т. е. Печорский край) и если возможно учредить компанию, чтобы с помощью ее капи-

[1] А. Анисимов. Кажимские горные заводы. „Коми-му", 1924, № 7—10.
[2] Архив Академии наук СССР.
[3] Издан Русским географическим обществом в 1853 г

талов развить там промышленность, воспользоваться природными богатствами края, до сих пор как будто бы забытыми и не приносящими никакой пользы". В промежутке между первой и второй поездками Латкину повидимому удалось организовать в Петербурге компанию, потому что на стр. 31 своего дневника он отмечает: „журнал нашего компанейского собрания подписан 14 мая". Об образовании Печорской компании сообщают и „Вологодские губернские ведомости". [1] Таким образом дело было поставлено на широкую ногу, и если из него впоследствии ничего не вышло, то, надо полагать, виной тому были обширные, почти утопические замыслы Латкина, для осуществления которых тогдашние капиталы были слишком ничтожны. Латкин, мечтая наладить широкий вывоз печорского леса за границу, задумал для этой цели не только соединить бассейн Печоры, Камы и Вычегды, но задумал также соединить Печору с Обью. Моментом, увенчивающим весь этот план, была постройка порта в устье Печоры. С помощью Печорского порта огромный северо-восточный район и необъятная Сибирь получали непосредственный выход в Европу помимо Петербурга, помимо Архангельска. Особенно привлекательна была Сибирь, куда легко можно было забрасывать с Печоры заграничные товары и откуда можно было вывозить несметные богатства, преимущественно из скотоводческих районов, до которых Латкин думал добраться по Оби. При самом устье Печоры должен был вырасти большой промышленный комбинат в виде лесопильных и консервных заводов, заводов для копчения семги, для приготовления бульона из дичи, судостроительных заводов и т. д. „И сколько источников дохода может быть открыто—пишет Латкин,—когда проникнет сюда промышленность, когда она проложит пути через болотные дебри и откроет плавание по широким рекам этих пустынь". Что же касается своего родного зырянского края, то ему Латкин готовил небывалый расцвет в результате своего плана. Местные леса, местная охота, рыболовство и оленеводство представляют блестящий объект эксплоатации, а население получит хорошие заработки, зырянский народ будет облагодетельствован Печорской компанией.

Всему этому не суждено было сбыться, и план Латкина интересен для нас лишь как яркое проявление промышленно-капиталистических тенденций, назревших в Коми-области. Латкин без сомнения крупная фигура не только среди зырян, но и на фоне всей тогдашней России; в нем чувствуется деятель большого масштаба, энтузиаст капиталистического предпринимательства. Подобные фигуры не появляются из ничего, они растут на определенной почве. Появление Латкина мыслимо только в результате достаточного накопления капиталистических элементов в зырянском обществе.

В них действительно не было недостатка. Уже из того, что нам известно о предыдущих веках истории коми, видно, каким

[1] „Вологодские губернские ведомости" 1844 г., № 33.

неизменным спутником ее являлась фигура крупного торгового человека, этого предшественника богатого устьсысольского купечества XIX в. Афанасий Осколков, Иван Ушантин и Иван Шаньгин, владевшие в XVII в. деревнями и имевшие рабов, отмечены в переписных книгах как торговые люди. Но эти люди не могут рассматриваться как нечто исключительное; они лишь наиболее видные фигуры на фоне довольно зажиточного слоя крестьянства, который в то время существовал. Расслоение коми-деревни, которое в период проведения коллективизации отрицалось националистами и правооппортунистическими элементами, было весьма значительным уже в XVII в. Согласно все тем же переписным книгам второй половины XVII столетия, в двух волостях—Иртовской и Еренской—из 171 двора около 20 дворов принадлежало несомненным кулакам, в чем убеждает факт наличия у этих хозяев наемной рабочей силы и половников. „Во дворе крестьянин Тимошка Ярыгин, а у него наемной строшной Георгийко", „во дворе Макарко Малахов... у него же половник для деревенской работы Лучка Петров", „во дворе крестьянин Стенька Малахоев ныне в Сибире, у него половники для деревенской работы Минка Евдокимов да Омелько Савин" и т. д. Некоторые имели по 3, по 4 половника, а за известным нам Иваном Шаньгиным их числилось до 10. Такое же явление наблюдалось в Цылибской и Шеномской волостях. Институт половничества достаточно хорошо выяснен в специальной литературе, и вряд ли существует необходимость подробно останавливаться здесь на его характеристике. Широко распространенное вплоть до середины XIX в. на территории северных губерний половничество представляло собой довольно обычный в ту пору способ эксплоатации. Из сохранившихся порядных допетровского времени можно составить достаточно ясную картину этой эксплоатации. Обезземелившийся крестьянин приходил к богатому землевладельцу со своим скотом, инвентарем, нередко с семенами и по договору с ним обрабатывал его землю, получая от урожая половину или треть („третники"), а остальную часть отдавая владельцу земли. Владелец имел право выбирать лучшую часть, а если он ссужал половника семенами, то дележ урожая производился после вычета семян в пользу владельца. На почве таких отношений двух юридически свободных лиц создавались чрезвычайно благоприятные условия для эксплоатации половника, простиравшейся до того, что этот последний превращался в совершенно зависимого, почти крепостного человека своего патрона. Недаром при Петре владельцы возбудили ходатайство, „чтобы тех половников укрепить за ними как за помещиками". Просьба их не была удовлетворена, но это нисколько не помешало фактическому закрепощению половников настолько, что их хозяева присвоили себе право отдавать их в рекруты, если только они не были в состоянии откупиться. Наказы в Екатерининскую комиссию дают в этом отношении обильный материал. Половниками владели не только крупные купцы, но и богатые мужики-мироеды, как это видно из переписных книг, причем не всегда

половник, лишившись своей земли, уходил на землю господина. Нередко кулак, отобрав за долги чью-либо землю, предлагал ее бывшему владельцу работать на ней „исполу". Таких разорившихся крестьян, живущих своим двором на особом участке, но числящихся половниками других лиц, переписные книги отмечают чрезвычайно много. Существование кулачества в Коми-области и эксплоатируемой сельской бедноты, шедшей по пути превращения ее в зависимых, отмечено следовательно уже в XVII столетии. Однако картина расслоения будет не полной, если наряду с половниками не упомянуть также и бобылей, которые хотя и не всегда представляли собой бедняков, но подавляющую массу которых составляли несомненно разорившиеся, лишенные средств производства крестьяне. Этих бобылей, питавшихся большей частью „черною работою", в Иртовской и Еренской волостях было вместе с мужиками, лишившимися дворов, 25 человек, а в Цылибской волости—10 человек, тогда как общее количество дворов там значилось 39, из которых 9 дворов приходилось на кулаков, т. е. людей, владевших половниками. В XVIII в. верхушка зырянской деревни вступает уже в активную борьбу с крупным купечеством, обосновавшимся в Яренске. Наказ в Екатерининскую комиссию от Корткеросской волости жалуется на то стеснение, которое терпят местные кулаки в результате монопольного права яренских купцов по скупке пушнины у охотников. „Яренское купечество имеет запрещение в покупке крестьянского зверного промысла между крестьянами, а прочие крестьяне друг друга ссужают на предь в дачю на платежь подушных денег и прочих нужд, списывая в них письмах, чтобы им заплатить звериным промыслом и протчим крестьянским продуктом, в чем крестьянство и платит, а оное яренское купечество намеревается купить собою от промышленников и намеренною ими дешевою ценою и чтоб крестьяне для продажи в другой город из своего уезда провозу да иногородним купцам продажи, кроме их яренских купцов запрещают". [1] Долго ли продолжалась эта борьба местного кулачества с богатыми купцами за право эксплоатировать охотников—трудно сказать; известно лишь, что в XIX в. их интересы были до некоторой степени согласованы, и зырянский кулак сделался полным хозяином в крае, превратившись в агента архангельских, вологодских, великоустюжских купцов и торговых фирм. Русский капитал тем самым получил возможность успешней и глубже запускать свои щупальцы в „Зырляндию", а коми-кулак получил лучшие условия для своего роста. В XIX в. его расплодилось так много, что он стал стихийным бедствием для всего трудового населения. По словам Кл. Попова, во второй половине столетия кулаки уже „встречаются почти во всякой деревне и на наличные деньги закупают запасы всего нужного

---

[1] В. М. Подоров, „Наказы крестьянства Коми по материалам Екатерининской законодательной комиссии 1767 г." Записки общества изучения Коми-края, вып. 2, стр. 35—47.

в семейном и охотничьем быту зырянина для раздачи нуждающимся в долг, с тем чтобы ссуда была возвращена продуктами охоты, рыболовства и т. д. Само собой разумеется, что кулак своему товару, давая его в долг, назначает высокую цену, а товар промышленника принимает в уплату по самой низкой. И ничто не ограничивает произвола ростовщика: обходя его негде взять охотнику пороху, провизии и пр., а если и есть где, то нужны деньги, трата дорогого времени. Таким образом, у подобных кулаков сосредоточиваются все произведения местной промышленности и уже от них поступают в руки иногородних крупных торговцев". [1] Такой характер эксплоатации населения, занимающегося охотой, процветал вплоть до Октябрьской революции. Доведя деревню до крайней степени нищеты, кулачество вполне заслуженно пользовалось той ненавистью трудового населения, которая с особенной силой прорвалась в период гражданской войны. Будучи рычагом, с помощью которого русский капитал высасывал соки из Коми-области, кулаки в представлении масс слились с этими русскими угнетателями. Когда началась революция, бедняки в своей борьбе уже не отличали отечественного кулака от иноземного поработителя.

Эксплоатация охотничьего промысла была не единственной доходной статьей кулачества; полем для его предприимчивости служили и другие отрасли хозяйства. На Печоре например кулачество выросло в виде крупных скотоводов и оленеводов по преимуществу. О разведении скота и оленей на Печоре имеется много сведений. „Скота рогатого держат довольно—говорит про ижемцев К. Молчанов в своем «Описании Архангельской губернии».—Их коровье масло почитается наилучшим во всей губернии. Оленей многие имеют от 500 до 1000". [2] „По сведениям, собранным местным начальством, видно, что оленей, принадлежащих ижемцам, числится до 120 тыс. голов, но полагают, что число оленей не менее 200 тыс., ибо оленьих кож продается ежегодно до 50 тыс. штук". [3] „Главнейшее занятие крестьян Устьцылемской волости есть скотоводство; они богаты обширными лугами и потому многие имеют от 40 до 50 голов рабочего скота... всего скота в Устьцыльме до 2850 голов". [4] Согласно утверждению „Вологодских губернских ведомостей", „у богатого крестьянина (ижемца) бывает до 5000 голов оленей". [5] Надо сказать, что Ижма и Устьцыльма представляются в высшей степени интересными селениями в том смысле, что являются настоящими гнездами кулачества, каковыми остались вплоть до революции. Недаром в эпоху гражданской войны Печора явилась рассадником бело-кулацкого партизанского движения. Коми-кулаков здесь было едва ли не больше, чем коми-бедноты, и на первый взгляд кажется непонятным, кого кулачество могло

---

[1] К. Попов, Зыряне и зырянский край, стр. 81.
[2] К. Молчанов. Описание Архангельской губернии, стр. 48, СПБ, 1813.
[3] „Вологодские губернские ведомости" 1844 г. № 33.
[4] Там же.
[5] „Вологодские губернские ведомости", 1846 г., № 4.

эксплоатировать. Но эксплоатация здесь процветала и притом более жестокая, чем где бы то ни было, только в качестве эксплоатируемого населения на Печоре выступали главным образом ненцы. Эти бедные обитатели тундр, „самоеды“ или „яраны“, как их называют ижемцы, были в полнейшей кабале у этих последних.

Мало того, что они поставляли всю рабочую силу для ижемцев и служили у них в качестве пастухов оленей, приказчиков, домашней прислуги и т. д., они являлись также объектом ростовщической эксплоатации, обмена, вымогательства, а нередко и грабежа. Будучи сами народом колониальным, ижемские коми обрели себе на Печоре и в тундре свою собственную колонию. Результатом было постепенное обеднение ненцев и утрата ими своих стад. Если в 1896 г. 686 ненецких семейств имело до 80 тыс. оленей (730 зырянским семьям в том же году принадлежало 210 тыс.), то уже в 1905 г. на долю ненцев приходилось 64 490 голов. До революции 67% всего количества оленей значилось за зырянами, тогда как за ненцами оставалось их не больше 22%.[1] О мошеннических захватах ненецких стад ижемцами по образцу русских колонизаторов, говорят почти все исследователи и путешественники.

В хлебных районах Коми-области, вроде Сысолы, кулачество росло, между прочим, и на основе земледелия, производя в большом количестве товарный хлеб. Та отправка зерна через Нošульскую пристань к Архангельску, о которой говорилось выше, предполагает несомненно наличие ряда сравнительно крупных производителей хлеба, небольших сельских капиталистов, ориентировавшихся на рынок и приспособивших к рынку свое хозяйство. Это станет совершенно очевидным, если заметить, что уже в XX в. вывоз хлеба из Коми-области совершенно прекращается, а хлеб, напротив, начинает ввозиться туда из других краев, достигая под конец солидной цифры — миллиона пудов в год.

Этот факт особенно хорошо подтверждает тесную связь земледелия Коми-области с рынком и зависимость его от этого рынка. Дело в том, что указанная перемена произошла вследствие постройки железнодорожной линии Вятка—Котлас, вследствие чего дешевый сибирский хлеб получил легкий доступ не только к Архангельску, но и в самую область Коми. Зырянские кулаки не выдержали конкуренции этого привозного хлеба и вынуждены были прекратить земледелие. То был переворот довольно значительный для края. Он сопровождался развитием всякого рода отхожих промыслов, в роде портняжничества, отвлекших много народу на Урал и в другие местности, в чем нельзя не усматривать результата той безработицы, которая наступила среди батраков и бедноты, занятых прежде обработкой кулацкой земли.

---

[1] А. Витюгов. Оленеводство, журнал „Северное хозяйство“ (Архангельск) № 3, апрель 1923 г., стр. 4.

Однако удар по кулацкому земледелию вовсе не был сокрушительным для самого кулачества. Его капиталы нашли себе прекрасное применение в другой области. В то время как строилась железная дорога на Котлас, несшая смерть зырянскому аграрному капитализму, в Архангельске и во всем северном крае начинала развиваться лесная промышленность. Уже в 70-х годах к Архангельску сплавлялось лесных материалов на сумму до 1 млн. руб.[1] и цифра эта с каждым годом все увеличивалась. В орбиту этой все растущей лесной промышленности оказалась втянутой и Коми-область. Постепенно кулацкие капиталы все больше и больше вкладывались в лесное дело, закладывая основы новой хозяйственной конъюнктуры Коми-области.

Широкого и ярко выраженного капиталистического развития Коми-область так и не знала, но те изменения в ее экономике, которые обозначились к началу XX в., можно с несомненностью рассматривать как крупный шаг по пути промышленного капитализма. Собственно говоря, приготовление леса на продажу может рассматриваться как промышленность, и В. И. Ленин в своем „Развитии капитализма в России" обозначает это термином „лесопромышленность". Лесопромышленность—не индустрия, но она является „одним из необходимых условий роста крупной машинной индустрии и чрезвычайно характерным спутником ее роста".[2] „Пореформенная эпоха характеризуется особенным ростом этой промышленности". По словам В. И., организация этой промышленности—чисто капиталистическая. „Лес закупается у землевладельцев предпринимателями „лесопромышленниками", которые нанимают рабочих для рубки, пилки леса, сплава его и пр.".[3] Для лесопромышленности характерно появление множества лесорубов, напоминающих армию промышленно-заводских рабочих. Это еще далеко не тот пролетариат, который создается в городах на основе машинного производства; это в подавляющей своей массе—крестьянин, идущий на заработки и несущий туда свою патриархальщину, о чем свидетельствуют, между прочим, ужасные условия труда, процветавшие в лесу.

„Лесные работы принадлежат к наиболее дурно оплачиваемым, гигиенические условия их отвратительны и здоровье рабочих подвергается сильнейшему разрушению, положение рабочих, заброшенных в лесную глушь, наиболее беззащитное, и в этой отрасли промышленности царят во всей своей силе кабала, trucksystem и т. п. спутники „патриархальных" крестьянских промыслов".[4]

Как известно, В. И. Ленин лесопромышленных рабочих относит к „придатку фабрики", под которым разумеет „те формы наемного

---

[1] Военно-статистический сборник „Россия", вып. IV, стр. 636, СПБ, 1871 г.
[2] Ленин. Собр. соч., т. III, стр. 410.
[3] Там же, стр. 411.
[4] Там же, стр. 412.

труда мелкой промышленности, существование которых непосредственно связано с фабрикой“.[1]

Из всех этих высказываний автора „Развития капитализма в России“ для Коми-области непосредственно вытекает вывод, что к началу XX в. влияние промышленного капитализма стало распространяться и на нее и что капиталистические отношения захватывали ее тем больше, чем больше развивалась там лесная промышленность. К сожалению, данных о развитии этой последней в печатных источниках почти не существует, а местные архивы, по условиям работы, были нам недоступны. Вследствие этого мы не можем привести сколько-нибудь богатых цифр, характеризующих это развитие. В нашем распоряжении только „Итоги экономического исследования крестьянского населения Устьсысольского уезда Вологодской губернии“,[2] согласно которым, к 1902 г. „в районе верхневычегодских волостей первенствующую роль занимают те промыслы, которые под общим именем „сортовки“ тесно связаны с рубкой и сплавом пиловочного леса“.[3] К этому времени из каждых 100 хозяйств принимали участие в лесном промысле:

в Устькуломском обществе	—73,00	в Ножегодском обществе	—87,86
„ Устьнемском „	—73,99	„ Помоздинском „	—81,55
„ Мыельдинском „	—92,91	„ селениях по р. Ижме	—26,58[4]

По словам „Итогов“, „с развитием лесорубочного промысла с количественным ростом рекрутируемого им населения, растет и его главенствующее значение во всем жизненном укладе данного общества, он начинает определять и регулировать всю жизнь занятого им населения, которая покорно подчиняется его воле и требованиям“.[5] Цитируемый источник дает для начала XX в. столь образную картину этой регулирующей роли лесной промышленности в Коми-области, что мы решаемся привести из него довольно длинный, но зато чрезвычайно яркий отрывок.

„Осенью в верхневычегодских волостях появляется несколько приказчиков лесопромышленных фирм, из которых самыми крупными являются фирмы Ульсина, Стампи и К°, Светлакова, Шульца и др. Главная цель их приезда запорядить до начала зимы рабочих для вырубки, вывозки и сплава закупленного ими у казны пиловочного леса. Население уже приготовилось к их встрече, собрало сведения, где запродан казне лес, через своих однодеревенцев-охотников, имеющих в местах будущих работ „кызан-керки“, узнало о состоянии там лесов и в случае надобности посылало для этого специальных доверенных, словом ознакомилось с теми условиями, с которыми придется иметь дело при будущих работах. Главнейшим образом население ста-

[1] Ленин. Собр. соч., т. III, 417.

[2] Под редакцией производителя работ Л. Рума, т. 1. Результаты произведенного в 1902 г. подворного исследования верхневычегодских волостей, Пермь, 1903 г.

[3] Там же, часть V, стр. 34.

[4] Там же, стр. 35.

[5] Там же, стр. 36.

рается получить по возможности правильное представление о количестве пиловочного леса в данном месте и о его густоте, т. е., иными словами, о степени трудности найти и заготовить заподряженное количество леса, о степени захламощенности леса валежными деревьями и отдаленности „катища", т. е. места вывозки леса к сплавной реке, так как этими тремя факторами в значительной степени обусловливается успешность вывоза леса. Получив все эти сведения, каждый домохозяин определяет с одной стороны количество леса, которое он может приблизительно заготовить, и цену, которую при наличности существующих условий он может требовать у лесопромышленника. Определение цены, далеко не всегда одинаковой, предоставляется частной инициативе, нередко однако общество или деревня на сходе постановляет, чтобы договор о заготовке леса заключался не отдельными домохозяевами, а доверенными от схода, которым в таких случаях сход определяет и цену с бревна, по которой они могут договариваться. На почве такого коллективного договора, против которого всеми силами борются лесопромышленники, нередко возникают конфликты между населением с одной стороны и приказчиками лесопромышленных фирм—с другой. Первое стоит на своей цене, доказывая, „что работать дешевле—себе дороже", вторые убеждают, что такая плата слишком высока, что такой нигде не бывало, и т. д. Иногда обе стороны приходят к известному соглашению, устанавливая после ряда взаимных уступок некоторую так сказать среднюю цену, иногда же одна из сторон вынуждена признать себя побежденной и принять условия другой стороны. В большинстве случаев победа остается на стороне лесопромышленников, имеющих могучих союзников в лице местных „богатеев". Интересы последних сводятся к тому, чтобы заготовка сортового леса сосредоточилась в их руках, чтобы они встали в качестве посредствующего звена между лесопромышленниками и населением и, урывая часть прибыли первого и часть заработной платы второго, выигрывали бы материально от такого положения дел. При возникшем конфликте местные богатеи играют двоякую роль; своих однодеревенцев они убеждают стойко держаться своей цены, приказчиков же склоняют не уступать. Но наступает момент, когда обеим сторонам необходимо на чем-нибудь покончить, и вот подрядчик предлагает лесопромышленнику сдать ему вырубку, вывозку и сплав 10, 20, а иногда и более тысяч бревен. Приказчик охотно соглашается на такой выход, охотно набавляет пятачок или гривенник на свою прежнюю цену, так как договор с богатеем избавляет лесопромышленника от расхода по надзору, от всякого риска за убытки от весенних неожиданностей и прочих невыгодных сторон лесного промысла, а за все это стоит заплатить 5—10 коп. с бревна. Таким образом, договор заключен и теперь предпринимателем является уже не прежний приказчик, совершенно чуждый местному населению, не имеющий с ними ничего общего, а местный „богатей", часто держащий в своих руках чуть не все

общество, благодаря цепкой системе кредита. Прежде всего такой предприниматель привлекает к заготовке сортового леса своих должников, давая им ту цену, какую находит нужным, и грозя при несогласии прекратить отпуск в кредит. За должниками, составляющими далеко не малый процент хозяйств, волей-неволей понижает свое требование и остальная незадолженная часть населения. Барыш, получаемый с бревна местным богатеем, колеблется в пределах 10—15 коп., но, кроме того, он получает доход в качестве продавца, куда проникает в известной доле и truck-system". [1] В течение первого десятилетия XX в. лесопромышленность сделала в Коми-области такие успехи, что к 1912 г. она уже представляла самую доходную статью по части казенных сборов, на ней зиждился весь земский бюджет, а с точки зрения крестьянских промыслов она занимала первое место. [2] Перед революцией верхушка буржуазии Коми-области имела источником своего процветания лесную промышленность.

Таким образом, в течение целых столетий коми жили далеко не в бесклассовом обществе. Зырянская деревня знала расслоение и выделила довольно крупную буржуазию, которая в XIX—XX в-в. обнаруживала уже тенденции перерастать, а частично и перерастала в промышленную буржуазию.

Формирование местной буржуазии нашло отражение и в появлении первых еле заметных ростков национализма во второй половине XIX в. Сказалось это в образовании правда очень незначительного слоя зырянской интеллигенции, среди которой понемногу стали возникать националистические настроения. Появились такие фигуры, как первый коми-поэт Куратов, Г. С. Лыткин, Чеусов, появился наконец такой „апостол" буржуазного национализма коми, как профессор К. Ф. Жаков. Тот же В. Н. Латкин был весьма культурным по своему времени человеком, имел некоторые связи с петрашевцами, знаком был с известным финнологом академиком Кастреном, и его „Дневник путешествия на Печору" содержит не мало любопытных высказываний и замечаний относительно зырянского народа и его исторических судеб. Его дневник поэтому, наряду с книгой Г. С. Лыткина „Зырянский край и зырянский язык при епископах пермских", рассматривается как одно из наиболее ярких проявлений национальной культуры коми.

Но замечательно, что с самых первых своих шагов зырянский национализм оказывается незаметно для себя на буксире у великофинского шовинизма. Не случайно В. Н. Латкин оказался другом Кастрена, и самая встреча их на Печоре, куда один приехал с целью торгово-промышленных изысканий, а другой в поисках древней родины финских племен,—весьма знаменательна. Не случайно также Шегрен оказался вдохновителем группы зырянских патриотов в лице Устьсысольского уездного

---

[1] Там же, стр. 38—39.
[2] „Коми-му", 1924, № 1—2, стр. 11.

стряпчего Н. Попова, купеческого сынка А. Суханова и крестьянина Усть-Куломского селения Филиппа Попова, предпринявших в 30-х годах и успешно окончивших труд по составлению капитального „Русско-зырянского словаря“. Финны первые стали составлять грамматики зырянского языка, переводить по-зырянски евангелие и интересоваться прошлым племени коми. Сами зыряне в изучении своего края шли постоянно, и многие идут до сих пор, по пути, указанному этими финскими учеными. И если в наши дни зырянский национализм отличается иногда (вспомнить Мосшега) панфинляндскими тенденциями, то этим он в значительной степени обязан тому обстоятельству, что у колыбели его стояли предшественники современных поборников идеи „Великой Финляндии“.

Чрезвычайно любопытен самый факт нарождения коми-интеллигенции, пробившейся, несмотря на политику обскурантизма и руссификации, которую проводило царское правительство в отношении всех малых народов и в частности коми. Стоит почитать предисловие Г. С. Лыткина к его книге, где он рассказывает о своих школьных годах, чтобы ясно представить, каких нечеловеческих усилий стоило зырянскому мальчику одолеть начальную школу и пробиться к тем вершинам науки, к каким пробился Лыткин.

Зырянскому языку и зырянской грамоте в школах не учили и книг на зырянский язык не переводили; учили читать сразу по-русски, а так как большинство, если не все ученики, порусски не знали ни слова, то все учение сводилось к бессмысленному механическому зазубриванию русских текстов, преимущественно из священного писания. Большинство не выносило этой системы и покидало школу, не кончив ее. Только единицы в роде Лыткина сумели, одолев всю эту абракадабру, открыть себе путь к дальнейшему знанию, но таких было очень мало. Чтобы иметь представление о состоянии тогдашнего просвещения в Коми-области, достаточно просмотреть ведомость „Капитальной библиотеки“, принадлежавшей Устьсысольскому приходскому училищу, составленную в 1846 г. Там значится всего 19 названий книг, и книги все, примерно, такого порядка: „Славянская библия в 8 долю листа в кожаном переплете ветхая. Букварь, русские прописи, Часослов, Славянский псалтырь в 8 долю листа в кожаном переплете, нотный обиход, Российская грамматика Г. Греча“ и т. д. Каждой из этих книг было по 1 экземпляру, только „Проекты положений и уставов“ оказались в количестве 5 экз.[1] Таков был состав этой „капитальной“ библиотеки, отражавший самую мрачную руссификацию, проводившуюся в Коми-области. Собственная письменность зырян заглохла, и в начале XIX в. уже никто из коми не мог прочесть надписей на иконе „Троица“, писанных древнепермскими буквами. Самые книги на зырянском языке сделались такой

---

[1] Гос. Публичная библиотека в Ленинграде. Рукописное Отделение. Сборник F XVIII № 36, л. 20.

редкостью, что акад. Лепехин ничего, кроме евангелия, не мог отыскать. Лепехин приписывал это забвение древнепермской азбуки „лености духовных к обучению“, но повидимому объяснение этому надо искать не в леност и, а в политике. Еще в XIV в., когда Стефан работал над составлением азбуки коми и переводил книги на зырянский язык, в Москве существовала партия, с неудовольствием смотревшая на его деятельность. „Почто ли сотворени суть книги пермские?.. Аще ли и се требе есть, достояше паче русская готова сущи грамота, юже предати им и научити я“...[1] Эта партия хотела сразу начинать с руссификации, и только сложность обстановки, в которой приходилось захватывать страну коми, не дала возможность это проделать, продиктовав осторожную и гибкую политику в духе Стефана. Этой политики приходилось держаться еще в конце XV в., что видно хотя бы из того, что епископу Филофею понадобилось на старости лет изучать зырянский язык. Известно, что он подписывался по-зырянски и посылал к митрополиту „свою Пасхалию на 19 лет за своею подписью за Пермскою“. Но, очевидно, после покорения Новгорода, когда московская власть прочно укрепилась в Коми-крае, необходимость признавать зырянский язык официальным языком отпала. Появилась возможность действовать чисто по-московски, с помощью прямого насилия и урядницкого кнута; появилась возможность и грамоту пермскую заменить русской. Этнографы в роде упоминавшегося неоднократно К. Попова упрекают часто зырян за то, что те имеют извращенное понятие о грамоте и о письменности. Однако, если выяснить, в чем это извращение заключается, то станет вполне понятным, почему зырянин подозрительно относится к русской письменности. Оказывается самая бумага на языке коми называется „кабалой“. За этим термином, русское происхождение которого несомненно, скрывается грозный социальный смысл всей „просветительской“ деятельности русских на северо-востоке.Не трудно понять, как сложны были условия, в которых выростала национальная интеллигенция. Без сомнения, эта интеллигенция по своей природе была не той, которую создают сейчас трудящиеся Коми - области; то была буржуазная националистическая интеллигенция, вызванная к жизни нарождением коми-буржуазии. Эта ее буржуазная природа сказывалась во всем. Г. С. Лыткин, например, будучи субъективно честнейшим человеком, горевшим искренней любовью к своему народу, променявшим кафедру Петербургского университета на скромную роль земского деятеля на почве народного просвещения в зырянском крае, принес этой своей деятельностью трудящимся коми больше вреда, нежели пользы. Заветной мечтой его жизни было перевести книги священного писания на зырянский язык, дабы коми в полной мере усваивали его смысл, а не заучивали, как раньше, русские тексты, ничего в них не понимая.

---

[1] Житие Стефана Пермского, стр. 152.

„И в вологодской гимназии и в С.-Петербургском университете—признается Лыткин—при изучении восточных языков не покидала меня мысль быть когда-нибудь полезным подрастающему поколению зырян переводами книг религиозного содержания на зырянский язык и составлением такой книги, которая дала бы им возможность изучить русский язык, употребляемый и в церкви, и в науке, и в суде“. И он действительно перевел ряд церковных книг, завершив в XIX веке дело, начатое некогда Стефаном. Лыткин искренно чтил память Стефана, и, когда в Москве праздновали пятисотлетие крещения Перми, Г. С. Лыткин был приглашен туда в качестве представителя зырянского народа и создавал своим присутствием особый ореол памяти первого поработителя своего народа. Профессор Жаков, точно так же, будучи пламенным патриотом, носившийся даже с идеей издания газеты на зырянском языке, был по своим воззрениям таким беспросветным идеалистом и филистером, что не способен был ни в малейшей степени к политическому мышлению или к роли человека, будирующего и собирающего вокруг себя передовые элементы своего народа. О силе его политической мысли лучше всего говорит фраза, которую он любил повторять: „Нет крестьян и дворян на земле—есть люди, живущие под небом голубым на дивной земле“. Не лишне упомянуть, что К. Ф. Жаков умер в 1926 г. за границей в эмиграции, оставшись совершенно чуждым великому возрождению трудящихся своей страны на основе строящегося социализма.

Ирония истории такова, что все эти ранние зырянские националисты, мечтавшие о служении своему народу, о пробуждении в нем национального самосознания, объективно играли самую реакционную руссификаторскую роль, как это особенно хорошо видно на примере Г. С. Лыткина, которого горячо поддерживали в его начинаниях царские чиновники, в роде директора народных училищ Вологодской губ. Н. П. Левицкого, писавшего Лыткину: „для зырянских училищ необходима всего более такая книжка и учебник, при помощи которой зырянин-дитя мог скорее научиться читать, писать и говорить по-русски“. Эту роль агентов и проводников русского великодержавного влияния продолжало играть и новое поколение коми - националистов в лице народных учителей, земских деятелей, агрономов, лесоводов и всей той зырянской интеллигенции, которая почти целиком вошла в 1917 г. в партию эсэров, восторженно поддерживая временное правительство, ратуя за войну до победы и за все прочие прелести керенщины.

Пролетарская революция нанесла удар этой интеллигенции, не дав ей расцвести пышным цветом; вместе с ней был уничтожен в самом зародыше и породивший ее зырянский капитализм.

8

Социалистическая революция и гражданская война в Коми-области[1]

Октябрьской революции в истории всех народов СССР принадлежит исключительное место не только в силу величия и важности этого события, но еще и потому, что она дает

[1] Настоящая глава написана преимущественно на основании материалов, опубликованных А. Цембером в журнале „Коми-му" (1924 г., №№ 1—24—6, 7—10; 1925 г., № 2; 1926 г. № 9, 12; 1927 г. №№ 9, 10—11; 1928 г. №№ 1, 3,, VI). Несмотря на то, что публикации эти представляют собой полу-хроники, полу-статьи, полу-

критерий для понимания всей предыдущей истории и всех последующих событий. Революция — это фонарь, отбрасывающий свет в далекое прошлое и освещающий пространство перед собой. Историческая оценка Октября — это нерв сегодняшней политики. Между тем толкование революции в Коми-области зачастую отличается такими тенденциями, что возникает самая настоятельная необходимость в правильном большевистском освещении этого величайшего события в жизни коми-народа. Довольно распространенным мнением относительно зырянского Октября является утверждение, будто революция в „Зырляндии", как и вообще на севере, совершена „по телеграфу". Коми как народ, не вступивший еще на путь промышленно-капиталистического развития, не созрели для социалистической революции, она не вытекала с необходимостью из собственно зырянских условий и была по существу чуждой зырянам. Зыряне, подобно сиамским близнецам, будучи сращены с организмом России, оказались вынужденными хворать всеми болезнями, каким хворала эта последняя. Сделавшись невольными соучастниками русской революции в 1917 г., коми сейчас являются такими же невольными соучастниками некоторых неприятных сторон большевистской политики, в роде ликвидации кулачества как класса. Исторически закономерная и политически необходимая в русских условиях борьба с кулачеством не может быть „механически" перенесена в область коми, потому что в силу специфических условий кулаков там нет. Такого рода „теории" совсем недавно раздавались достаточно громко, а кое-где, может быть, живут и до сих пор. В непосредственную близость с этой концепцией следует поставить другую, принимающую Октябрь в Коми-области лишь как национально-освободительную революцию, к которой досадным образом примешивалась „анархия", как выразился один из усть-сысольских уездных земцев в 1917 г.

Надо ли говорить, что подобные оценки, обнаруживающие явное непонимание диалектической связи пролетарской революции с делом освобождения угнетенных народов, представляют собой продукт чисто буржуазной идеологии, заслуживающей самого решительного отпора со стороны марксистов-ленинцев. Борьба с этими буржуазными взглядами особенно необходима теперь, когда ликвидируемое кулачество оказывает жестокое сопротивление и когда указанная концепция Октября приобретает характер оружия в его борьбе против трудящихся Коми-области. Будет поэтому в высшей степени уместным противопоставить с самого начала этой кулацкой трактовке революции ленинскую концепцию Октября на окраинах, выраженную чрезвычайно сжато и ясно т. Сталиным в его „Вопросах ленинизма".

документальный материал и несмотря на то, что Цембер не указывает даже местонахождение публикуемых им материалов, публикации его являются в высшей степени ценными, так как представляют собой единственную сводку данных о революции в Коми-крае. В дальнейшем ссылок на эти материалы мы не делаем и указываем в сносках лишь другие источники и статьи.

„Революция в России не победила бы и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи. Но для того, чтобы завоевать сочувствие и поддержку этих народов, он должен был прежде всего разбить цепи русского империализма и освободить эти народы от национального гнета. Без этого невозможно было упрочить советскую власть, насадить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов, которая называется Союзом Советских социалистических республик и которая является живым прообразом будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве". Пролетарская революция была необходима для освобождения малых народов в такой же степени, как помощь со стороны этих последних была необходима для победы самой революции.

Для трудящихся коми, как и для всех малых народов России, первым вопросом в кеволюции был вопрос освобождения их от национального угнетения. Но „освобождение наций связывается в России с решением аграрного вопроса, т. е. с уничтожением крепостнических остатков".[1]

Феодализм, правда, давно покинул пределы Коми и никаких крупных помещичьих латифундий там не наблюдалось,[2] но Коми пришлось иметь дело с величайшим пережитком феодализма — с самодержавием и с его остатками после Февральской революции. В предыдущих главах уже говорилось, что хотя зыряне и являются до сих пор непревзойденными охотниками на всей европейской территории СССР, тем не менее с давних пор отдавали предпочтение земледелию и уже в XVI — XVII вв. московские писцы застают у зырян и пермяков земледелие в качестве основы их существования и благополучия. Привязанность их к земле ничуть не меньше, чем у русских. Поэтому с переходом коми под власть Москвы первой и, может быть, самой чувствительной формой угнетения явились действия русских, связанные с притеснениями в земельном вопросе. Далеко не безразличным, как это представляется на первый взгляд, оказалось то обстоятельство, что вся земля была объявлена собственностью великого князя. До XVIII в. на этой почве как будто не происходило особых недоразумений; земля считалась государевой, но крестьяне владели ею попрежнему, даже не подозревая о всей сложности создавшихся отношений. Они ни минуты не думали отказываться от своего древнего права на землю и сумели в новых условиях оговорить это право в своеобразной юридической формуле: „земля великого государя, а моего владения". Но вот с XVIII в. правительство начинает осуществлять

---

[1] И. Сталин. „Марксизм и национальный вопрос" в сборнике „Марксизм и национальная проблема", стр. 218.

[2] При этом нужно, однако, иметь в виду землевладение местных купцов в роде Комлиных и Оплесниных, прибравших к рукам в районе Устьсысольска лучшие земли. В условиях Коми-края этих купцов можно рассматривать как помещиков.

свое право, и начинается глухая и мучительная для крестьянства борьба с правительством за землю. Для зырян земельный вопрос связан с вопросом о пользовании лесами, а Петр I издает указ, запрещающий уничтожать леса, и за самовольную порубку со свойственной ему беспощадностью назначает смертную казнь. Для большинства северного крестьянства и особенно для коми эта мера означала полный отказ от земледелия по причине господства у них подсечно-огневой системы. Не будь область коми такой необъятной, удаленной от центра и такой непроходимой в смысле путей; не обладай она лесами, тянущимися на сотни и тысячи верст, где можно незаметно расчищать огромные площади для посевов, им пришлось бы уже в то время выдержать жестокую схватку с царизмом.

К счастью, указ остался в значительной степени на бумаге. После смерти Петра он отменяется и вводится вновь лишь при Анне и Елизавете. Каждое последующее царствование то отменяло, то вновь вводило его с некоторыми изменениями. Указ о генеральном межевании 1765 г., отводивший крестьянам по 15 десятин на ревизскую душу и отбиравший всю остальную землю в казну, был еще большим покушением на мужицкое право трудового захвата незанятых земель. Дошло до того, что в 1882 г. правительство запретило вырубать лес под пашню даже на собственных крестьянских участках, отведенных им по генеральному межеванию. Крестьянство боролось против этих утеснений в той форме, в какой оно могло бороться, т. е. продолжало игнорировать закон и всячески обходить его, но эта борьба год от года становилась все труднее и труднее.

Таково было положение дел, когда совершилась Февральская революция. Свергнув самодержавие и передав власть в руки буржуазии, она оставила совершенно неразрешенными ряд важнейших задач буржуазно-демократической революции, в том числе и такую кардинальную проблему, как аграрная.

Самый февральский переворот протекал в Коми-крае так, что не внушал зырянскому крестьянству ни малейшего доверия к новой власти. Когда в Устьсысольск пришли известия о перевороте в Петрограде и об отречении царя, местный исправник, председатель земской управы и уездный земский начальник некоторое время скрывали эти известия от населения и только 7 марта решились созвать чрезвычайное собрание Устьсысольской городской думы, на котором и были оглашены телеграммы из Вологды, сообщавшие об образовании Временного комитета Государственной думы под председательством Родзянки. Городским головой был предложен собранию вопрос: признает ли городская дума власть нового правительства. Возражений не последовало, и „городская дума единогласно присоединилась к новому народному правительству“. Переворот произошел весьма мирно и не без некоторой официальной торжественности. В тот же день в помещении народного дома было назначено избирательное собрание для выборов в Устьсысольский уездный временный комитет, который и должен был принять власть в уезде,

использовав для своих целей старый чиновничий аппарат. Перед началом собрания был отслужен торжественный молебен, после чего оглашены те же самые телеграммы из Вологды, что докладывались на собрании Думы. Поспешность, с которой было созвано избирательное собрание, обнаруживает явное намерение городских верхов дать народу новую власть, прежде чем он успеет разобраться в совершившихся событиях. Население, еще не зная о перевороте в центре, должно было итти на выборы временного уездного комитета. Не удивительно, что при таких обстоятельствах на избирательном собрании присутствовало всего 322 человека, представлявшие по всей видимости чиновничьи и интеллигентские круги Устьсысольска, потому что избранными в комитет оказались сплошь чиновники в роде городского головы Суханова, воинского начальника Колпакова, секретаря городской управы Тентюкова, директора учительской семинарии Успасского и т. д. Даже группа местных эсэров сочла нужным заявить по этому поводу, что „трудовое и крестьянское населения окраинных местностей, в том числе и Устьсысольского уезда, не дало из своей среды тех лиц, которые бы могли получить достойную, соответствующую численности и экономическому преобладанию роль и назначение в строительстве новой жизни". Крестьянские нужды продолжали вершить те же самые чиновники, которые их вершили до революции и продолжали вершить, конечно, по-старому, потому что Временное правительство ни единым словом не обмолвилось относительно отмены прежних порядков пользования лесами и землями. Таким образом, новая власть с первых же дней своего существования поселила в зырянском крестьянстве величайшую тревогу за свое будущее. Крестьянство не могло успокоиться, пока не имело твердых гарантий полного и безвозвратного уничтожения прежних порядков, введенных, самодержавием, а Временное правительство этих гарантий упорно не давало. Возраставшие на этой почве противоречия могли быть разрешены только новым более радикальным переворотом. Но коми-крестьянство страдало не только от аграрных притеснений. Когда Сталин утверждает, что „национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский",[1] он не отождествляет этот крестьянский вопрос с аграрным. Крестьянский вопрос шире. Крестьянство колоний и зависимых национальностей является основной массой, на которую падает вся тяжесть империалистической эксплоатации. Оно страдает не только от феодальных пережитков, но и от империализма, и в этом основной залог союза национально-освободительного движения с пролетарской революцией. Коми-область в XX в. была колонией десятого разряда; ее и сравнивать нельзя с Туркменистаном, с Манчжурией или с Монголией. Империализм не имел здесь крупных интересов. Тем не менее вряд ли надо доказывать, что крестьянство коми страдало от империализма не меньше других.

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 104, 9-е изд., 1932 г.

Россия была страной военно-феодального империализма. Проводником империалистического угнетения здесь был прежде всего царизм, и всюду, куда проникали его полицейски-бюрократические щупальцы, массы испытывали на себе все прелести империализма в квадрате и даже кубе. „Революция против царизма сближалась таким образом и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую". [1] Далее, нельзя в этом отношении не указать на войну, цели которой были бесконечно чужды и непонятны коми-крестьянству, но издержки которой ложились на его спину тяжелым бременем. Борьба против войны, борьба с царизмом-империализмом неуклонно приближали трудовые массы коми к социалистической революции.

Однако, на пути к ней Коми-краю пришлось пережить ряд перипетий, из которых наиболее любопытна одна, сыгравшая видную роль в истории зырянской революции.

Как известно, Февральская революция со всеми чаяниями и надеждами, возлагавшимися на нее, породила сильное буржуазно-националистическое движение у всех угнетенных народов России. Период от февраля до Октября наполнен сепаратистскими выступлениями буржуазной интеллигенции малых народностей, входивших в бывшую Российскую империю. Не было ни одной сколько-нибудь заметной национальности, которая не выдвинула бы в этот период так называемого „общенационального учреждения" в роде Украинской рады, башкирского Курултая, прибалтийских „национальных советов" и т. д. Не осталась чуждой этому движению и Коми-область.

Правда, никакой рады, никакого курултая здесь не удалось создать, если не считать устьсысольской городской думы, присвоившей себе наименование „зырянской". Но патриотическое брожение в среде буржуазной интеллигенции коми несомненно было, и если это брожение не выливалось в резкие формы, то главным образом потому, что тогдашняя буржуазная коми-интеллигенция рассчитывала добиться разрешения национального вопроса мирным конституционным порядком. В этом смысле чрезвычайно характерна партийная принадлежность националистических лидеров, которые почти сплошь были эсэрами.

Эсэры в 1917 г. играли исключительно видную роль в Зырянском крае. И в Устьсысольске, и в Яренске они представляли единственную оформившуюся и сплоченную партию. По крайней мере, мы не нашли указаний о деятельности на территории Коми каких-нибудь других из существовавших тогда в России партий. Эсэры были полными хозяевами края и господствовали во всех учреждениях, во всех органах власти. Резолюции, выносившиеся этими органами за время их существования, носят чисто эсэровский характер. „Устьсысольская зырянская городская дума — гласит одна такая резолюция, — избранная всенародным голосованием, на первом своем заседании единогласно постановила

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 9.

выразить полное доверие Коалиционному Временному Правительству в лице министра-председателя Керенского и министра внутренних дел Авксентьева, приветствовать твердое решение их со всей полнотой власти вести страну на путь борьбы с внешним врагом и с внутренней разрухой на счастье свободной России“. Такие же резолюции выносились в Яренске. В обоих городах эсэры издавали газеты, развивавшие бешеную агитацию против большевиков, а когда произошел переворот 25 Октября, Устьсысольск реагировал на него характерной телеграммой в Петроград на имя Комитета спасения родины и революции. „Устьсысольская Городская Дума обновленного состава с представителями духовенства, узнав о насильственном захвате власти большевиками, об аресте состава Временного правительства и признавая, что все действия большевиков толкают Россию к кровавой гражданской войне и анархии, разрушению армии, дезорганизации тыла, выражает единогласное глубоко продуманное негодование и решимость не останавливаться в борьбе с захватчиками власти перед самыми суровыми мерами“. Столь же грозное послание было отправлено и из Яренска. На выборах в учредительное собрание яренские эсэры без труда проводят своего кандидата, известного Питирима Сорокина, бывшего зырянином по происхождению.

Эсэры и после Октября долгое время продолжали оставаться господствующей партией в крае и, не признавая большевистской власти, держали Яренск и Устьсысольск на положении каких-то независимых республик. В то время как в Петрограде и в Москве массы прогоняли с трибун эсэровских ораторов, в Яренске на собраниях лишали слова большевиков. Так, на крестьянском съезде в марте 1918 г. один оратор, назвавший Церетели прихвостнем буржуазии, лишен был слова „за искажение фактов“. В высшей степени оригинально была встречена в Яренске годовщина Февральской революции, празднование которой решено было начать богослужением. „Во всех церквах уезда отслужить торжественные литургии и панихиды в память павших борцов в правой борьбе за низвержение царского самодержавия со всеми его преступным последствиями и молебны за укрепление и утверждение революционных завоеваний с провозглашением многолетия тем борцам, которые до сих пор еще твердо и стойко борются со всенародными врагами демократических лозунгов: „свободы, равенства, братства, земли и воли“.

Оставаясь в течение всего 1917 и первой половины 1918 г. господствующей партией в крае, эсэры возглавляют буржуазно-националистическое движение, придав ему тот несколько странный характер, которым оно отличалось в Коми-области. Странность заключалась в том, что эсэры, как видно из приведенных цитат, всеми силами поддерживали Временное правительство, политика которого в национальном вопросе нисколько не отступала от принципов самодержавия и не могла внушать малым народам ни малейшего доверия к новой власти. Зырянские эсэры, тем не менее, будучи националистами, как показал послеоктябрь-

ский период их деятельности, больше всего заботились о том, чтобы не подчеркивать своего национализма, а итти целиком в русле политики Временного правительства. Это им удавалось как нельзя лучше, и мы не можем привести ни одного случая, когда бы ими была допущена какая-нибудь „бестактность“ в национальном вопросе. Даже „Общество обновления местной жизни“, образовавшееся в Устьсысольске в апреле 1917 г. и возглавляемое эсэрами А. М. Мартюшевым, В. Ф. Поповым и А. Н. Вешняковым, держало себя таким образом, что не давало ни малейших поводов заподозрить его в националистических тенденциях. Не зарекомендуй себя впоследствии названные лица в качестве ревностных поборников зырянской автономии, мы бы не имели оснований и предполагать таковые тенденции у общества, потому что деятельность его сводилась главным образом к антибольшевистской пропаганде через свою газету. Только в самом начале 1918 г. в Яренске образуется общество „Коми-Котыр“, в уставе которого появился параграф, говоривший о необходимости автономии для коми, [1] а в Устьсысольске появляется какая-то „Партия зырянской автономии“, сумевшая даже провести двух своих представителей на второй уездный съезд советов в июле 1918 г. Но это было после Октябрьского переворота: в период же керенщины буржуазно-националистическое движение заботилось о том, чтобы как можно меньше походить на националистическое движение. Объяснение подобной тактики может быть одно: эсэры и стоявшие за ними буржуазные круги не подчеркивали в этот момент вопроса об автономии, боясь революционного разрешения его самими массами. В этом сказалась борьба двух путей национально-освободительного движения. Буржуазия не хотела революции; всякий иной путь к освобождению, помимо реформы, противоречил ее нутру. Она мечтала получить автономию из рук верховной власти после победоносного завершения войны с Германией и выступала в своем родном крае как черносотенная реакционная сила, проводившая, по существу, угнетательскую великодержавную политику Временного правительства.

Этой буржуазной платформой, однако, можно было пленить кого угодно, только не трудовые массы коми. Февраль пробудил в них надежду на освобождение, но самого освобождения не дал; последующие восемь месяцев медленно убивали и самую надежду. Временное правительство явно вело империалистическую политику и с каждым днем своего существования внедряло в сознание малых народов твердое убеждение, что путь к их национальному освобождению лежит только через борьбу с русским империализмом. Массы начинали усваивать ту истину, что „без свержения буржуазии и победы революции национальный вопрос не может быть разрешен сколько-нибудь удовлетворительно“.[2] И они восстали. Но, поддерживая совершив-

---

[1] „Коми-му“, 1924 г., № 3, стр. 2.
[2] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 106.

шийся в центре социалистический переворот, рабочие и крестьяне окраин не могли не вступить в борьбу со своей контрреволюционной буржуазией и местной интеллигенцией, возглавлявшей буржуазно-националистическое движение. Встречная волна революции с окраин, означавшая не только борьбу с великорусским угнетением, но и внутринациональную классовую борьбу, характерна для коми в неменьшей степени, чем для других национальностей бывшей России. Как видно будет из дальнейшего, борьба зырянской бедноты и рабочих с собственной буржуазией началась почти на другой же день после Октябрьского переворота, но националистическая эсэровская верхушка была убрана не сразу и делала политику в области вплоть до середины 1918 г. Удалось эсэрам так долго фигурировать на политической арене благодаря в высшей степени любопытному маневру. Когда Временное правительство пало и все попытки реставрации буржуазного режима, выразившиеся в походах Керенского, Краснова, Каледина и Корнилова, были биты, когда советы окончательно завоевали симпатии широких масс, как органы власти трудящихся, зырянские националисты решили приспособиться к советам и сделать их формой коми-автономии. Популярные в массах советы представлялись весьма действительным средством осуществления автономии, и буржуазная интеллигенция устремилась на завоевание советов с намерением целиком подчинить их своему влиянию.

Надо сказать, что советы в Коми-области стали появляться с большим запозданием. Только в Яренске 30 мая 1917 г. был созван съезд крестьянских депутатов уезда, именовавший себя в некоторых резолюциях „Советом крестьянских депутатов“, да „Союз рабочих и служащих г. Яренска“, появившийся в июле 1917 г. и слившийся с одновременно возникшим „Советом солдатских депутатов“, образовал „Совет солдатских и рабочих депутатов“. Но по тем немногим сведениям, что имеются об этом совете, он выглядел не органом власти, а скорее профессиональным союзом; недаром одна из секций Совета возникла первоначально как „Союз рабочих и служащих“. Из журнала заседаний Совета от 26 июля видно, что важнейшей своей задачей Совет считал: „1) Стоять на страже страны завоеванной свободы и революции. Всеми силами поддерживать Временное правительство. 2) Стоять на защите солдат и их семейств. 3) Строго следить за всеми солдатами, всех, не имеющих отпускных документов, задерживать и как дезертиров направлять в распоряжение воинского начальника“. Это была пародия на совет. Настоящие советы стали возникать только после Октябрьской революции, и здесь прежде всего следует назвать устьсысольский городской совет, образовавшийся в конце декабря 1917 г., и затем уездный устьсысольский совет, учредительный съезд которого собрался 17 января 1918 г. Возникнув на 8—10 месяцев позднее, чем в центре, советы Коми-области отличались первое время теми же особенностями, что и столичные советы в начальный дооктябрьский период их деятельности —

в них господствовала мелкобуржуазная стихия, и руководство ими находилось целиком в руках эсэров. Местная буржуазно-националистическая интеллигенция в лице эсэров решила сделать советы своими и круто повернула руль, перейдя от борьбы с советской системой, которой они противопоставляли Временное правительство и Учредительное собрание, к признанию советов единственно правильной и законной властью. В этом и заключался маневр, позволивший эсэрам продержаться у власти до середины 1918 г.

Собравшийся 17 января 1918 г. учредительный съезд совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Устьсысольского уезда представлял в этом отношении весьма интересную картину. Председателем съезда оказался избранным известный нам эсэр А. М. Мартюшев, впоследствии председатель уисполкома, а товарищем председателя—Д. Я. Попов, по партийной принадлежности тожс эсэр, но по общему складу мыслей, выраженных в его речах,—человек скорее кадетского толка. Выступления этого зырянского Милюкова были самыми яркими и по существу определили всю физиономию съезда. Устами Попова местная буржуазия констатировала крах своих прежних иллюзий, признала полную потерю авторитета со стороны прежней власти и представлявших ее органов на территории коми—в лице земских и городских самоуправлений и провозгласила единственно возможной в данных условиях властью—власть советов. „Я настаиваю—говорил Попов—на необходимости создания верховной власти для края, выражающей волю народа, власти беспартийной, которая будет носить название Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов". Его слова имели особое значение в виду того, что уездное земское собрание, очередная сессия которого происходила в это время в Устьсысольске, присутствовало в полном составе на съезде советов, являя этим как бы наглядную иллюстрацию своего банкротства и новую политическую ориентацию местной буржуазии на советы. Земское собрание без всяких колебаний признало верховную власть уездного совета и прекратило свое существование. С этих же пор прекратила существование и земская управа, возглавлявшаяся знаменитым С. О. Латкиным, будущим предводителем белогвардейских банд. Между прочим Латкин, будучи председателем управы, вел настолько интересную политику, что об этом следует сказать несколько слов. Опираясь на постановление чрезвычайного земского собрания в Октябре 1917 г., вынесшего решение не входить в сношения с большевиками и противодействовать их распоряжениям, Латкин задумал совершенно изолировать Устьсысольск и уезд от внешнего мира, с каковою целью сжигал все получаемые газеты, скрывал от населения телеграммы и распоряжения центральной власти. Так, он скрыл все декреты Совнаркома и в том числе декрет о земле. Бедный зырянский край, заброшенный в глухих болотах, не трудно было держать в неведении относительно совершившихся событий в продолжение нескольких месяцев. Одновременно

с этим Латкин вступает в открытую борьбу с образовавшимся городским устьсысольским Советом рабочих и солдатских депутатов, противопоставляя его распоряжениям свою власть, как председателя управы. Купеческие магазины и лавки, запечатанные Советом, он вновь распечатал и разрешил свободную торговлю. Образовалось какое-то двоевластие, продолжавшееся до описываемого Учредительного уездного съезда советов, когда само земское собрание, присутствовавшее на съезде, голосовало за резолюцию, объявлявшую Совет верховной властью в уезде.

„Принимая во внимание—гласила резолюция,—что население Устьсысольского уезда за последнее время под влиянием происходящих политических событий и продовольственной разрухи настроено крайне нервно и тревожно и были случаи, нарушающие нормальное течение жизни, учреждения же, ведающие дела уезда, оказались недостаточно авторитетными и деятельными, признается необходимым создать единую верховную власть уезда, сосредоточивающую в своих руках всю ее полноту, направляющую и контролирующую деятельность всех учреждений города и уезда".

Но местные националисты не для того проникали в Совет, чтобы проводить там принципы, провозглашенные Октябрем. Их целью было не сотрудничество с трудовыми массами России, а отделение от России, превращение Коми в буржуазно-демократическую республику. В этом смысле чрезвычайно характерна та поправка к приведенной резолюции, которая была принята съездом по предложению Д. Я. Попова. Эта поправка обязывала Совет „считаться с центральной властью постольку, поскольку распоряжения ее клонятся ко благу местного населения", а согласно другой резолюции, определявшей функции Совета, он (совет) „просматривает законы, декреты и распоряжения Центрального правительства и с изменениями и дополнениями, применительно к местным условиям Устьсысольского края, проводит их в жизнь". Этими поправками уезд объявлялся, по существу, совершенно независимым в отношении центра, и недаром Д. Я. Попов на том же учредительном съезде выступил с большой речью о создании особой Зырянской автономной единицы.

То, чего не удалось получить от всяческих „свобод" Временного правительства, казалось близким к осуществлению при советской власти.

Абсолютное преобладание к Коми-крае крестьянского населения, почти полное отсутствие рабочего класса, значительная удаленность края от пролетарских центров России, влияние которых распространялось на Коми-область с большим запозданием—суть причины, благоприятствовавшие деятельности буржуазных националистов.

Их планы особенно обнаружились на следующем съезде, собравшемся 23 марта 1918 г., где вполне откровенно заявлялось о необходимости торопиться с образованием автономии, дабы последующий ход событий не принес в этом смысле ка-

ких-либо неприятных осложнений. „Не надо упускать благоприятного времени для создания автономии – говорил Попов,— когда Россия придет в устойчивое положение, будет уже поздно и придется жить по чужим законам. Если не будет автономии, то все богатства зырян уплывут по распоряжению центральной власти, и зыряне не получат ничего. Обсудите серьезно этот вопрос, чтобы потом не упрекать инициат ров в обмане". Это выступление, повидимому, выражало настроение наиболее контрреволюционных слоев буржуазии, требовавших быстрых и решительных шагов на пути к отделению от России. Оно нашло горячий отклик со стороны некоторой части съезда, но другая часть, возглавляемая Мартюшевым, Вешняковым и Петроканским, призывала к большой осторожности в этом вопросе. Их позиция была одобрена большинством съезда и вынесенная по этому поводу резолюция составлена в весьма умеренных выражениях. Она призывает народ „стремиться к созданию Зырянской автономной единицы и поручить Исполнительному комитету работать в этом направлении; в настоящее же время руководствоваться резолюцией Совета от 18 января: Совет просматривает законы, декреты и распоряжения центрального правительства и с изменениями и дополнениями, применительно к местным условиям Устьсысольского края, проводит их в жизнь". В столь же сравнительно скромных выражениях была составлена и телеграмма, отправленная съездом Архангельскому областному съезду. „По вопросу автономии зырян—гласила телеграмма—желательно: 1) выделить в особую автономную единицу зырян по этнографическим границам с правом законодательства, кроме армии, внешних сношений, почты и монеты; 2) передача народного достояния, кроме земельных недр, зырянскому народу, при уплате государству пошлин по содержанию общих учреждений государства" и т. д. Как ни странно, но эти первые ясно сформулированные требования автономии до сих пор многими понимаются как первые шаги на пути к образованию существующей ныне Автономной области Коми.

Почти ни один юбилей автономии не обходится без того, чтобы в печати не упоминали в самых теплых выражениях и речи Попова и все постановления первых съездов, так или иначе связанные с вопросом о независимости, не усматривая никакой разницы между характером тогдашней автономии и тех принципов, на которых зиждится современная автономия Коми. Между тем, материалы съезда дают достаточно ясное представление о платформе националистов типа Попова, и эта платформа выглядит как откровенно буржуазная. Требование передачи естественных богатств области в руки зырянского народа (с этим требованием приходится неоднократно встречаться и в дальнейшем) означало в переводе на простой язык—предоставление права эксплоатации этих богатств исключительно местной буржуазии. Это требование вовсе не означало того распоряжения богатствами со стороны трудящихся, которое имеет

место в области сейчас: то было требование, имевшее целью создание своей собственной экономики, независимой и отличной от экономики России, в которой не было ни одного момента, стеснявшего и ограничивавшего частно-капиталистическую инициативу, все контуры которой говорили, напротив, о чисто капиталистическом ее характере. Если вслушаться в речи, произносившиеся на съездах, особенно в речи Попова, то станет до очевидности ясным, что основные моменты этой будущей экономики укладываются в план В. Н. Латкина. Повидимому в этом плане, явившемся утопией для 40-х годов, были талантливо предвосхищены все чаяния грядущей коми-буржуазии. Прежде всего, характерно стремление связать экономически Сибирь с Коми-областью. Заседания 24 и 28 марта, почти целиком посвященные обсуждению проектов грандиозного железнодорожного строительства в крае (любопытно это прожектерство в условиях небывалой разрухи и голода), намечают прежде всего огромные по своему протяжению линии Обь—Беломорскую и Обь—Котласскую, причем Обь—Котласская дорога даже по своему направлению приближалась к проекту водного пути Латкина, следуя от Котла а на Устьсысольск—Сторожевск—Помоздино-Троицко-Печорское и далее по Ылычу на Иогра Ляг и затем через перевал на Обь. Обь явилась какой-то заветной мечтой заправил съезда, совершенно упустивших из виду, что она лежит далеко за пределами этнографических границ Коми-края. Одна эта схема путей выдает лучше всяких деклараций буржуазный характер экономической платформы тогдашних националистов; когда же Попов, развивая преимущества Зырянской автономной единицы перед Швейцарией, указывает на возможность для зырян постройки своего порта для выхода в море и непосредственной связи с мировым рынком, то здесь уже не остается никаких сомнений в том, что устами этого лидера говорили капиталистические круги Коми. „У нас 14 млн. десятин лесной площади—говорил Попов.—Ежегодно можно получать от богатств края, по моему подсчету, не менее 24 млн. рублей. На эти деньги мы можем строить железные дороги, открывать учебные заведения, выпускать свои займы“. Здесь как-будто ни звуком не упоминается о буржуазном характере будущей экономической системы. Но разве произносить в то время подобные речи, ни словом не солидаризируясь с изданными декретами советской власти о национализации частно-капиталистических предприятий, о государственном управлении промышленностью, о государственной монополии внешней торговли и т. д. не значило рисовать будущую зырянскую автономию в виде типично-капиталистической страны? Больше того, та конъюнктура, которую он начертал, с несомненностью предполагала включение Коми-области в мировую капиталистическую систему. Когда Попов говорил об огромных богатствах Коми в виде леса и всякого рода сырьевых ресурсов, и когда он, в то же время, заботился о выходе в море, о постройке порта для внешней торговли, то не трудно

понять, каким образом мыслилась реализация этих природных богатств. Для Попова, как и для остальных националистов, не было секретом, что разработка естественных богатств области не может быть выполнена местными капиталами—по причине их слабости, что для этой разработки должен быть привлечен какой-то капитал извне. Повидимому, эта помощь извне ожидалась не от социалистической России, а от капиталистического запада. Не может быть сомнений в том, что если буржуазно-националистические лидеры не договаривали до конца своих мыслей, то это нисколько не означало, что и схема, развивавшаяся ими, не была продумана до конца. Конечно, эта схема предусматривала и привлечение иностранного капитала, и сопутствующую ему политическую связь с западно-европейскими странами, и если она не предусматривала могущую последовать за этим колониальную зависимость коми от международного империализма, то это свидетельствует только о «широте» политической мысли деятелей в роде Попова. Утаивание отдельных звеньев этой платформы, нежелание развивать ее до конца объясняется исключительно осторожностью политики националистов в отношении масс.—Крепнувшее с каждым днем и с каждым днем революционизировавшееся массовое движение до такой степени определяло поведение националистов, что тому же Попову на мартовском съезде пришлось начать речь с информации о событиях в центре и с приветственных слов по адресу центральной власти, продолжающей, несмотря на все трудности и сопротивления мировой буржуазии, вести страну по пути строительства социализма. Можно ли было при таких условиях давать широкую развернутую программу национально-буржуазного возрождения Коми?

Гораздо более откровенны были националисты в своей практической политике. Проникнув в советы, подчинив их своему руководству и прикрываясь этой специфической формой власти трудящихся, они вели тем не менее чисто буржуазную политику. Взять хотя бы мелкие факты. На мартовском съезде по предложению руководящей верхушки было принято решение освободить из тюрьмы двух злейших контрреволюционеров, А. В. Старцева и С. О. Латкина. Первый был арестован за то, что, желая сорвать съезд, послал по волостям бумагу с извещением, будто советской власти в Петрограде уже не существует, а потому и уездный устьсысольский съезд не состоится, второй—за систематическое противодействие распоряжениям Совета. Эти два лица, достойные самой суровой революционной кары, были преступно выпущены из заключения, за каковой шаг националистов впоследствии жестоко поплатились трудящиеся коми, когда Латкин, вернувшись в родной край во главе белых отрядов, вписал в историю коми одну из самых кровавых страниц. Не менее либерально и с чисто джентльменским благородством обошелся съезд с местными купцами. Когда по требованию председателя управы и представителей от Нючпасских рабочих решено было „произвести экс-

проприацию у экспроприаторов хлеба и денег" и с этой целью предложить устьсысольским купцам поступиться в пользу общества некоторыми суммами, купцы наотрез отказались. Им пригрозили тюрьмой. Тогда купцы сделали небольшую подачку в несколько тысяч, и съезд постановил освободить их от ареста. Между тем для всех было ясно, что выложенная сумма представляет лишь ничтожную часть того, что могут дать купцы. По заявлению П. Н. Елкина, „купец Оплеснин в один миг получил 45 тыс. рублей за проданный лес, а купец Комлин говорил: „сожгу, а им, босякам, не дам". У съезда не было недостатка, в данном случае, в революционных образцах для подражания. Один из делегатов рассказал съезду, как на его родине в Уфимской губернии было поступлено с богачами. „Им было предложено внести деньги на покупку хлеба, для чего совет дал им срок 30 минут. Купцы внесли только 40 тысяч; и им дали срок еще 15 минут, тогда они добавили еще 16 тысяч, а когда им в третий раз предложили это же и они не принесли ничего, то были посажены в тюрьму и в конце концов внесли $1^1/_2$ млн. рублей". Устьсысольский съезд обошелся со своей буржуазией несравненно мягче, тогда как положение в уезде обязывало к совершенно обратному образу действий. Продовольственная проблема всегда в Коми-крае стояла острей, чем где бы то ни было; в дореволюционное время нередко можно было наблюдать в районе Устьсысольска огромные участки соснового леса, с которого была содрана кора. Это означало, что хлеба нет, что в деревнях голод и что сосновая кора составляет единственную пищу населения. Такие годы были очень часты. Когда же к неурожаям, происходившим вследствие заморозков, присоединялась такая разруха и такое расстройство всей экономики, какое было в 1918 г., то призрак самого лютого голода вставал во весь рост. На съезде сообщалось, что голод уже охватил некоторые районы. При таких условиях мобилизация средств должна была производиться сурово, непреклонно, и либерализм, проявленный в отношении устьсысольских купцов, граничил с прямой изменой народу.

Но где особенно ярко сказалась буржуазная политика тогдашней верхушки совета и уисполкома, так это в аграрном вопросе. Здесь нельзя не рассказать о случае 13 июля 1918 г., имевшем довольно крупное значение в истории коми революционного периода. Несмотря на декрет о земле, выпущенный, как известно, в первые же дни после Октябрьской революции, в Устьсысольском уезде, недалеко от самого города, уцелело каким-то чудом вплоть до лета 1918 г. помещичье имение. Очевидно уисполком, руководствовавшийся резолюцией январского съезда, рекомендовавшей проводить в жизнь декреты правительства лишь постольку, поскольку они не противоречат местным условиям, счел национализацию земли неприменимой для своего уезда. Но пригородные крестьяне нашли этот декрет для себя вполне подходящим и, не видя

со стороны властей никаких шагов, направленных к ликвидации поместья, отправились сами в „Човью“ (так называлось имение) и проделали в миниатюре то, что проделало крестьянство по всей бывшей империи. Вооруженная дубинами и ружьями толпа явилась 13 июня в „Човью“, избила зятя хозяйки имения и потребовала, чтобы все обитатели „Човью“, покинули его не позднее 9 час. утра следующего дня. Когда об этом происшествии узнали в городе, председатель уисполкома А. Мартюшев и его товарищ А. Ф. Богданов решили командировать в „Човью“ члена исполкома А. А. Чеусова и начальника милиции Евтушенко во главе отряда милиционеров. Явившись в имение, представители власти прежде всего арестовали пятерых участников нападения на усадьбу, а затем галантно предложили помещице со всем семейством переехать в город под их собственной охраной. Для защиты же имения оставили вооруженного милиционера. После этого шага политическая физиономия людей, стоящих у кормила власти, стала понятной и ясной даже для той забитой, темной и неискушенной в политике массы, какой было в то время зырянское крестьянство. С этих пор судьба националистической верхушки совета была решена. Не успели арестованные в „Човью“ крестьяне прибыть под конвоем в город, как большая толпа около 300 человек подошла к управлению городской милиции и потребовала к себе председателя исполкома и начальника милиции. Ни того, ни другого не оказалось. Тогда толпа освободила арестованных и разоружила милицию. Не довольствуясь этим, она выделила шесть человек, отправила их в „Човью“, чтобы снять оставленного там для охраны милиционера. Эта попытка кончилась весьма трагично. Милиционер открыл огонь и один из отправившихся был убит, а остальные разбежались. В городе создалась тревожная и напряженная атмосфера: все понимали крупный политический смысл разыгравшегося эпизода. Стало совершенно очевидным, что классовая борьба в Зырянском крае от отдельных вспышек начинает переходить к острым формам, к бурным проявлениям. Параллельно этому массовому движению шел процесс диференциации и наверху; стали резко обозначаться политические группировки.

Если на предыдущих съездах никакой особенной борьбы партий не замечалось, отсутствовали фракции, отсутствовали сколько-нибудь яркие платформы и декларации, что создавало впечатление сравнительной политической однородности этих съездов, то теперь внутри самого советского аппарата, в противовес его эсэровской буржуазно-националистической верхушке, стала выделяться революционная группа, более тесно связанная с массами. В той самой толпе, которая явилась разоружить милицию и освобождать арестованных, присутствовали председатель горсовета В. П. Осипов, председатель земельной секции К. Ф. Кудинов, член земельной коллегии В. И. Сорвачев и многие другие видные работники. Кудинов был в числе шести человек, отправившихся в „Човью“, и был убит. Исполком же,

верный своей прежней линии, приказал арестовать Осипова, Сорвачева и Молодцова, как главарей „вооруженных выступлений анархической толпы“.

В эти дни исключительно важную роль сыграл в жизни Устьсысольска и всего Коми-края военный комиссар архангельской красной армии т. Ларионов. В его лице трудящиеся коми нашли как бы представительство ро сийского пролетариата — своего союзника и вождя в революции. Он был отправлен по постановлению архангельского губкома в Устьцыльму во главе отряда красноармейцев для установления там советской власти и попутно остановился в Устьсысольске. Ему пришлось уговаривать толпу, явившуюся к зданию милиции, сдать оружие, отобранное у милиционеров; ему же контрреволюционный исполком поручил арестовать Осипова, Сорвачева и других. Но, быстро разобравшись в обстановке, Ларионов взял совершенно иную линию. Когда 15 июня открылось чрезвычайное собрание Устьсысольского городского совета, на котором он был единогласно избран председателем, он поставил присутствовавшему на собрании составу уездного исполкома ряд вопросов, прямо направленных на разоблачение его контрреволюционной деятельности. Он спрашивал: „почему травят союз военнослужащих, почему допускают существование союза духовенства и мирян“, почему до сих пор не разоружена буржуазия и бывшее офицерство, почему уездный исполком, если находит анархическими действия некоторых граждан 7-й и 8-й десят, не борется с ними путем устройства митингов, почему не принято до сих пор духовное училище, почему хотели арестовать т. Адрианова и не пустили его статьи в местной газете, почему вышел из состава исполкома т. Розанов, почему до сих пор не национализировали типографию Следникова, почему арестован в марте месяце местный солдат-большевик, почему не освещаются события“ и т. д. П сле неудовлетворительных разъяснений Мартюшева, откровенно назвавшего себя представителем правого крыла президиума исполкома, собрание вынесло резолюцию, в которой выражало недоверие президиуму исполкома, постановило реорганизовать его, назначить строгое расследование о его действиях и, если найдутся виновные, предать их суду Ревтрибунала. Мартюшев поспешил заявить о своем желании добровольно уйти с поста, ссылаясь на нездоровье; то же сделал член президиума Кононов, присовокупив к своему заявлению об уходе просьбу не сажать его в тюрьму. Мартюшев, Кононов, Чеусов и Евтушенко были таким образом удалены из состава уисполкома.

Этот июньский переворот в Устьсысольске знаменует целый этап развития революции в Коми-области; он знаменует победу трудовых масс над буржуазно националистическим движением. Правда, удар, нанесенный националистам июньскими событиями, не был окончательным; месяц спустя, на II уездном съезде советов, им удалось взять реванш и блеснуть еще раз, но уже теперь стало очевидно, что кулацкая плотина, ставившая пре-

грады успешному развитию социалистической революции в крае, разрушается и падает.

Как упоминалось выше, кулацкая идеология считает социалистическую революцию в „Зырляндии" искусственной, принесенной извне; местные предпосылки ее отрицаются. Однако, достаточно внимательнее присмотреться к тем немногим данным, что имеются в печати о революции в Коми-области, чтобы роль „местных дрожжей" проступила с несомненной ясностью. В то время как весь мир следил за грандиозной борьбой красных армий с наседающим врагом на Украине, в Сибири и под Петроградом,—в глухих зырянских лесах, никем не замечаемая, шла борьба; по лютости своей превосходившая все средневековые жакерии. Даже архангельские белогвардейцы, организаторы Мудьюга и Иоканги, люди бывалые и привычные к зверствам, были охвачены ужасом, когда, проезжая через Печору, оказались свидетелями этой борьбы. По словам генерала Марушевского, „все, что происходило в эту эпоху в районах верховьев Печоры, далеко превосходит самые фантастические романы". [1] Экспедиция, посланная белыми в 1919 г. из Архангельска в Сибирь для установления связи с армией Колчака, наблюдала в Коми-крае поразительную картину. „В этих глухих местах между Усть Цыльмой и примерно Чердынью— пишет Марушевский — революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Участники экспедиции видели проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды... Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый — было почти невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались „каждая против каждой", являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае". [2] Разумеется, мы не можем принять той вольной интерпретации, в которой Марушевский передает эти факты. Ни о какой каннибальской „борьбе по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками" не может быть и речи. Классовый смысл этой борьбы, борьбы зырянской бедноты с кулачеством—для нас совершенно очевиден. Рассказ Марушевского интересен именно тем, что выдвигает на первый план роль местных сил в гражданской войне и тех необычайно острых форм, в которые выливались здесь столкновения классов.

Социалистическая революция в Коми-области началась немногим позднее центра. Уже на земском съезде в январе 1918 г. можно было наблюдать паническое настроение буржуазных депутатов, вызванное нарастающей революцией в крае. „Пусть

---

[1] В. В. Марушевский. Белые в Архангельске, стр. 173—174.
[2] Там же.

народы отделяются и сами устанавливают свое правление— говорил один из земцев—но разделение государства сопряглось с анархией, которая катится по всем уголкам России и дошла до нашего уезда. За последнее время были гнусные явления в нашем уезде. Темные массы народа затеяли вражду между населением и нарушают всякое спокойствие в уезде, чего ранее у нас не замечалось. Для чего это делается, мне совершенно непонятно. И я думаю, что те люди, которые делают смуту, сами не понимают, для чего это делают. Теперь, кажется, нет ни одной волости, где бы не была нарушена мирная жизнь, что приходится констатировать,—по постановлениям волостных земских собраний и сельских приговоров. Когда будет конец всему этому и наступит отрезвление, никто из нас сказать не может". Без сомнения, смута, о которой здесь идет речь, означала начинающуюся социалистическую революцию в деревне— борьбу бедняцких слоев с кулачеством. Других причин для смут в зырянской деревне в тот момент не было. Эта классовая борьба в деревне шла, разумеется, в течение всего периода пребывания у власти буржуазно-националистических лидеров, но не приобрела еще того широкого размаха, каким она отличалась впоследствии.

Впрочем и в этот период страсти разгорались подчас настолько, что в некоторых селениях дело доходило до настоящих боев между беднотой и кулачеством. Особенно накаленная атмосфера создалась на Сысоле, в самом хлебном районе, где таких схваток зарегистрировано больше всего. Переворот 13—15 июня окончательно развязал стихию классовой борьбы в деревне, а появление декрета о комбедах обострило ее до последней степени.

Появление декрета о комбедах обнаружило, что прежний буржуазный кулацкий исполком все еще находит опору в известных слоях населения и готов продолжать борьбу. Это совершенно ясно выявилось на II уездном съезде советов (10 июля 1918 г.), где обсуждался декрет о комбедах. Члены старого исполкома повели на съезде усиленную агитацию против декрета и после жарких прений съезд отверг его, „боясь вызвать классовую борьбу в деревне". Съезд решил ограничиться лишь сформированием продовольственных отрядов с целью отправки их на Сысолу для реквизиции излишков хлеба у богатых и переброски его в голодающие районы. Несмотря на растущую активность бедноты, съезд оказался в значительной степени кулацким. Как бы желая еще более подчеркнуть свое лицо, он осудил июньское выступление масс против исполкома, одобрил деятельность исполкома, восстановил его в правах и всех прежних его членов, за исключением Мартюшева, избрал в состав исполкома. Произошла реставрация, и революционным элементам надо было вновь устраивать переворот. На этот раз, однако, переворот был проделан более спокойно и с несравненно большим эффектом. Ряд лиц, как-то: Кононов, Королев, Рочев, Богданов, являвшиеся инициаторами антикомбедовского выступления на съезде, были выведены вскоре из состава исполкома и преданы суду

ревтрибунала по постановлению местной ЧК, начавшей к тому времени свою работу. Комбедовское движение нашло в лице ЧК мощную поддержку. Активной борьбе кулачества с беднотой и с советской властью был противопоставлен отныне красный террор. „По постановлению Устьсысольской Уездной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем — значится в одном из номеров газеты „Зырянская жизнь“ — за активное выступление за открытую агитацию и пропаганду против Советской Власти и как руководители разгона Гарьинского волостного Совета, граждане Гарьинской волости: Афанасий Васильевич и Егор Григорьевич Чудовы присуждены к расстрелу. Постановление приведено в исполнение немедленно“. Не малую роль в борьбе с кулачеством сыграла и знаменитая экспедиция Мандельбаума на Печору.

Это было в начале сентября 1918 г., когда в Архангельске уже высадились „союзники“ и когда белогвардейские банды стали формироваться по всему дальнему Северу. Для защиты Печоры от белогвардейцев был послан из Котласа небольшой вооруженный отряд латышей в количестве 10 человек под начальством бывшего пленного австрийского офицера-большевика Мандельбаума. Этот отряд, громко именовавшийся „Корпусом советской охраны“, прибыл в первых числах сентября в Устьсысольск и тут к нему присоединилось 50 человек местных добровольцев. С этим то „корпусом“ Мандельбаум выступил 8 сентября из Устьсысольска и на небольшом буксирном пароходе „Доброжелатель“ поплыл вверх по Вычегде. Свою основную военную задачу отряд Мандельбаума выполнил вполне удовлетворительно. С помощью подкрепления из Чердыни, он очистил от белогвардейцев всю Печору от верховьев до самого устья.

Только уже в следующем 1919 г., под напором превосходных белогвардейских сил, ему пришлось уйти с Печоры. Но нас, в данном случае, интересуют не столько эти его военные операции, сколько та борьба с кулачеством, которую ему пришлось вести попутно, по мере своего продвижения на Печору. Пароход „Доброжелатель“ останавливался в каждом местечке, в каждом селении, и всюду беднота встречала со стороны отряда самую активную поддержку в ее борьбе с деревенской буржуазией. Там, где проходил отряд, контрреволюционные силы терпели жестокий разгром. Эпизод в с. Керчемье, описанный одним из участников экспедиции, может дать в этом отношении наглядное представление. Когда отряд находился в Устькуломе, „было получено известие, что в с. Керчемье предательски убит секретарь комячейки А. П. Гичев. Устьсысольский уисполком по телеграфу просил экстренно расследовать это дело и принять самые строгие меры. Под вечер того же дня наш пароход остановился у села Керчемьи. Тотчас же в село были введены патрули. Мы явились в помещение местной ЧК (в Керчемье была организована волостная чрезвычайная комиссия), где были встречены председателем ЧК Дмитр. М. Ваддоровым. Он изложил нам все подробности происшествия; убийца однако обнаружен не был.

По подозрению было задержано около 20 человек. Один из арестованных убежал и, пользуясь темнотой, скрылся (он и был, как оказалось впоследствии, убийца). Убийцу никто не выдавал, хотя многие несомненно знали его, так что с полным основанием можно было предполагать наличность террористической организации. Нам ничего более не оставалось, как прибегнуть к красному террору. Трое подозрительных из числа допрошенных, которые стояли в оппозиции к молодой советской власти и принимали участие в кулацком терроре, были расстреляны". [1] Таких эпизодов было, вероятно, не мало.

В ряде воспоминаний участников гражданской войны на Севере личность Мандельбаума расценивается весьма отрицательно.

Ему приписывается и нечистоплотность в денежных делах, и склока с начальниками других красных отрядов, действовавших на Печоре, и наконец крутое обращение с населением Печоры, приведшее якобы к озлоблению печерян против советской власти. По словам „наркома по ревизии" М. С. Кедрова, „этот Мандельбаум своими жестокими и преступными действиями восстановил против советской власти печорское население, которое даже в 1923 г., в бытность мою на Печоре, с ужасом и ненавистью вспоминало о нем". [2] Не более лестную характеристику дает Мандельбауму и начальник штаба VI армии т. А. Самойло в своем еще не напечатанном труде „Гражданская война на северном (Беломорском) фронте". [3] Несмотря, однако, на эти отрицательные отзывы, мы полагаем, что в ходе разгоревшейся классовой борьбы в Коми-области Печорская экспедиция объективно сыграла революционную роль. Возможно, что Мандельбаум был в самом деле человек не вполне подходящий для вверенного ему дела, и что в кулацкой легенде, созданной вокруг его имени, есть и правдоподобные штрихи, но что в общем его деятельность отличалась сугубо классовым характером, в этом вряд ли можно сомневаться. Есть основания думать, что вопли потрепанных Мандельбаумом кулаков т. Кедров принял за вопли всего населения. А кулакам, действительно, было от чего вопить. Весь маршрут экспедиции был отмечен беспощадными реквизициями их имущества. Когда Мандельбаум отступал под напором белых через Помоздино, за ним шло множество подвод, нагруженных великолепными малицами, совиками, пимами, шелковыми и бархатными одеждами, швейными машинами, граммофонами, никелевыми самоварами и прочими предметами роскоши и „цивилизации", проникшими в этот почти первобытный край. [4] Нет нужды доказывать, что это имущество не могло быть отобрано у бедняков или у среднего крестьянства.

Печорская экспедиция сыграла большую роль в деле укрепления советской власти в Коми-крае, и недаром у кулаков по Вычегде и по Печоре остались о ней прочные воспоминания.

---

[1] См. Цембер. Указанные статьи.
[2] М. С. Кедров. За советский Север.
[3] Рукопись, отпечатанная на машинке, хранится в Северном Краев. Истпарте.
[4] Воспоминания Трубачева. Северный Краев. Испарт. Архив.

Но без сомнения самую видную роль в развитии социалистической революции в Коми-деревне сыграла местная коммунистическая партия.

Согласно материалам, опубликованным А. Цембером, начало коммунистической организации в Коми-области следует датировать 15 июня 1918 г. В этот день в Устьсысольске произошло первое организационное собрание будущей большевистской партии коми Инициатором выступил известный нам комиссар Ларионов, сделавший на собрании доклад о целях и задачах РКП(б) и помогший своими указаниями оформиться первой партийной ячейке в Устьсысольске. Почин уездного центра не остался без подражания. В течение лета 1918 г. организация ячеек по волостям приобрела такие широкие размеры, что на губернском съезде большевиков в Великом Устюге, происходившем в первых числах сентября, от Устьсысольского уезда присутствовало уже 45 представителей, и это были главным образом делегаты из волостей. После съезда молодая организация стала расти еще быстрее, и к началу 1919 г. число ячеек в городе и в уезде достигало 87, а количество членов составляло внушительную цифру 2500 чел. Так же успешно шла организация партийных ячеек в Яренском уезде. С момента образования первой ячейки (1 сентября 1918 г.) до губернского съезда РКП(б) в Устюге насчитывалось уже 36 ячеек с количеством членов до 450 челов. Эти ячейки, разбросанные по далеким деревням, приняли на себя руководство работой комбедов. По существу комбеды и организовались по инициативе партийных ячеек. Устьсысольский городской комитет проявил в этом отношении такую кипучую деятельность, что комбеды были образованы по всему уезду в течение 2—3 недель. Собравшаяся 10 декабря 1918 г. первая уездная конференция РКП могла констатировать факт образования комитетов бедноты во всех волостях.[1]

Материалов о комбедовском движении совершенно не сохранилось, и мы лишены возможности подробно осветить эту любопытнейшую страницу в истории коми-деревни. Несомненно одно: руководимые партией комбеды открыли такой беспощадный поход против буржуазии, что, строго говоря, гражданская война в Коми-области началась еще до прихода белых. В этой стране частых неурожаев и периодических голодовок шла самая настоящая драка обнищавших масс за хлеб насущный. Борьба питавшихся соломой и сосновою корою бедняков с кулачеством, зарывавшим в землю и хоронившим в лесах огромные запасы хлеба, была борьбой за физическое существование. Нигде, может быть, простое и примитивное представление о революции, как о борьбе голодных с сытыми, не получило такого буквального воплощения, как в Зырянском крае. Отсюда ужасающие формы этой борьбы с кромсанием людей заживо, с прорубями, напол-

---

[1] Северн. краев. Истпарт. Материалы I Устьсысольской конференции РКП(б) копии на машинке.

ненными трупами и т. д. Впрочем все эти тонкости получили распространение только с приходом белых и с окончательным оформлением кулацких партизанских отрядов, с одной стороны, и красных — с другой. До этого кулаки ограничивались убийствами из-за угла комбедовских работников и коммунистов, а беднота, апеллируя к органам пролетарской диктатуры в лице ЧК и Исполкомов, подавляла врагов с помощью красного террора. Всякие иные методы, увлекавшие бедноту на путь неорганизованной и недисциплинированной борьбы, встречали осуждение со стороны верховных партийных органов уезда. Так, первый уездный партсъезд вынес решительный протест по поводу случая в Анызбской волости, где солдат Лобанов, вернувшись из армии, по слухам, с 18 тыс. руб. в кармане, отказался выдать эти деньги, за что „в виде острастки был опущен в прорубь на незначительное время". [1]

Если перед лицом наступающего голода комбеды своим энергичным нажимом на кулачество спасли от смерти многие сотни и тысячи бедняков; если комбеды укрепили советскую власть в Коми-крае и сделались ее надежнейшей опорой в деревне, то успехами этой своей деятельности они прежде всего обязаны руководству со стороны первых большевистских ячеек. Эту основную и важнейшую в то время задачу коммунистическая организация коми выполнила с честью. Твердость и уверенность, с которой местная компартия вела за собой в те дни трудовое население коми по пути социалистической революции тем более заслуживает быть отмеченной, что область Коми, являясь прежде одним из самых заброшенных и отдаленных углов, представляла собой край сплошь крестьянский, где пролетарское влияние почти не чувствовалось и где вследствие этого сама партийная организация страдала множеством существеннейших недостатков. Степень ее принципиальной высоты была такова, что некоторые из ее тогдашних резолюций и постановлений звучат чрезвычайно анекдотически. Чего например стоит резолюция 1 Устьсысольского съезда, признающая необходимость широкого вовлечения трудящихся в партию и, между прочим, содержащая такую тираду: „Но мы, коммунисты, открывая двери наших райских покоев социального строя, должны быть осмотрительны по отношению к входящим, и, прежде чем их допустить, мы должны их к этому приготовить, т. е. дать им духовную пищу в социальном духе, агитируя среди трудового класса и среди товарищей, идущих в ряды рабоче-крестьянской красной армии, давая им понять, что идея коммунизма священная идея и что социальный строй — это царство правды, истины, про которое говорит в своем учении великий учитель Иисус".

Не лучше обстояло с дисциплинированностью и выдержанностью отдельных членов организации, длительно изживавшей эти недостатки. Но как бы, однако, ни были далеки от совершенства первые зырянские коммунары, каким бы прими-

---

[1] Там же.

тивным ни казался нам их политический уровень—они с честью выполнили возложенную на них историей задачу; в решительные моменты они умели находить правильную линию. Партийная организация возглавила комбедовское движение и сыграла руководящую роль в гражданской войне, принявшей особенно острые формы с приходом белогвардейских банд.

Как уже отмечалось, размежевка классовых сил произошла в Коми-области еще до образования фронтов. Гражданская война не была принесена сюда белыми, она только разрослась с их приходом до больших размеров. Строго говоря, прихода белогвардейских войск на территорию Коми и не было. Правильнее говорить о приходе нескольких офицеров и инструкторов во главе нескольких десятков солдат, которые организовывали почти сформировавшиеся к тому времени кулацкие партизанские отряды, создав из них некоторое подобие войска. В свою очередь, красное командование северного фронта, постоянно испытывавшее недостаток в войсках, не могло не делать ставки на развитие местного красного партизанского движения.

Красная армия, дравшаяся на территории Зырянского края, состояла в значительной степени из добровольно образовавшихся партизанских отрядов, руководимых командирами и комиссарами, посланными Реввоенсоветом VI армии. Примером может служить тот же отряд Мандельбаума, в котором десяток латышей, пришедших из Котласа, совершенно потонул в огромной массе присоединившихся по дороге зырян, что и дало Мандельбауму основание переименовать впоследствии свой отряд в 1-й зырянский батальон. Красное командование так же, как и белое, в период наиболее ожесточенных схваток на Печоре и на Мезени посылало туда подкрепления со своих главных фронтов, но едва ли будет преувеличением сказать, что основную массу бойцов как с той, так и с другой стороны, на этих участках составляло местное зырянское население. Не удивительно, что Марушевскому вся гражданская война в Коми-области представлялась борьбой отдельных деревень друг с другом.

Несмотря, однако, на свой партизанский характер, война в Зырянском крае имела вполне определенные и ясно очерченные стратегические контуры. Здешний театр, несмотря на свое второстепенное значение, был весьма ответственным участком фронта, заставлявшим обе стороны уделять ему больше внимания, чем это казалось бы на первый взгляд. Гранича одной своей стороной с Сибирью, а с другой с бассейном Двины, Коми-область могла стать связующим звеном северной контрреволюции с контрреволюцией сибирской. Эту проблему связи с чехо-словацкой и с колчаковской армиями белое командование в Архангельске поставило с первых же дней войны. Район Печоры, как наиболее важный в этом отношении, был намечен в качестве центра скопления белогвардейских сил, и сразу же после высадки союзников в Архангельске 3 августа 1918 г. было обнаружено „усиленное стремление отдельных лиц и целых партий проникнуть из района Котласа на г. Устьсысольск в с. Усть-Кулом и

Троицко-Печорское".[1] Печора, помимо связи с колчаковцами, сулила белым возможность поживиться и богатыми продовольственными запасами Сибири. Особенно привлекала перспектива перекинуться с Печоры на Обь к хлебному городу Березову и по пути захватить селение Ляпино, где было сосредоточено множество хлеба, по слухам, до полумиллиона пудов. Отдать эти огромные запасы в руки архангельских белогвардейцев с их „союзниками" и позволить им соединиться с Колчаком,—ни минуты не входило в расчеты красного командования. Оно поэтому с первых же дней должно было точно так же обратить сугубое внимание на Печорский район, и приход туда Мандельбаума совпал с приходом белых. Печора в силу своего стратегического значения сделалась сразу одним из видных участков северного фронта. Появились белые на Печоре в сентябре 1918 г., приплыв на двух пароходах из Архангельска. Встав во главе местных кулацких отрядов, они стали двигаться вверх по реке и захватили селения Усть-Цыльма, Усть-Шугор и Троицко-Печорское.[2]

С захватом Усть-Цыльмы и Ижмы они не только развили наступление по сибирскому тракту в направлении села Ляпинского, но перенесли военные действия и в бассейн Мезени, создав угрозу Яренску.[3] Таково было положение, когда на Печоре стали появляться красные отряды. Эти отряды шли с двух сторон — из Котласа через Устьсысольск (отряд Мандельбаума) и из Чердыни (отряд братьев Э. и Ф. Аппога). Отряд Аппога был послан по постановлению чердынских властей в Усть-Щугор с целью обследовать обстоятельства присылки туда из Екатеринбурга эсэровской „экономической экспедиции", собиравшейся производить товарообмен с местным населением и охранять имевшиеся там грузы „Уралснабжения". „Экономическая экспедиция" отряд Аппога, отряд Мандельбаума и белогвардейские пароходы под командой подпоручика Пономарева подошли к Усть-Щугору почти одновременно. Белые потерпели поражение, были отброшены назад, и отряду Аппога удалось при Усть-Усе захватить все их пароходы.[4] Первое наступление противника было таким образом успешно отбито, и следующий период ожесточенной борьбы за Печору начался уже в декабре 1918 г. К тому времени в жизни красных отрядов на Печоре произошли крупные события; все они оказались под единым командованием Мандельбаума вследствие разногласий (повидимому, политических) Мандельбаума с бр. Аппога, результатом чего было удаление Аппога и подчинение их отряда Мандельбауму.[5] На Печоре образовалась таким образом солидная боевая единица, численностью до 500

---

[1] Самойло. Гражданская война на северном (Беломорском) фронте. Рукопись Северного Краев. Истпарта.
[2] Там же.
[3] Там же
[4] Там же
[5] Там же

штыков, могущая выполнить те задачи, которые были поставлены ей штабом северной армии.

Положение красных войск на Печоре до декабря было настолько благоприятным, что, по донесению Мандельбаума приступлено было, несмотря на ничтожные транспортные средства, к вывозу хлеба из селения Ляпинского. Хлеба этого оказалось, по точным данным, до 250 тыс. пудов, и он мог бы иметь огромное значение для спасения голодающих районов Коми-области, не говоря уже о снабжении армии. Однако осуществить эту переброску хлеба из Ляпина не удалось. В декабре начался ожесточенный натиск белых, потребовавший от красных войск крайнего напряжения сил для отражения удара. Белые повели наступление не только с низовьев Печоры, но и из Сибири, со стороны Березова, где образовалась сильная колонна до 300 человек с пулеметами и бомбометами. Она начала свой марш прямо на с. Ляпинское. Одновременно обозначилось движение противника со стороны Мезени на Ижму.[1] Но и этот нажим удалось успешно отбить. После продолжительных боев на подступах к Ляпинскому, противник потерпел поражение и отступил. Не больше повезло ему и на Ижме. Однако эта победа все же не дала возможности надолго удержать за нами Печору и через месяц, когда началось новое наступление неприятеля, Мандельбаум вынужден был под напором превосходных сил противника оставить Ляпинское и целый ряд пунктов по Печоре. В этом его отступлении решающую роль сыграли не столько превосходные силы противника, нажимавшего с востока и с севера, сколько предательское избиение во время сна большей части его отряда кулаками в Троицко-Печорском. Это был вообще чрезвычайно трудный для красных момент на северо-восточном фронте. Конец января 1919 г. ознаменовался энергичной попыткой архангельских белогвардейцев и колчаковцев сомкнуть свои силы в районе Печоры и Вычегды. Выразилось это, с одной стороны, в наступлении екатеринбургской группы на север, по рекам Каме и Колве к Чердыни, с другой — архангельской группы по рекам Печоре, Ижме, Мезени, Вашке и Пинеге на юг — на Чердынь, Устьсысольск и Яренск. Эти основные города Коми-края должны были стать местом встречи двух контрреволюционных армий. Колчаковцы успели уже занять селение Порог в верховьях Печоры, создавая угрозу единственному пути отступления войск Мандельбаума на Троицко-Печорское, Помоздино-Устькулом и дальше, на Устьсысольск, Яренск, Котлас. Обстановка создалась настолько тяжелая, что северная армия вынуждена была обратить на северо-восточный фронт сугубое внимание и усилить его некоторыми подкреплениями. Спешно был двинут со стороны III армии батальон лыжников для охраны линии: Кажимский завод—Устьсысольск, а в конце февраля в Устьсысольск переехала часть штаба во главе с т. Лисовским. Чтобы удержать против-

---

[1] Самойло. Гражданская война на Северном фронте.

ника со стороны Печоры, командованием VI армии был разработан проект постройки ряда опорных пунктов на перекрестках дорог, ведших к главному пути на Устьсысольск. Эти укрепления представляли собой комбинацию пулеметных блокгаузов с стрелковыми окопами и проволочными заграждениями. Соединение белогвардейских сил удалось предотвратить, но тем не менее обстановка продолжала оставаться в высшей степени угрожающей. Основные районы Коми-края — Вычегда и Сысола во главе с Устьсысольском и Яренском пребывали постоянно под угрозой внезапного удара. Особенно много неожиданностей сулил в этом смысле Важско-Мезенский участок войны, откуда в конце концов и прорвались белые в район Яренска. Мезенский фронт не имел такого специального значения для белых, как Печорский, он играл вспомогательную роль, и его назначением было—обеспечить печорским отрядам успешные действия против красных. Тем не менее полковнику Шапошникову удалось организовать здесь из местных раздробленных кулацких отрядов солидные войсковые части, превосходно снабженные артиллерией, пулеметами и прочей боевой техникой, доставленной сюда „союзниками" со стороны пинежского фронта. Вследствие этого борьба на Мезенском фронте была для красных весьма трудной и потребовала выделения на этом участке особого командования.

1919 г. был самым трудным годом гражданской войны для Коми-области. Начавшись усиленным наступлением белых с юга на север, он закончился известным прорывом фронта в районе Яренска и дерзким налетом банды капитана Орлова, сопровождавшимся зверским террором и грабежом населения. Это был год самого крайнего напряжения сил в борьбе с врагом и самых многочисленных жертв. Вместе с тем этот год памятен трудовым массам коми, прежде всего, как год исключительно свирепого голода. Никогда на Зырянский край не обрушивалось столько бедствий сразу. По донесению одного агитатора, посланного устюжским комитетом РКП в Устьсысольск, на май месяц 1919 г. в Устьсысольском уезде было до 70 тыс. человек голодающих, причем эта цифра, по его словам, увеличивалась со дня на день. „По волостям реки Вычегды голодающие распухли. Десятки смертных случаев ежедневно. Надо заметить, что урожай 1918 года по реке Вычегде замерз, и население всю зиму сидело на 10—15-фунтовом пайке в месяц, примешивая к нему разные суррогаты: солому, древесную кору. В некоторых волостях с пихтового леса вблизи селений объедена вся кора. На май было выдано от 7 до 15 фунтов овса зерном (при испытании оказалось, что один пуд овса дает 10 фунтов муки, остальное мякина, так как овес самого низкого качества, незрелый). И этот маленький голодный паек до половины мая в некоторые места даже не был развезен, так как разлив рек препятствовал езде на конях, а пароходов на Устьсысольский район у национального флота всего один, да и тот малосильный, не могущий тащить баржи. Семена, отпущенные в самом

незначительном количестве, также в отдаленные волости не были развезены".[1]

На фоне этого голода тяготы гражданской войны ощущались особенно остро. Наиболее тяжкие испытания выпали, разумеется, на долю населения захваченных белыми районов. Оно было разорено и терроризовано до такой степени, что у того же генерала Марушевского заметно нечто в роде сострадания, когда он описывает бедствия, постигшие обитателей Печоры. Романов, начальник белогвардейской экспедиции, отправленной для установления связи с Колчаком, „посещал эти районы, опустошенные ужасами гражданской войны. Голод и нищета при жестоком морозе давали картины, не поддающиеся никакому описанию". [2] И это не только на Печоре. Чтобы получить представление о положении на Важке и на Удоре, достаточно привести текст одной телеграммы, отправленной в штаб VI армии комиссаром устьважского райпродкома Поповым. „Первого октября вернулась с Удоры разведка точка. Белогвардейцами объявлена мобилизация 18—45 лет население скрывается лесах нетерпением ждут прихода красных войск точка. Угнаны из семей за скрывшимися срок 11 октября Устьважка за неявку угрожают поджоги всего хозяйства точка. Семьи добровольцев советских служащих находятся плачевном положении угоняются принудительным работам 24 часа деньги одежда отобраны хозяйство разорено точка. Прибыло Яренск 7 человек беженцев точка. Какие приняты меры Яренске добиться ничего не мог благоволите принять меры скорейшему освобождению Удоры Отвечайте. Комиссар Устьважского Райпродкома Попов". [3] Жестокости белых приводили к тому, что население поголовно вступало в партизанские отряды, и тому же Попову пришлось выступить в качестве организатора красного партизанского отряда на Важке, заверявшего в одном из своих посланий о готовности бедноты до конца бороться с врагом.

История красных партизанских отрядов в Коми-области совершенно не изучена, и материалы о них еще не собраны. То, что известно, — всего лишь эпизоды, не позволяющие пока создать стройной картины. Тем не менее было бы величайшей несправедливостью обойти их молчанием и не осветить здесь хотя бы одного, наиболее яркого из этих эпизодов.

К таковым бесспорно принадлежит деятельность изваильских партизан, превосходно описанная И. Шаховым на страницах „Коми—му". [4] Повесть об этих полярных героях похожа больше на увлекательный роман, нежели на рассказ о подлинных событиях. В ней все экзотично, начиная с обстановки, в кото-

---

[1] Северный Краев. Испарт. Доклады агитаторов за 1919 г. по Северо-Двинск. губ.

[2] Марушевский. Белые в Архангельске, стр. 174.

[3] Северный Краев. Испарт. Материалы Важско-Мезенского партизанского отряда. Рапорт Усть-Важского продкомиссара Архангельскому Губпродкому.

[4] 1929 г., №№ 14, 15, 16—17.

рой развертывалось действие — с этих беспредельных лесов в верховьях Ижмы, где не существовало никаких дорог, кроме узеньких тропинок, доступных лишь пешеходу и почти недоступных всаднику, и где небольшая волость, состоящая из 133 дворов, будучи заброшенной в эти дебри, жила почти изолированно от остального мира, получая почту всего лишь несколько раз в году. Расстояние, отделявшее ее от Устьсысольска, равнялось 400 км, а от Печорского тракта – 120 км. Самая волость, представлявшая собой ряд деревень и поселков по обоим берегам Ижмы, раскидана была на огромном пространстве в 107 км длины и 64 ширины. Только центр волости Изваиль, имевший 21 двор и отстоявшие от него одна в 6, другая в 13 км деревни Лайковья и Крутая, насчитывавшие по 28 дворов каждая, представляли более или менее крупные селения; остальные редко могли насчитать более 4 дворов. Некоторые из них отстояли от Изваиль на 45, на 47 и на 64 км, причем ни телефона, ни телеграфа не было в помине. Мужское население состояло сплошь из охотников и рыболовов, а женщины немного занимались земледелием и скотоводством; патриархальщина удержалась здесь больше, чем где бы то ни было. Это был своеобразный мир, напоминавший обломок какой-то древней формации. И все же ни непроходимые леса ни огромные пространства не защитили эту лесную колонию от классовой борьбы. Изваильская волость тоже знала классовые противоречия. Из 133 дворов добрый десяток принадлежал кулакам — подлинным самодержцам волости, эксплоатировавшим остальное население так, как его вряд ли где-нибудь эксплоатировали, ибо в Коми-области власть кулачества была тем сильнее, чем отдаленнее и глуше местность. Не удивительно поэтому, что когда громы Октябрьской революции докатились до Ижемских лесов, угнетенная часть населения поднялась против своих извечных поработителей и, еще не зная толком о смысле совершившегося переворота, имея смутное представление о самой советской власти, организовала у себя советы, комбеды и продорганы. Эта активность изваильцев тем более удивительна, что волость в годы революции оказалась совершенно изолированной, так как почта, и без того редко заглядывавшая сюда, совсем перестала ходить, и ни газет ни писем в Изваиль не проникало. Единственным источником информации были, повидимому, демобилизованные солдаты. Кулачество, почувствовав себя бессильным перед организовавшейся беднотой, до поры до времени молчало, выжидая своего часа, и стало проявлять свою контрреволюционность только с момента высадки „союзников" в Архангельске, о чем тоже с большим запозданием узнали в Извaиле. Особенно оживились извaильские кулаки при вести, что по Печоре, с приходом белогвардейских пароходов, кулачество устраивает перевороты, свергая советскую власть. Надеялись, что эта волна переворотов дойдет и до Извaиля, хотя здешнему кулачеству еще не было особенных оснований роптать на советы, потому что местная беднота, несмотря на

свою организованность, все еще не приступила к реквизициям излишков и не притесняла кулаков. Кулак здесь чисто инстинктивно сделался врагом новой власти так же, как беднота почти бессознательно сделалась ее другом.

Однако кулачество вновь притихло, как только до Изваиля долетел слух о движении Мандельбаума, выжигавшего каленым железом контрреволюцию на Печоре. В это время в Изваиле создалась организация коммунистической партии, возникшая по инициативе помоздинского большевика т. Казакова, заброшенного какими-то судьбами в эту лесную республику. В партию вступило человек 30, в числе которых оказались даже кулаки, надеявшиеся таким путем избежать реквизиций. В этом отношении особого упоминания заслуживает А. Я. Попов—кулак из деревни Лащь, сыгравший впоследствии видную роль в разгроме изваильских партизан. Обманувшись в своих расчетах и будучи подвергнут наравне с остальными богачами действию постановления комбеда об изъятии лишних запасов продовольствия у имущих, он затаил месть и, получив от доверявшей ему партийной ячейки Изваиля задание подстерегать белых из своей деревни, стоявшей на краю волости, и сообщить об их появлении в Изваиль, сам отправился на Печору и привел оттуда белогвардейский отряд, внезапно напавший на Изваиль. Но это было уже в июне 1919 г., когда Печора снова была белой и когда все красные войска, в том числе и отряд Мандельбаума, были оттуда вытеснены. Мандельбаум, отступая на Помоздино, проходил как-раз по замерзшей Ижме через Изваиль, а его отступлению предшествовали длинные вереницы беженцев, уходивших из своих деревень от кулацкой мести. Голодные и обнищалые, тащившиеся с женами и детьми, эти беженцы производили угнетающее впечатление на изваильскую бедноту, имевшую все основания ждать себе подобной же участи. Но тут-то и проявилась во всей силе твердость духа изваильских коммунаров и шедших за ними бедняков. Как только кончился поток беженцев, как только прошел на Помоздино отряд Мандельбаума, унося с собою последнюю надежду на защиту со стороны красных войск, в Изваиле раздался клич: „К оружию". Волость решила сама защищать себя от врага: вооружались берданками, дробовиками, чем попало; между деревнями была налажена постоянная связь, и вся волость оказалась на военном положении. Так как голод в это время свирепствовал особенно сильно, то общим собранием было вынесено постановление отобрать у имущих хлебные запасы, распределить среди голодающих и создать в Изваиле особый бронированный фонд на случай длительной борьбы. Этим актом изваильское кулачество было окончательно озлоблено и отброшено в лагерь активной контрреволюции. Белые долго не решались снаряжать экспедицию в Изваиль, удерживаемые огромными лесными пространствами и слухами о высокой боевой мощи волости, якобы поголовно вооруженной винтовками. Только прибывший в их стан изменник Попов убедил их в легкости захвата Изваиля.

Под впечатлением его речей был снаряжен отряд в 40 чел. под начальством какого-то мичмана, который и завладел Изваилем 10 июня 1919 г. Кулачество во главе с А. Я. Поповым торжествовало победу. Здесь было бы слишком долго описывать те зверства и бесчинства, которыми белые ознаменовали свою победу над красной властью; они достаточно красочно описаны в рассказе И. Шахова, к которому и отсылаем читателя. Важно отметить только тот факт, что за исключением четырех человек всем партийцам удалось скрыться. Прячась в лесах, питаясь кореньями трав, они сумели послать в далекое Помоздино вестника с просьбой прислать помощь для избавления Изваиля от белых. Просьба эта, несмотря на трудное положение, была удовлетворена. Помоздинский штаб выделил небольшой отряд красноармейцев с пулеметом, и тот, преодолев 128 км лесного пространства, оказался 20 июня под Изваилем. Несмотря на свою ничтожную в сравнении с белыми численность, отряд при поддержке местного населения успешно овладел Изваилем, взял в плен всех белых во главе с их начальником и снова установил здесь советскую власть. С этого момента начинается самый героический период борьбы изваильских партизан с белым. Присланный из Помоздина отряд, по выполнении своей задачи, ушел, забрав с собой все винтовки и пулеметы, отнятые у белых, оставляя изваильцев при их неизменных берданках и дробовиках. Между тем небольшие отряды белых находились еще в некоторых деревнях волости в роде Гажа-Яг, а с Печоры и с Ухты могли в любой момент подойти новые подкрепления. Положение, следовательно, продолжало оставаться в высшей степени серьезным. И тут изваильцы прибегли к наивному, но весьма распространенному в этих местах способу ведения гражданской войны.

С помощью нескольких смельчаков они стали распространять самые фантастические слухи о численности красных войск, пришедших на выручку Изваиля, о их вооружении, о вооружении самих изваильцев и достигли таким путем того, что белые, перепугавшись, не только убежали из пределов волости, но вызвали панику в самой Ухте, где отныне с опаской стали оглядываться на Изваиль, боясь оттуда нападения красных. О переезде ухтинского штаба в Изваиль с целью дальнейшего продвижения белых к Помоздину, как в начале предполагалось, нечего было и думать. Этот маневр, позволивший изваильской волости продержаться долгое время в белогвардейском окружении, — вряд ли был изобретением изваильцев. Повидимому, в то время это был обычный метод борьбы в глухих печорских лесах с малолюдным населением и с необъятным театром войны. Нельзя не привести в подтверждение этого любопытной выдержки из рассказа Марушевского, показывающего, до какой изобретательности доходило иногда искусство запугивать противника. Описывая войну в Коми-области с ее примитивными средствами и вооружением, где все шло в ход, начиная с охотничьих ружей и кончая вилами и дубинами, он отмечает

почти анекдотический случай, как „одна из деревень для устрашения врага изобрела пушечные выстрелы. Мешочки с порохом подвешивались к мно осаженным соснам и взрывались. Шум и страшный треск ломающегося дерева наводили панику на противника“.[1]

Лето прошло для изваильцев благополучно; белые не решались предпринять генеральное наступление, а местные кулаки притихли. Партизанский отряд вырос до 44 человек, появилось откуда-то 20 винтовок и даже несколько бомб, а также заведена была „тайная разведка“, сослужившая отряду большую службу. Под защитой партизан волость могла спокойно жить и работать. Отдельные мелкие отряды белых, пытавшиеся подобраться к Изваилю, благодаря хорошей работе „тайной разведки“, всегда были предупреждаемы и всегда возвращались назад разбитыми. Это окончательно укрепило за изваильцами репутацию сильного боевого отряда; в Ухте его чрезвычайно боялись, а самый Изваиль в представлении белых получил значение какой-то крепости. Он и в самом деле превращался понемногу в крепость. Из кирпича, заготовленного еще до революции на постройку церкви, устроили баррикады и бойницы в домах, а за селом воздвигли сторожевую башню на четырех толстых столбах семиметровой высоты. На эти столбы были положены перекладины, настлан пол и затем из кирпича выложена круглая башенка, крытая тесом со многими бойницами и с сигнальным колоколом, снятым с местной церкви. Эта средневековая фортификация в местных условиях делала Изваиль почти неприступным, и, не окажись он со всех сторон окруженным белыми и вынужденным добровольно прекратить борьбу, штурм этой крепости потребовал бы от неприятеля многих жертв. Но изваильцы, упоенные своими успехами, под осень ослабили бдительность, так что деревня Крутая совершенно неожиданно сделалась жертвой внезапного белогвардейского налета.

Осенью, когда вследствие распутицы Изваильская волость считалась недоступной, со стороны Троицко-Печорского на лодках по Ижеме, а затем по Нибилу подкрался отряд белых, разграбил деревню Крутую и увел в плен много партийцев и партизан. Главному изваильскому отряду удалось настичь налетчиков и после удачного боя отобрать пленных и награбленное имущество. Но это была последняя победа красных партизан. В то время как они геройски защищали свою волость, неприятель на многие сотни верст продвинулся в глубь Коми-края, и то самое Помоздино, откуда они постоянно ждали помощи, оказалось в руках врага. Коми-область находилась одно время почти целиком под властью белых, и только Изваильская волость продолжала оставаться маленьким островком среди этого моря контрреволюции. Было совершенно очевидно, что долго этому острову не продержаться. Это почувствовали и сами

---

[1] Марушевский. Белые в Архангельске, стр. 174.

партизаны, как только узнали, в каком положении они оказались. На общем собрании в ноябре месяце было решено ликвидировать отряд и, скрываясь в лесах, ждать ухода белых. В том же месяце волость была наводнена белыми бандами, высыпавшими со всех сторон. Ярость врага, обнаружившего, что предмет его долгих страхов вовсе не так грозен, вылилась в беспощаднейший террор. Все бедняцкое население подвергалось жесточайшим погромам и грабежам, а за партийцами и партизанами началась настоящая охота. Их выслеживали, хватали и с неслыханными жестокостями предавали смерти. За свою геройскую борьбу изваильская беднота поплатилась лучшими своими представителями. Все они умерли мученической смертью. Об истязаниях, которым они подвергались, лучше всего может дать представление судьба некоего Афанасия Петровича Шомесова, которого бандиты „сначала избили, затем начали плевать, потом продырявили пулями руки и ноги, выкололи глаза, вырезали уши, переломали ребра и только потом размозжили голову, а тело, еще бьющееся в конвульсиях, бросили в ручей“. [1] Таков был конец Изваиля.

История этого партизанского отряда, изложенная здесь, приведена нами как наиболее яркий, но отнюдь не единственный пример. Когда гражданская война в области будет достаточно хорошо изучена, на карте необъятного Коми-края можно будет насчитать не один уголок с героическим прошлым. Можно сказать с полной уверенностью, что нет ни одной местности, испытавшей бело-кулацкое нашествие, где бы беднота не организовывала красных партизанских отрядов или не шла бы массами в красные войска. Нет красок, чтобы описать все те бедствия и разорения, которые несли с собой белые в этот и без того не пышный край. История белого нашествия на Коми-область это—сплошная повесть насилий, грабежей и ни с чем несравнимых зверств. Тов. И. Каплин, состоявший председателем Яренской комиссии по установлению жертв белогвардейского террора, впоследствии признавался: „при расследовании передо мной развертывались до того кошмарные картины, что я впоследствии заболел острой формой нервного расстройства“. Самой обычной и легкой казнью считалось, когда человека приводили на реку, заставляли рубить прорубь, перерезывали ему сухожилье в локтях и в коленях и с напутствием „будь водяным комиссаром“, совали под лед. Особенно памятен зырянам набег кулацких партизан под начальством капитана Орлова, прорвавшихся в 1919 г. с Удоры на Вычегду, захвативших Яренск и создавших угрозу Устьсысольску и Сольвычегодску. Банда Орлова в жестокостях превзошла всех своих собратий, и рассказы о самых ужасных злодеяниях неизменно связаны с именем капитана Орлова.

„Не отстававшая в зверствах от мужа супруга кап. Орлова, добравшись до коммунисток и жен коммунистов, изощрялась

[1] По словам одного из участников гражданской войны, командующего Кай-Чердынским фронтом В. П. Юркина, Шомесов был не изваильцем, а помоздинским учителем и был убит в Помоздине.

в издевательствах вплоть до соления ран и надрезов. Забирала их в одном белье и увозила, не обращая внимания даже на беременных". [1] Двигаясь на Яренск, Орлов забрал с Удоры всех лошадей; до 700 подвод прибыло с ним на Вычегду, и местное крестьянство должно было поставлять овес и сено лошадям и пропитание для несчастных зырян-ямщиков, пригнанных с Удоры. Весь остальной хлеб крестьяне вынуждены были переварить на пиво завоевателям. В свою очередь, когда разбитые под селом Леной белогвардейские банды покатились назад, — вычегжанам выпала на долю та же участь, что и удорянам; их тоже в количестве не меньше 700 человек с лошадьми орловцы угнали на Удору и еще дальше к северу. Их лошаденки были загнаны и уморены с голоду, а сами они, дабы не испытать той же участи, разбрелись по всему Мезенскому, Устьважскому и Пинежскому уездам, питаясь милостыней и работая на местных кулаков. Для ликвидации орловского отряда Реввоенсоветом армии была сформирована в начале декабря 1919 г. особая экспедиция под начальством т. Биткера, которой удалось разгромить отряд и очистить от него не только Вычегду, но и Удору и Мезень. [2] Ликвидация орловских банд почти совпала с поражением белых по всему фронту. Это был уже период заката северной контрреволюции. Союзнические войска были отозваны, удар, полученный белыми на Двине и в Плесецком направлении, заставил их спешно эвакуироваться из Архангельска. С падением Архангельска, Печорский, Мезенский и Пинежский фронты белых оказались оставленными на произвол судьбы, и после некоторого сопротивления кулацкие отряды, действовавшие на этих фронтах, были уничтожены, и власть во всем крае перешла в руки трудящихся.

В огне гражданской войны трудовое население коми окончательно осознало неразрывную связь своей борьбы за национальное освобождение с пролетарской социалистической революцией. Непосредственным итогом этих бурных лет явилась непримиримая ненависть не только к русскому и иностранному империализму, но и к своей собственной буржуазии, вступившей в союз с известными поработителями зырян и предавшей идею национального освобождения в целях удержания своего классового господства в стране. Никогда коми-народ не забудет кровожадной буржуазии той тяжелой мести и расправы, что были учинены ею в мрачную холодную осень 1919 г. Многочисленными жертвами и героической борьбой с контрреволюцией трудящиеся коми завоевали почетное место в семье народов Советского союза, и та автономия, которую они получили от советской власти, добыта ими в великих революционных боях, где им пришлось бок-о-бок с российским пролетариатом защищать социалистическую революцию. Трудовые массы коми дрались с врагом не только на территории своего края. На Северо-Двин-

---

[1] Северный Краев. Испарт. Воспоминания И. Каплина.
[2] Самойло. Гражданская война на Северном (Беломорском) фронте.

ском фронте действовал особый зырянский отряд, „рота Куликова“, состоявший из коммунистов. Не мало зырян было на защите Петрограда, на Украине, в Сибири и на всех многочисленных фронтах гражданской войны.

Сотрудничество с пролетариатом в эпоху гражданской войны прочно внедрило в сознание коми-бедноты ту мысль, что, борясь за свое национальное освобождение, они тем самым борются за интернациональную пролетарскую культуру, за единение трудящихся всех стран, и, когда наступил период мирного социалистического строительства, коми явились одним из активных участников „той замечательной организации сотрудничества народов, которая называется Союзом советских социалистических республик и которая является живым прообразом будущего объединения народов в одном мировом хозяйстве“ (Сталин).

9

Коми в борьбе за социализм

В своих письмах и статьях о России Маркс и Энгельс достаточно ясно развили ту мысль, что для стран, не прошедших еще стадии капитализма, существует возможность миновать ее совершенно, если в одной или нескольких передовых странах капитализм окажется свергнутым победоносной пролетарской революцией. В. И. Ленин точно так же, еще в начале 90-годов, в эпоху борьбы с народничеством с одной стороны и легальным марксизмом, с другой, повторил эту мысль, дав достаточ-

ную отповедь Струве, утверждавшему, будто каждая страна без исключения фатально обречена на неизбежное прохождение через стадию капиталистического развития, как через некое чистилище, помимо которого нет путей к социализму. Будучи в те времена в извест ой мере „академическим“, вопрос этот приобрел громадное политическое значение после Октябрьской революции, когда пролетариат победил на одной шестой части земного шара и когда для народов, стоящих на докапиталистическом уровне развития, создались предпосылки непосредственного движения к социализму, минуя все ужасы капиталистического развития. Этот вопрос стал одним из краеугольных камней национальной политики партии, Советской власти и Коминтерна. Выступая на II конгрессе Коммунистического Интернационала с докладом по национальному и колониальному вопросам, Владимир Ильич говорил: „Можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь после войны замечается движение по пути прогресса. Мы ответим на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей... С помощью пролетариата наиболее передовых стран, отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития“. [1] Вся послеоктябрьская история значительной части „инородцев“, входивших в бывшую Российскую империю, есть история этого непосредственного движения к социализму прямо от докапиталистических формаций. В этом плане подлежит рассмотрению, несомненно, и Коми-область. Хотя она и стояла накакуне превращения в промышленно-капиталистическую страну, тем не менее развитому капитализму в ней так и не суждено было возникнуть. Широкое распространение лесопромышленности еще не дает оснований причислять ее к разряду капиталистических стран. В советский период своей истории Коми-область вошла, не имея собственного пролетариата, оставаясь попрежнему крестьянской страной, но всем своим пятнадцатилетним существованием в этот период она воочию показала правильность ленинского положения, что „крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле“. [2]

Национальный вопрос не отделим от революции. Это особенно ясно показал период гражданской войны, и это не менее

---

[1] Ленин. Сбор. соч., т. XXV, стр. 354.
[2] Там же, стр. 353.

ясно показал наступивший после нее период мирного социалистического строительства. Если без поддержки национальностей российский пролетариат не мог победить вооруженную контрреволюцию, то без этой же поддержки он не мог бы продолжать дело революции после гражданской войны.

Укрепить советскую власть можно было только в тесном союзе с трудовым крестьянством малых национальностей, а „для этого необходимо, чтобы власть пролетариата была столь же родной для национального крестьянства, как и для русского". Так стоял национальный вопрос в период нэпа. Наилучшая его формулировка была дана в докладе т. Сталина на XII съезде партии, где решительно подчеркивалось, что „для того чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда и только постольку советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и междунациональной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке.[1] Перед партией, перед советской властью была поставлена, таким образом, большая политическая проблема. Правильное ее разрешение не только позволило пролетариату удержать все завоевания революции, но и продолжать социалистическое строительство с неслыханным успехом, увлекая за собой на этом пути трудовые массы бывших российских колоний. Таким образом, для периода после гражданской войны вопрос о некапиталистическом развитии той или иной окраины решался преимущественно тем, в какой мере в ней удалось укрепить советскую власть на основе правильного разрешения национального вопроса. В этом отношении в Коми-крае с самого начала была вполне правильная позиция, целиком совпадавшая с линией ЦК и со всей политикой партии в национальном вопросе. Еще задолго до окончания гражданской войны, в 1919 г., устьсысольские коммунары начинают поднимать вопрос об автономии коми-народа, и в этом направлении работает образовавшийся в том же году при уездном ОНО — „Нацмен". Инициатива партийных и советских организаций в этом вопросе была своевременна и необходима. Тем самым наносился новый удар буржуазным националистам типа Попова, и все надежды масс, связанные с национальным самоопределением, переносились отныне на партию и на руководимые ею советы. Устьсысольский уисполком попытался уже в то время поставить перед центром вопрос о выделении Коми-области в особую автономную единицу, с каковой целью в 1919 г. в Москву в Наркомнац были делегированы два пред-

---

[1] Стенографический отчет XII съезда РКП(б), стр. 422.

ставителя, но положительно разрешить этот вопрос в такую бурную эпоху не удалось. Только после разгрома северной контрреволюции дело приняло вполне благоприятный оборот. 20 сентября 1920 г. в Устьсысольске с разрешения северо-двинского губисполкома созывается съезд коми-работников по просвещению, на котором требование скорейшего самоопределения объявлялось, как необходимое условие культурного и хозяйственного развития коми-народа. Этот съезд избрал представителей в Наркомнац и Совет нацменьшинств при Наркомпросе, в Нацмен северо-двинского губоно, и с этих пор дело образования автономной Коми-области было поставлено на твердое основание.

Представители, посланные в Наркомнац, в составе Батиева, Молодцовой и Старцева, после ряда докладов в Наркомнаце, в ВЦИКе и в ЦК ВКП(б), достигли ряда крупных успехов, в частности, было получено согласие ЦК партии на созыв I Всекоми конференции РКП(б), каковая и собралась 13 января 1921 г. в Устьсысольске. На этой конференции были представители не только от Устьсысольского, Яренского и Печорского уездов, но также и от уездов Чердынского, Глазовского и Усольского. Она имела решающее значение для дальнейших судеб коми-народа; итоги ее легли в основу работ по образованию автономии, и 5 мая 1921 г. декретом ВЦИК эта автономия была объявлена. Оставались только неопределенными границы области, ее права и т. д., но и эти вопросы были разрешены следующим декретом ВЦИК от 22 августа того же года.

Эта дата, знаменательная для каждого трудящегося зырянина, считается началом существования Автономной области Коми. Вместо „Зырляндии", вместо буржуазно-демократической республики, требуемой националистами, была учреждена советская социалистическая автономная единица, где хозяевами были не купцы и кулаки, а трудовые низы, трудовое крестьянство, руководимое пролетариатом и его партией. Это было крупным событием для всего северо-востока. Предоставление автономии отсталому, хотя и самому многочисленному из здешних народов явилось большой победой социалистического строительства и окрылило надеждами более мелкие народности.

Став полными хозяевами своей судьбы и приступая к устройству жизни на новых началах, трудящиеся коми на первых же порах столкнулись с необычайными трудностями. В наследство от царизма им остались забитость, темнота и невежество, а от гражданской войны — разруха и голод. Основа всей экономики края — сельское хозяйство находилось в самом плачевном состоянии. Даже по отношению к 1917 г. посевная площадь 1920 г. сократилась на 29%, количество рогатого скота в сравнении с тем же 1917 г. уменьшилось на 15%; по отношению же к довоенному времени обе эти цифры оказываются еще более значительными.[1] Едва ли не в больший упадок пришло лесное

---

[1] „Десять лет социалистического строительства Автономной области Коми", изд. Коми Облисполкома. Сыктывкар 1931 г., стр. 81.

хозяйство. Сокращение отпуска леса за границу во время мировой войны, почти полная остановка лесопромышленности в период гражданской войны результатом своим имели то, что в 1921—22 г. добыча сортовой и дровяной древесины на территории Коми-области составляла всего лишь 45,2% в сравнении с 1913 г.[1] При этом, само собой разумеется, прекращены были всякие виды работ по рационализации лесного хозяйства, как-то: лесонасаждение, обследование неизученных участков и подготовительные работы к их эксплоатации. О бедственном состоянии той ничтожной „индустрии", что досталась Коми-области в наследство от старого режима, не приходится и говорить. Нючпасский железный завод, отстоящий в 250 километрах от Сыктывкара (бывш. Устьсысольск), затерянный в болотах и не связанный дорогами с центром области, пришел в такую ветхость, что был попросту закрыт в 1923 г. Другой железный завод — Кажимский — протянул немногим дольше первого. В 1927 г. его тоже пришлось закрыть. Только Нювчимский завод, хотя и не мог похвастать лучшей сохранностью в сравнении с первыми двумя, но кое-как выдержал выпавшее на его долю тяжелое испытание и избежал участи своих собратьев. Причина этого, повидимому, заключалась в том, что он находился всего лишь в 40 км от Сыктывкара и в 5 км от судоходной Сысолы. Что же касается самого древнейшего завода области, Сереговского солеваренного, то он со своей допотопной техникой, сохранившейся чуть не от XVII в., представлял просто развалину, так что восстановить его удалось только к 1929 г.

Ко всему этому следует прибавить, что край попрежнему оставался отрезанным от остального мира полным бездорожьем. Кроме нескольких рек со слабо развитым пароходством, никаких путей к промышленным центрам не существовало. Ни шоссейных ни тем более железных дорог не было. Трудовое население погрязло в невежестве и нищете. Медицины в крае почти не существовало. Если не считать 6 больниц и 7 приемных покоев со 160 койками и тремя врачами на всю область,[2] то она была представлена, главным образом, фельдшерами и акушерками, а чаще всего, знахарями и бабками. С народным образованием обстояло не лучше. Школа работала на русском языке и руссификаторскими приемами. Однако и эта старорежимная школа охватывала в 1922/23 гг. всего лишь 46,7% детей школьного возраста, тогда как в 1914 г. этот процент доходил до 56.[3] Никакой литературы на коми-языке, кроме богослужебных книг, не существовало, никаких просветительных учреждений — клубов, театров, домов культуры и т. д. не было Говоря языком стефановского жития, земля находилась „в первой прелести идольстей".

---

[1] „Десять лет социалистического строительства Автономной Области Коми", стр. 41.

[2] Там же, стр. 56.

[3] Там же стр. 31.

При таких условиях новая власть вступила в управление страной, которую надлежало из отсталой глухой провинции превратить в высокоразвитую культурно и экономически область. Едва ли не самым больным местом явилось на первых порах советское строительство. Предстояло зырянизировать аппарат, перевести его работу на местный язык, приблизить к массам, сделать доступным и понятным зырянской бедноте, а между тем людей, которые бы могли быть использованы в этом плане, почти не оказывалось. Бывшие уездные и волостные советские аппараты сплошь состояли либо из русских, не знавших коми-языка, либо из зырян, которые хотя и знали его, но предпочитали пользоваться русским языком, потому что коми-язык продолжал оставаться языком массовым, а литературный и официальный язык учреждений не был выработан.

Таким образом, для самих зырян проблема зырянизации оказалась далеко не простой. Если ко всему этому прибавить, что не существовало специального коми-шрифта и типографий, применявших этот шрифт, не существовало даже соответствующих пишущих машинок и прочих технических условий, то трудности этой проблемы станут особенно понятны. Недаром процесс коренизации занял такой продолжительный период, что только к десятой годовщине своей автономии коми-трудящиеся могли похвастать его завершением и то не в полной степени. В течение всего этого десятилетия одним из самых больных мест был вопрос кадров. Прежняя забитость и неразвитость населения давали себя чувствовать тем, что людей, способных к работе в учреждениях, оказалось чрезвычайно мало; их надо было подготовлять, а в обслуживании аппарата до поры до времени довольствоваться русскими. Даже после десяти лет существования автономии, в 1931 г., процент русских в руководящем персонале областных учреждений составлял 54,5%, а в районах и сельсоветах 20%.[1] Однако Коми-область успешно преодолевала и преодолевает эти трудности. Путем организации курсов для подготовки низовых советских работников, путем ликвидации политической неграмотности, издания коми-русского словаря, коми-грамматики, самоучителя коми-языка, сборников форм делопроизводства и т. д. — дело коренизации поставлено на твердую основу. Ныне Коми-область уже успешно решает другую более сложную проблему, проблему технических, культурных и научных кадров. В течение последнего десятилетия область подготовила до 800 чел. различных специальностей, из которых 450 имеют высшее образование, а остальные среднее. Область ныне уже не довольствуется посылкой своей молодежи в центральные вузы и техникумы, а развертывает свою собственную сеть по подготовке специалистов. В области работают 7 техникумов с 1125 чел., школа леспромхозуча с 136 учащимися, лесохимическая мастерская —

---

[1] „Десять лет социалистического строительства Автономной Области Коми", стр. 13.

84 учащихся, совпартшкола — 203 чел. учащихся, национальное отделение рабфака — 35 чел. учащихся. Кроме того, с 1930 г. открыты 4 школы ФЗУ с 502 чел. учащихся,[1] а с 1931 г. в Сыктывкаре открыт педагогический институт. Все эти данные свидетельствуют о необычайном культурном сдвиге, происшедшем за небольшой период существования Автономной области Коми.

Перед этими фактами сами собой отпадают реакционные бредни прежних этнографов, считавших зырян народом неспособным к прогрессу. Зырянская молодежь, обучающаяся в центральных учебных заведениях (а в 1931 г. ее там было 627 чел., из которых 330 учились в вузах)[2], обнаруживает во всяком случае ничуть не меньшие способности, чем русские. Представителей коми-народа в настоящее время можно встретить и в институтах Красной профессуры и в различных научно-исследовательских учреждениях Союза. Пребывая многие столетия в невежестве, забыв свою письменность, не имея поэзии, коми в течение короткого промежутка своего самостоятельного развития сумели взрастить поэтов и писателей, поднявших зырянский язык до степени богатого литературного языка. Сейчас Коми-край насчитывает свыше трех десятков заметных писателей; на зырянском языке выходит 9 газет с общим тиражем в 21 тыс. экземпляров, выходят журналы и книги. Если в 1921 г. литературы на коми-языке было выпущено всего 12 печатных листов, то в 1930 г. она уже представляла 204 печатных листа с тиражем в 360 тыс. экземпляров.[3] Коми-печать из года в год приобретает значение мощного фактора в деле культурного возрождения трудящихся. Можно было бы привести множество данных, свидетельствующих о росте просвещения в Коми-области, но мы ограничимся лишь указанием на процент грамотных среди населения, который в настоящее время достигает 74, тогда как до войны их было всего 27%.[4]

Говоря о коренизации аппарата, о переводе школы на местный язык, обо всем культурном строительстве края, нельзя забывать того обстоятельства, что все эти возможности, открывшиеся перед зырянами после революции, не могли бы быть ими осуществлены, если бы и в самом народном хозяйстве области не произошло крупных сдвигов и изменений. По словам т. Сталина, ни о каком использовании мелкими национальностями своих прав в области языка, национальной культуры и просвещения не может быть и речи, если на ряду с этим пролетариат бывшей державной нации не поможет им ликвидировать свою экономическую отсталость. „Необходимо — говорит он — чтобы кроме школ и языка российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах в отставших в культурном отношении республиках, а отстали они не по своей

---

[1] „Десять лет социалистического строительства Автономной области Коми", стр. 4.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 84.

[4] Там же, стр. 30.

вине, а потому что их рассматривали раньше, как источники сырья, — необходимо добиться того, чтобы, в этих республиках были устроены очаги промышленности".[1] Само собой разумеется, что эта проблема, в качестве первоочередной, встала и перед Коми-областью. Только с развитием промышленности возможно изживание национального неравенства и нищеты, а вместе с ними и культурной отсталости зырян. В этом смысле Коми-область, несмотря на крайне неблагоприятные условия работы, может отметить несомненные успехи и притом довольно значительные для такого оторванного бездорожьем края.

Кроме Нювчимского чугунолитейного завода, реконструированного и расширенного, на котором в 1931 г. работало 238 чел. (вместо 62 чел. в 1913 г.), и продукция которого растет с каждым годом; кроме Сереговского солеваренного, точно так же в корне реорганизованного и переоборудованного, дающего ежегодно 3000 т. соли, в области ныне существует ряд заново выстроенных предприятий, как-то; два лесопильных завода в Сыктывкаре — трехрамный и четырехрамный, Сыктывкарский терпентинный завод, Сыктывкарский завод красного кирпича, усть-усинский консервный завод, усть-цылемский замшевый завод и Печорские угольные разработки, давшие в 1931 г. 9 тыс. т. угля. Пусть цифра рабочих, занятых на этих предприятиях, 883 чел., явно недостаточна для 220-тысячного населения коми, — все же это ядро будущей армии пролетариата, которая в недалеком будущем, несомненно, образуется в крае. К тому же и на сегодняшний день цифра рабочих значительно увеличится, если учесть строительных рабочих, рабочих, занятых на постройке железной дороги Пинюг — Устьсысольск, обслуживающий персонал электростанций (которых в 1919 г. было всего 1 на область, а ныне 12), а также рабочих других мелких вспомогательных предприятий. Нельзя, наконец, забывать при учете экономических сдвигов области такую ведущую отрасль народного хозяйства, как лесопромышленность. Лесной фронт в Коми-крае справедливо считается „фронтом выковывания социалистических кадров". Лес — главное богатство зырян, и в той системе специализации областей Союза, когда каждый край все больше и больше превращается в гигантский цех той или иной отрасли хозяйства — Коми-область выступает как ярко выраженный цех лесной промышленности. Если в довоенное время, равно как и в начале советского периода, сельское хозяйство превалировало в экономике края, составляя в 1912 г. 49% всей валовой продукции, а в 1926—27 гг. даже 50,8%, то с 1928 г. удельный вес его резко падает, и в 1929—30 гг. валовая продукция сельского хозяйства составляла только 36% общей продукции хозяйства области. Место сельского хозяйства, как основы экономики, начинает заступать лесная промышленность. Вместе со всем Северным краем, трудящиеся коми вкладывают свою лепту в общее дело социалисти-

---

[1] Стенографический отчет XII съезда, стр. 446.

ческого строительства путем развития этой отрасли промышленности. Ныне в условиях социалистической системы к ней больше не приложима та характеристика, которую находим у Ленина в „Развитии капитализма в России“, когда он говорит о царящих здесь „во всей своей силе кабале, trucksystem и т. п. спутниках „патриархальных“ крестьянских промыслов“. Ныне делается все, чтобы условия труда лесоруба максимально приблизить к условиям труда фабрично-заводского рабочего. Самый тип лесоруба меняется. Это уже в значительной мере не обрисованный Лениным сельский пролетариат, „имеющий ничтожные клочки земли и вынужденный продавать свою рабочую силу на самых невыгодных условиях“. Это скорее индустриальный рабочий, порывающий с крестьянским хозяйством и переселяющийся в лес, как на фабрику. Лес его не пугает больше своей дикостью, полуголодным режимом, зверской эксплоатацией и негигиеническими условиями труда. Кодекс законов о труде здесь также свято соблюдается, как и в городах, жилище он здесь находит гораздо более удобное, чем у себя в деревне, а по части электрификации, бань, столовых, библиотек, читален, клубов и пр. он оказывается почти в таких же условиях, что и рабочие многих промышленных центров.

Лес становится фабрикой, и это его приближение к промышленному предприятию идет прежде всего по линии все возрастающей механизации лесных работ. Завозятся тракторы, которых в 1931 г. в лесах Коми-области насчитывалось до 45 штук, строятся ледяные и снежно-балочные дороги, применяются всякого рода усовершенствованные орудия — шлюты, окорочные лопаты, хондаки, клямеры, пружинные пилы „Компис“, моторные пилы, шпалорезки и проч. Эта новая лесная техника является той базой, на основе которой растет и будет расти новый пролетариат. Конечно, лесозаготовки далеки еще от полной механизации; их техническое переустройство потребует еще не мало усилий, но оно поставлено в качестве неотложной задачи в порядок дня и будет выполнено в ближайшее время. Из фактора отсталости и невежества зырян, лес превращается в фактор их прогресса и культурного подъема.

Нет никакой возможности в небольшой главе осветить сколько-нибудь подробно те огромные достижения во всех областях, которых добились Коми за время своего 11-летнего существования в качестве автономной единицы. Об этом можно было бы написать специальную книгу. Нам здесь только хочется отметить один политический момент, необходимый для понимания этих необычайных успехов. В нашей стране, проделывающей неслыханную в мировой истории работу, проделывающей ее в исключительно трудных условиях — ни одно положительное достижение даже на небольшом участке работы не дается без борьбы, подчас весьма ожесточенной. Это не откровение, это скорее общее место, но об этом постоянно надо напоминать, дабы за эффектными цифрами и фактами наших побед не про-

смотреть этой проникающей всю нашу действительность борьбы и тем самым не перестать ценить самых побед, создав неправильное представление об их легкости. Социалистическое строительство это почти синоним жесточайших классовых боев, и констатировать, как в данном случае, его успехи на том или ином участке значит начать повествование об этих боях. Полна постоянных боев и история существования автономной области Коми. Трудовое зырянское население с удовлетворением может отметить этот факт, как свидетельство своей воли к социализму, ибо только таким боям оно обязано своими успехами.

Разумеется здесь, прежде всего, речь идет о борьбе с отклонениями от правильного пролетарского разрешения национального вопроса в условиях мирного социалистического строительства, борьбе с теми одинаково буржуазными тенденциями, которые носят название великодержавного шовинизма и местного национализма. Эти сцилла и харибда всех новообразовавшихся социалистических республик и национальных автономий хорошо известны Коми-области. С ними пришлось выдержать и сейчас приходится выдерживать немало крепких схваток.

Великодержавный шовинизм, как известно, представляется на данном этапе главной опасностью, и борьба с ним особенно тяжела. Он редко выступает с открытым забралом, он избегает широких деклараций и политических формулировок, он иногда удачно маскируется под социализм, но он пустил глубокие корни в аппарате, проник в тончайшие поры государственного организма и молчаливо и хладнокровно губит дело социализма. „То доверие, которое мы тогда (в гражданскую войну. — *Н. У.*) приобрели, — заявил т. Сталин на XII съезде, — мы можем растерять до последних остатков, если мы все не вооружимся против этого нового великорусского шовинизма, который бесформенно, без физиономии ползет, капля за каплей впитываясь в уши и глаза, капля за каплей изменяя дух, всю душу наших работников так, что этих работников рискуешь не узнать совершенно“.[1]

С таким-то явлением пришлось столкнуться молодой автономной области Коми с первых же дней своего существования. Когда мы говорили выше о медленности коренизации аппарата, мы имели в виду только объективные трудности, но мы не учитывали при этом давления великодержавных тенденций. Между тем, это давление было настолько сильным, что приходится удивляться, как эта коренизация, все-таки, несмотря ни на что, оказалась проведенной в жизнь. Если даже в таких крупных республиках с ярко выраженной национальной культурой и богатыми кадрами, как Украина и Белоруссия, дело коренизации аппарата проходило с необычайными шерховатостями, то не трудно представить, как обстояло на этот счет у зырян, о существовании которых не всякий житель прежней Российской империи подозревал. Идею зырянизации просто осмеивали, причем осмеивали не где-нибудь в центре, а в самой области Коми.

[1] Стенографический отчет XII съезда ВКП(б), стр. 444.

Русским, сидевшим в здешних учреждениях и не проникшимся еще пролетарскими принципами строительства в национальных областях, она представлялась практически неосуществимой, а по самому замыслу нелепой. Гораздо проще было продолжать прежнюю руссификацию, сулившую в недалеком будущем благополучное разрешение зырянского вопроса путем полного обрусения этого двухсоттысячного племени. По существу такой же позиции держалась и старая Коми-интеллигенция, патриотизм которой, как видно из предыдущих глав, был обратной стороной ее руссофильства. При таком настроении умов приходилось проводить это огромной важности дело, встречая на каждом шагу презрительные насмешки, скрытый и явный саботаж и вредительство. „Прошло полтора года с момента приступления к зырянизации — пишет один местный наблюдатель. — Необходимость ее проведения в партийной среде уже вполне осознана. Выявлен и взгляд населения. Но обыватель, главным образом устьсысольский, считающий себя интеллигентом, все еще не может помириться. Он теперь явно не поднимает вопроса о ненужности зырянизации (опасно, осмеют), но шипит в своем углу втихомолку, с сердцем плюет при появлении каждой новой коми-вывески и стремится использовать каждый удобный случай, чтобы публично оплевать начатое дело, выставить его в самом непривлекательном виде“. [1]

В таких публичных выступлениях не было недостатка особенно в первые годы существования автономии; руссификаторские настроения прорывались даже на партийных конференциях. На первом же всезырянском партсъезде, где решено было образование Коми-области, группа партийцев во главе с Нахлупиным и Сорвачевым резко выступила против выделения зырян в особую автономную единицу, мотивируя это грубостью и бедностью местного языка, невозможностью превратить его в язык литературный, а также тем, что „русские учителя убегут“. Им удалось повторить свою аргументацию через год на второй областной партконференции, и агитация их приобрела бы широкий размах, если бы ей своевременно не был дан отпор со стороны Наркомнаца.

Но это были откровенные проявления великодержавия, заявившего о себе во всеуслышание с общественной трибуны. А кто сочтет его обыденные ежедневные и ежечасные проявления, это медленное источение великодержавного яда, отравляющего дело социалистического преобразования бывшей отсталой царской колонии! Кто сочтет многочисленные шипы и уколы, наносимые национальному самолюбию трудящихся Коми, все мелкие травли коми-учащихся, зачастую имевшие место вне пределов области, высокомерие и грубость отдельных недостойных представителей великорусской народности, не отказывающих себе в удовольствии считать зырян „инородцами“, насмешливый скептицизм русского интеллигента относительно зырянской культуры и т. д.

[1] Н. Шахов, „Зырянизация“. „Коми-му“ 1925 г., № 10—11.

Эти проявления бесчисленны, и если мы на них здесь подробно не останавливаемся, то вовсе не вследствие их скудости и недостатка, а потому, что по условиям работы мы не имели возможности воспользоваться архивами контрольных комиссий органов РКИ и прочих учреждений, где отложились в течение ряда лет огромные пласты позорных фактов и дел. Впрочем, нет особенной надобности забираться в архивы, когда газеты и по сей день приносят известия о великодержавных выступлениях самого разнообразного характера. Достаточно указать, что в 1931 г. (год десятилетнего юбилея автономии), в газете „За новый Север" [1] сообщалось о заявлении гр. Цембера, взгрустившего по старым добрым временам земства, умевшего, якобы, насаждать просвещение в зырянской земле гораздо лучше, нежели это делает сейчас местная зырянская власть. Это юбилейное подведение итогов партийца Цембера было, повидимому, не единственным в своем роде, потому что та же газета сообщает еще о некоем Бызове, тоже партийце, который на десятом году существования автономии признал коренизацию аппарата „вредным делом". [2] Очевидно, таким же вредным делом признали подготовку местных кадров Жаворонков и Петров — бюрократы из устьсысольской типографии и „Коми-леса", систематически противодействовавшие на практике выращиванию таких кадров. Список героев великодержавного шовинизма мог бы быть увеличен, так как добивающихся высокой чести попасть в этот список достаточно много и по сей день. Поистине великорусский шовинизм составляет основу проявлений шовинизма, ибо, как было отмечено на XII съезде, „в последнем счете антирусский национализм есть оборонительная форма, некоторая уродливая форма обороны против национализма русского".

Однако на том же XII съезде устами Сталина и местному национализму была дана характеристика, как явлению в высшей степени опасному. „Если бы этот национализм был только оборонительный, можно было бы не поднимать из-за него шума. Можно было бы сосредоточить всю силу своих действий и всю силу своей борьбы на шовинизме великорусском, надеясь что коль скоро этот сильный враг будет повален, то вместе с тем будет повален и национализм антирусский... Да, это было бы так, если бы на местах национализм антирусский дальше реакции на национализм русский не уходил. Но беда в том, что этот национализм оборонительный превращается в наступательный". [3] Нэп, создавший условия для некоторого роста буржуазии и вызвавший в известных слоях надежды на реставрацию старого строя, явился в одинаковой степени питательной почвой для местного шовинизма, как и для шовинизма великорусского. Кулак и нэпман были явлением не одних только центральных областей России. Окраины, в том числе и такие, как область

---

[1] № 15 от 19 марта 1931 г

[2] Там же.

[3] Сталин. Доклад на XII съезде. Стенографический Отчет, стр. 447.

Коми, выделяли городскую и сельскую буржуазию в не меньшей мере, чем центр. Агрессивность местного национализма при нэпе стоит в тесной связи с этим нарождением новой буржуазии, ибо — как заметил Ленин — всякое националистическое движение есть движение буржуазное. А в Коми-области национализм обнаружил свой наступательный характер весьма откровенно и притом с первых же шагов образования автономии. Он буквально омрачил начало этой новой эры в истории зырянского народа. Мы имеем в виду эпизод, известный под именем „батиевщины", получивший свое прозвание от имени главного действующего лица, Д. Батиева. Батиев оказался в числе тех трех человек, что были посланы губернским съездом коми-работников по просвещению в Москву для возбуждения вопроса перед центральной властью о выделении Коми в особую автономную единицу. Успешно выполнив эту миссию и вернувшись обратно, Батиев начинает играть видную роль в крае. На первой Всезырянской конференции РКП(б) он уже выступает вождем целой группы и выдвигает сугубо националистическую платформу. Он берет курс на создание не Автономной области, а республики, в которую должны войти не только земли по Вычегде, Сысоле и Печоре, но и земли Камских коми—Чердынский и Усольский уезды, а также Зюздинский край Вятской губ. Он развивает эффектную картину объединения зырян, пермяков, ижемцев и даже вотяков в единой мощной республике, которой будет принадлежать весь северо-восток бывшей Российской империи. Эта „единая неделимая" Коми-республика навсегда осталась его idée fixe. Впоследствии он не раз с грустью вздыхал: „Да, Автономная область Коми создана. Но в ней недостает еще многого. Между прочим, такие же коми, как и мы — пермяки, с коими мы общи по языку и по быту и экономические интересы которых совпадают с нашими — остаются разъединенными; не присоединены к Коми-области также и низовья р. Печоры — т. е. остается невыполненным постановление I Всекоми-Конференции РКП(б), подтвержденное I, II и III съездами советов Коми. Но мы знаем, мы твердо верим, что будущее за нас, что пермский народ — пермяки и зыряне, составят отдельную республику". [1] Поэтому образование Зырянской автономной области он считал лишь первым шагом на пути к этой республике, построив соответствующим образом всю свою политику. А политика была в высшей степени любопытная. Получив высокий пост главы Коми-представительства в Москве и сделавшись влиятельнейшей фигурой в крае, он издает свой знаменитый „приказ № 1", коим воспрещалось всем коми-районам (пермякам, ижемцам и т. д.), не включенным в автономную область, подчиняться своим губисполкомам. Далее, он начинает вести усиленную пропаганду в Пермяцком округе за присоединение его к области, а параллельно с этим вновь и вновь ставит этот вопрос перед

---

[1] Д. Батиев, „К трехлетию Автономной области Коми." „Коми-му", 1924 г. № 3.

центральными инстанциями на предмет его практического разрешения. В печатных органах коми появляется ряд статей, доказывающих необходимость объединения с пермяками, аргументируя и от истории, и от этнографии, и от экономики. Выражаются соболезнования по поводу несчастной участи пермяков, которые хотя и выделены в особый национальный округ, но не включены в Устьсысольскую республику. Кстати сказать, сами пермяки, получившие в 1925 г. автономию, нисколько не скорбели о своей судьбе и, повидимому, относились довольно равнодушно к планам великого собирателя земли зырянской. Но Батиева это нисколько не смущало. Забыв большевистскую аксиому, что „кроме права народов на самоопределение, есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение“, что в тех случаях, когда это нужно, „право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру“, [1] Батиев упорно добивался осуществления своих буржуазно-националистических фантазий. В ожидании будущей республики, он уже закладывал основание для выхода ее на мировую арену. Культурной связи с Москвой ему показалось мало, понадобилась связь с Парижем, и он затевает какой-то журнал на французском языке. В целях поднятия экономики области, он тратит бешеные деньги, выписывая откуда-то из Сибири особые сорта пчел. С течением времени политика этого зырянского Кавура приобрела все признаки авантюры и под конец переросла в уголовщину, по каковой причине и пресеклась „государственная деятельность“ Батиева. Воспользовавшись своей близостью к центральной власти, он стал вершить судьбами коми из Москвы, отодвинув на задний план областной совет с его исполкомом, а дабы освободиться вообще от всякого контроля с его стороны, он завел у себя бланки и вторую печать исполкома. [2] Подвиги его закончились арестом и судом.

Что Батиев, объективно, продолжал в период нэпа политику прежней националистической интеллигенции толка Д. Попова, направленную на создание буржуазной республики, — не подлежит сомнению. Об этом свидетельствует вся аргументация его в пользу присоединения к зырянам пермяков. Батиев самым наивным образом вскрывает истинную причину своих забот о пермяках. По его словам, „жизненность связи с ними диктуется тем, что самый дешевый хлеб для Печоры можно достать только от пермяков“. Стоимость пуда хлеба на Печоре равнялась в то время 3—3½ руб., тогда как в Пермяцком округе он стоил всего 50 коп., и переброска его на Печору вследствие удобства путей сообщения была самая легкая и дешевая, несравненно дешевле, чем доставка морем из Архангельска. Батиев поэтому с цифрами в руках доказывал, какие выгоды получат зыряне

---

[1] Сталин — заключит. слово по национальн. вопросу на XII съезде.

[2] Потапов Я. „Отдельные моменты из истории организации Коми-области“, „Коми-му“ 1929 г., № 3.

от включения в свою область пермяков. „Действительно — рассуждал он—примем, что хлеб на месте стоит 1 р. 25 к. (вместо 50 коп.) за пуд, доставка его на Печору 25 коп. и организационные и другие расходы 25 коп. — отсюда вся стоимость одного пуда хлеба выразится в 1 р. 75 коп. за пуд, т. е. получили бы выгоды по 1 р. 75 к. с каждого пуда. При потреблении Печорским краем ежегодно около 300 тыс. пуд. хлеба, это дает экономию в размере 525 тыс. руб. золотом, что явится конечно колоссальной суммой в укреплении экономического положения области".[1] Расчеты его относительно выгод, могущих последовать для зырян — были безусловно правильны, но получат ли от объединения такие же выгоды пермяки, это его, повидимому, не интересовало. Сами же пермяки, несмотря на хорошие пути сообщения, хлеб на Печору не везли. Этот факт, свидетельствующий о хозяйственном тяготении пермяков скорее к Уралу, чем к Коми-области, и послужил, надо думать, причиной упорного стремления Батиева включить Пермяцкий округ в Коми-республику. Раз пермяки сейчас не везут хлеба на Печору, они повезут его, будучи в составе Зырянской области и управляясь из Устьсысольска. Присоединение таким образом означало для пермяков отказ от прежних связей и превращение в нечто, похожее на зырянскую колонию. Уже в этих рассуждениях Батиева, как бы игнорирующих существование советской власти и социалистических методов хозяйствования, но исходящих исключительно из меркантильных кулацких соображений, проступают контуры кондратьевщины, распустившейся пышным цветом с его легкой руки. Имея такого высокопоставленного вождя и вдохновителя, кондратьевщина в крае распоясалась до последней степени. Дошло до того, что прежние земские деятели, бывшие в эпоху гражданской войны главарями буржуазно-националистического движения, всплыли опять на поверхность в качестве „теоретиков" и „идеологов", заполняя своими статьями местные органы печати. Особенно посчастливилось в этом отношении журналу „Коми-му", издаваемому самим Облисполкомом, где в качестве писателей, определявших физиономию этого журнала, фигурировали такие лица, как известный нам А. М. Мартюшев — первый председатель кулацкого уисполкома в 1918 г., как видные члены того же исполкома — А. Чеусов, Кононов и Богданов, как бывший земец В. Ф. Попов, сменовеховец и белоэмигрант Мосшег и др. Сотрудничество Мосшега в „Коми-му" особенно любопытно, потому что он, не будучи даже советским подданным и проживая в Финляндии, сумел быть не только наиболее плодовитым из всех корреспондентов журнала, но и приобрести в нем ведущую роль. Стараниями этих лиц, журнал с самого начала превратился в орган пропаганды националистических и кулацких идей. Все проекты и наметки старого земства в области путей сообщения, сельского хозяйства, промыслов и даже народного образования, были извлечены

---

[1] „К вопросу об объединении всего народа Коми", „Коми-му" 1924 г., № 4—6

на свет и преподнесены в качестве последнего слова планирования трудящимся коми. В ряде статей доказывалась жизненность, возможность процветания в будущем сельского хозяйства и раздавались призывы к местной власти обратить сугубое внимание на поддержку наиболее „старательных" крестьян. Земледелие объявлялось базой народного хозяйства коми на весь ближайший период. Идея промышленного перерождения страны на основе развития лесного дела была глубоко чужда „теоретикам" из „Коми-му". Она чужда была и областным планирующим органам, зараженным кондратьевщиной в неменьшей степени. В наметках конъюнктурного бюро Облплана лесопромышленности уделялось ничтожное внимание; на первом месте фигурировали земледелие, скотоводство, охота, рыболовство и прочие традиционные зырянские промыслы. Никакого намека на специализацию области в каком-либо одном направлении, никакой попытки направить хозяйство с точки зрения разделения труда во всесоюзном масштабе, не заметно. Напротив, преобладает стремление во что бы то ни стало „гармонично" развивать все возможные отрасли хозяйства с таким расчетом, чтобы все необходимые предметы у зырян были свои собственные.

В переводе на обычный язык это означало превращение Коми-области, даже ценой экономической и культурной отсталости, в изолированный край, в какую-то Британскую империю, обладающую всем необходимым, чтобы не зависеть от внешнего мира, замкнувшись в особом хозяйственном организме. Эта splendid isolation сквозит во всех экономических статьях „Коми-му". По словам одного из руководителей Облплана, обширный Коми-край, включая низовья Печоры и Пермяцкий округ, „представляет собою мощный хозяйственный организм. Его районы, несколько отличаясь друг от друга в отношении естественно исторических условий, в то же время дополняют друг друга в отношении хозяйственно экономическом. Каждый район области является одним из звеньев, замыкающим общую экономическую гармонию Коми-территории".[1]

Чем это не Британия с ее доминионами и колониями, и как после этого не добиваться включения в область пермяков, без которых гармонии не получается. „Экономические интересы Автономной области Коми могут и должны быть в основном увязаны внутри самой Автономии, к чему соответствующие предпосылки как экономического, так и национального порядка имеются, а именно: присоединение к Автономной области Коми в настоящем ее составе Коми-Пермяцкого края (округа Уральской области), с одной стороны, и Нижней Печоры с островами Ледовитого океана, примыкающими к территории Коми-области, с другой, с одновременным восстановлением и улучшением водных и грунтовых путей связи и транспорта".[2]

---

[1] А. Бабушкин. „Экономические контуры Печоры", „Коми-му" 1925, № 10—11, стр. 54.

[2] „Коми-му", 1925 г., № 3—4. Передовая, стр. 28.

Следует заметить, что зырянские патриоты и впрямь мечтали превратиться в будущем если не в Британскую Империю, то, во всяком случае, в „великую державу“. К этому обязывали те богатства „мирового значения“, что заложены на территории Коми-края. Печора богата залежами угля, на Ухте имеется месторождение высококачественной нефти, эксплоатацию которой застопорил в свое время Нобель, боясь конкуренции; в ряде других районов обнаружены следы железной руды, огнеупорных глин, фосфоритных залежей и т. д. Наконец, область имеет необъятные леса, которые, будучи пущены на экспорт, могут дать огромные прибыли. Об этом красноречиво говорил в свое время Д. Попов. Область действительно имеет большие перспективы в смысле промышленного развития и все, как местные, так и центральные, органы социалистического планирования, держат курс на это индустриальное преобразование зырянского края. Но в рассуждениях националистов всех оттенков ни о каком социалистическом характере будущей индустриализированной Коми-области заключить нельзя. Разработку своих „мировых богатств“ они мыслят произвести не в тесном сотрудничестве со всем Советским союзом, а замкнуто и обособленно от него. Природные богатства Коми должны быть достоянием только Коми—твердят они, как будто со стороны остальных трудящихся СССР существует покушение на эти богатства. „Автономная область в существующем виде—говорил один из батиевцев—приносит зырянам только вред. Население эксплоатируется. Четыре года заготовляли и отправляли лес, но ничего за это не получили. Имея десятки миллионов десятин леса, неисчерпаемые богатства в недрах земли—мы нищие“.[1] Нередки были попытки представить Госторг, Облсоюз кооперативов и другие органы, ведавшие заготовкой пушнины на территории Коми-края, в виде колониальных хищников, заступивших место прежних купцов. Больше всего зырянских „экономистов“ раздражало то обстоятельство, что эти органы закупали пушнину не на деньги, а в порядке товарообмена, доставляя непосредственным производителям—охотникам все необходимое в натуре, избавляя их от вековечной кабалы кулаков. Тем самым, по словам одного „экономиста“, „в невозможное положение оказалась поставлена та часть населения области, которая имеет заработок в денежном исчислении“.[2] Более откровенную защиту кулацких интересов трудно себе представить. Область не должна терпеть каких бы то ни было внешних вторжений в ее владения; она сама распоряжается своими богатствами и продает их так, как это ей выгодно—вот основная мысль, проводимая через все статьи и выступления националистов. Вместе с тем вполне открыто и официозно подчеркивается, что „Автономная область Коми, в силу своих территориальных, экономических и нацио-

---

[1] Протоколы II Облпартконференции. Цитируется по статье И. Кутькина, см. „Большевистская мысль“ 1931 г., № 10—11.

[2] „Коми-му“.

нальных особенностей ни административного, ни культурного, ни существенного экономического тяготения к соседним губерням (и областям), равно как и к проектируемой Северо-Восточной области, с ее центром в гор. Архангельске, не имеет".[1] Невольно возникал вопрос: к кому же она в конце концов тяготеет? Уже не к загранице ли?

Во всем этом чувствуется прямой отзвук речей Попова на Устьсысольском уездном съезде советов в 1918 г. Действительно, если внимательно присмотреться, то в высказываниях батиевцев и теоретиков из „Коми-му" не трудно подметить контуры той буржуазно-националистической программы, что развивалась в свое время Поповым, Мартюшевым и другими эсэрами. Мы видим в период нэпа полную реставрацию этой программы, идущую вплоть до воскрешения планов грандиозных железнодорожных линий и постройки собственного порта с целью выхода на мировой рынок. Латкинский план продолжает довлеть над умами коми-плановиков, и солидарность с ним высказывается вполне открыто. „Весь этот широко обдуманный план—заявляет некто Чожмор—не мог быть исполненным. Печорская компания распалась. Царская Россия с ее абсолютизмом не могла дать такой громадный толчок краю. И лишь в XX столетии, в наше время, мы вновь возвращаемся к некоторым проектам, задуманным еще сто лет тому назад. В. Н. (Латкин) писал: „придет ли пора, когда жизнь промышленная озарит богатства здешней пустыни и богатства эти принесут пользу человечеству...." Пора настала, но лишь столетием позже. Широко задуманный пятилетний план областного строительства ставит ряд задач, которые были намечены уже сто лет тому назад, одним из первых выходцев коми-народа".[2] План этот почти не подвергся изменению. Идея соединения бассейнов Камы, Печоры и Вычегды осталась, постройка порта на Ледовитом океане осталась. Разница заключалась лишь в том, что порт теперь проектировался не в устье Печоры, а в устье Индиги. Наконец, осталась в полной неприкосновенности идея связи Коми-края с Сибирью. Все проекты железнодорожного строительства, несмотря на разницу в деталях, сходятся на том, что Обь является конечным средоточием всех линий. „Проблема железнодорожного строительства Коми-края—писал Бабушкин—должна ставиться в такой плоскости, чтобы она разрешила одновременно в положительном смысле вопрос кратчайшего выхода сибирской экспортной продукции на мировой рынок и обслуживание интересов Северного Урала и Камского Приуралья". „Коми-край—ближайший сосед Сибири, имеет ближайший к Сибири и Уралу Печорский порт и бухту

---

[1] „Коми-му", 1925 г., № 3—4, стр. 27.

[2] Чожмор, „Несколько слов о В. Н. Латкине", Коми—му", 1928 г., № 9—10, стр. 83.

[3] А. Бабушкин. К железнодорожному строительству в Коми-крае, „Коми-му" 1926 г., № 5, стр. 9.

Индиги, куда должен быть кратчайший пробег грузов. За этими портами все преимущества по экспорту". [3] Колониальная эксплоатация Сибири и вывоз тамошних богатств за границу, издавна прельщавшие зырянских купцов, овладели помыслами и людей нашего времени, призванных вести свой край по пути социалистического хозяйства. Что Коми-облплан был заражен кондратьевщиной и целиком разделял воззрения националистов в роде Мартюшева, можно судить по цитированной выше статье Бабушкина, заместителя председателя Облплана, взявшего основные мысли своей статьи из старого националистического проекта, вновь развитого Мартюшевым на страницах „Коми—му". [1] Он в свое время не мало пролил чернил, доказывая необходимость включения низовьев Печоры в состав Коми-области, дабы получить в свои руки ключи от главнейших путей на Обь. Без низовьев Печоры, как без Пермяцкого округа, Коми-область лишилась бы той территориальной гармонии, что так прекрасно им описана. Эта борьба за пути, за территории, за сферы влияния, характерная для какой-нибудь капиталистической страны, но абсолютно непонятная в условиях советской действительности, может быть объяснена только буржуазными кулацкими влияниями, охватившими руководящую верхушку Коми-области. В подтверждение этого нельзя не сослаться на один чрезвычайно любопытный факт. Насколько горячо зырянские политики требовали национального самоопределения пермяков в виде присоединения их к зырянской автономии, настолько упорно противились они самоопределению ненцев (самоедов), решительно возражая против выделения особого Ненецкого округа. Зная, в какой давней колониальной зависимости находились ненцы у печорских коми, мы легко поймем чисто кулацкие великодержавные мотивы такой политики. Особенно ревностным противником ненецкой автономии выступил все тот же рыцарь Печоры А. Бабушкин. Прежде всего он с негодованием отвергает мысль о какой бы то ни было эксплоатации самоедов зырянами-ижемцами. „Это все великорусские инсинуации, имеющие целью поссорить друг с другом родственные народы. Напротив, ижемцы явились благодетелями ненцев, развив в этих полярных краях промысловое оленеводство и показав его ненцам, как новый высший образец хозяйства. Шефство зырян над ненцами обусловлено исторически". „Сталкивание с древнего времени этих народностей—самоедов и коми—дает право говорить о „родственности", об идентичности хозяйственных интересов между ними. Исторический процесс хозяйственной жизни связал эти народности: они стали иметь хозяйственную зависимость, общие интересы. Целый ряд веков отметил связь этих народностей, как одного целого, неделимого. Взаимоотношения этих народностнй создали прочноустойчивую экономику Севера. Поэтому теперь они

---

[1] А. Мартюшев. „Наиболее характерные разногласия в вопросе железнодорожного строительства на севере", „Коми-му", 1926, № 7.

имеют историческое и какое угодно право на объединение в интересах более быстрого расцвета хозяйственной жизни полярного Севера". [1]

„Самоедину необходима близость с родственной ему нацией, стоящей в культурном отношении выше его и могущей дать ему свой опыт и знания. Через посредство этой нации самоедское племя могло бы найти ключ к культурному возрождению". [2] Высказывания такого крупного зырянского деятеля, как А. Бабушкин, не могут рассматриваться только как выражение его личных взглядов. Передовица одного из номеров „Коми-му" защищает идею унии самоедов с зырянами почти в тех же выражениях. „Как национальные, так и экономические интересы самоедского населения—говорится в передовице—теснейшим образом связаны с аналогичными интересами коми-народа, поскольку вся хозяйственная жизнь как оседлого, так и кочевого весьма немногочисленного самоедского населения, теснейшим образом переплетается с хозяйственной жизнью коми-населения Печорского бассейна и, в частности, поскольку основной отраслью самоедского тундрового хозяйства является оленеводство, неразрывно связанное, в силу специфических особенностей кочевого тундрового хозяйства, с значительно более развитым оленеводческим хозяйством коми-ижемцев. На ряду с этим, в противоположность кабинетному архангельскому проекту выделения самоедов в особую территориальную единицу, что технически является абсолютно невыполнимым и вместе с тем совершенно неприемлемым с точки зрения хозяйственной целесообразности ни для самих самоедов ни для коми-населения, вполне технически возможно и необходимо организовать в составе Автономной области Коми—автономное „Самоедское управление". [3]

Букет кулацко-националистических тенденций, пышно распускавшийся с 1921 г., наивысшего цветения достиг в 1928—29 гг. К этому времени влияние „теоретиков" из „Коми—му" сказывалось буквально во всех областях и на всех фронтах строительства края. Мосшег разражался многочисленными статьями о древнем величии зырянского народа, заламывая такие фантастические картины этого величия, что в нем без труда можно узнать своеобразный тип историка, для которого „тьмы низких истин дороже нас возвышающий обман". Этнографы и археологи в роде профессора Налимова, Грена, Сидорова, Чукичиева и др. преподносили читателю свои наблюдения в таком аспекте, чтобы сам собою вытекал вывод о существовании патриархальных отношений в Коми-области по сей день. Заботливо собирая остатки патриархальных пережитков, группируя свой материал соответствующим образом и не оговаривая наличия в стране давнишних и глубоких классовых рассло-

---

[1] А. Бабушкин. „О самоедах (яренах), „Коми-му", 1925; № 1, стр. 21.
[2] Там же, стр. 21.
[3] „Коми-му", 1925, № 3—4, стр. 30.

ений, они медленно, по крупицам создавали ту народническую концепцию о якобы бесклассовой первобытно-коммунистической природе зырянина, о которой упоминалось в одной из предыдущих глав. В этот же период канонизируются и возводятся в сан апостолов национальной культуры коми все сколько-нибудь видные фигуры старой буржуазной интеллигенции. Пишутся полные теплоты и задушевности статьи памяти Т. С. Лыткина и К. Ф. Жакова. Когда пришло известие о смерти Жакова, умершего в 1926 г. в Риге в эмиграции, в Устьсысольске в здании Облисполкома состоялся торжественный вечер воспоминаний, посвященный его памяти. На этом вечере вся старая уездная земская интеллигенция имела возможность блеснуть в полной мере. Старые учителя, лесоводы, агрономы, бухгалтеры, из которых иным было лет под 70, с необычайным подъемом и пафосом говорили о том, кто в продолжение десятилетий был властителем их дум. По словам журнального отчета, „из всех выступлений обрисовалась действительно гигантская фигура Калистрата Фалалеевича Жакова, ярким метеором прозревшего быт коми-деревни, оригинальностью и самобытностью (sic) своего мировоззрения и своих ученых трудов внесщего не малую лепту в русскую науку“. [1] В этом же отчете дана превосходная формулировка основной темы, господствовавшей на вечере. „К. Ф. Жаков является символом возрождения к культурной жизни коми-народа, символом его юности. И своим геройством, простотой, энтузиазмом и жаждой жизни и познания он долго еще будет воодушевлять сердца „коми“. На ряду с этим идет усиленное изучение и популяризация буржуазной финнологии. Такие имена, как Альквист, Вихман, Сеттеле, произносятся с благоговением; всякое слово о зырянах, сказанное в Гельсингфорсе, ловится на лету и принимается без критики. Один из молодых коми-ученых В. Н. Лыткин едет в Гельсингфорс и в продолжение двух с лишним лет занимается в тамошнем университете под руководством профессора-фашиста Вихмана. Во всем этом нельзя не усмотреть поисков более культурного буржуазного шефа, каковым для прежней зырянской интеллигенции всегда были финны.

Насквозь крестьянский характер страны, отсутствие собственного пролетариата, недостаток выдержанных и закаленных в революционной борьбе кадров были причиной того, что до поры до времени на поверхность политической и культурной жизни коми всплыли буржуазные элементы. Сама парторганизация была заражена ими. Все буржуазно-шовинистические платформы, все высказывания Батиева и его единомышленников находили поддержку и одобрение в высших партийных инстанциях Области. Так IX и X Облпартконференция решительно высказались против образования Ненецкого округа, а предыдущие конференции столь же решительно настаивали на присоединении к Области пермяков. Как отметила впоследствии XI Облпартконферен-

[1] „Коми-му“, 1926 г., № 5, стр. 48—49.

ция, „партийное и советское руководство этих лет вело сельское хозяйство по капиталистическому пути (вместо наступления на кулака—выращивание и поощрение кулака), явно недооценивая и прямо игнорируя производственное кооперирование и коллективизацию сельского хозяйства“. Только могучим движением трудовых масс в ходе социалистического строительства, а также при помощи всего пролетариата Северного края и краевой парторганизации, был произведен решительный нажим на капиталистические элементы в Коми-области. С сокрушением этих элементов был нанесен смертельный удар и всем буржуазно-капиталистическим теориям и платформам и в то же время лучшие элементы в парторганизации обрели достаточно силы для борьбы с оппортунизмом в своих рядах. Такой перелом обозначился в 1929/30 г. Правда, это был одновременно момент наибольшей активизации буржуазных элементов. Кулацко-националистические круги проявили необычайную наступательную силу, но эта последняя вспышка национализма, связанная ныне с именем Коюшева, была последней. Новый период в жизни Коми-области, начавшийся в 1929 г., заслуживает особого внимания. Он проходит под знаком трех величайшей важности моментов — вхождения области в состав Северного края, окончательного ее поворота лицом к лесной промышленности, превратившей Коми на ряду с остальными районами Севера во „Всесоюзную лесопилку“, и наконец ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Все эти три явления открывают новую эру в истории коми. Новое районирование Советского союза, проведенное в целях наиболее успешного строительства социализма, в основу которого была положена идея создания мощных, хозяйственно цельных территориальных объединений, разбивающих страну на ряд гигантских производственных цехов—предусматривало включение Автономной области Коми в Северный край с Архангельском во главе. Это решение партии и центральной власти вызвало бурю негодования в оппортунистических кругах руководящей верхушки Коми-области. Местная печать наполнилась множеством статей, протестующих против такого, якобы, покушения на национальную автономию зырян. Тон некоторых статей был явно угрожающий. „Рассматривая вопрос о связи с Архангельском, как с центром Северо-восточной области, с точки зрения приближения центральной советской власти к населению, можно с определенностью установить, что при существующих путях сообщения с присоединением Коми-области к проектируемой Северо-восточной области, для населения коми произойдет не приближение, а удаление от центральной власти“.[1] Первое слово в этой журнальной кампании было предоставлено неизменному Мартюшеву, наговорившему особенно много колкостей по адресу центра и Архангельского Облплана. „Быть бычку на веревочке, а Коми-области в составе Северо-восточной области—иначе нет

[1] „Коми-му“, 1925 г., № 3—4, стр. 28.

ей спасения", —иронизировал он. „Где же Коми-области, культурно бедной, экономически слабой, справиться без Архангельска?" „Если экономическое районирование—простая областная реформа по указке свыше, то так открыто и надо говорить. Таких реформ север России знает уже много. Когда-то он делился на „погосты" и „земли" и управлялся из Москвы приказами „большого дворца": было и Петровское деление на Архангельскую губернию со всеми Солями Вычегодскими, Пустозерскими острогами и т. д. Пережил Север и времена „провинций", „воеводств", „станков".[1] Мартюшев развил тонкую пропаганду, запугивая массы тем, что „Коми-область в случае включения ее в Северо-восточную область может попрежнему остаться только сырьевым придатком для Архангельского порта".[2] Он дал, таким образом, основные пункты, по которым развертывалась в дальнейшем аргументация против вхождения Коми в Северный край. В статье „Почему нам не следует районироваться в одну область с Архангельском",[3] некто П. только варьировал эти „установки" Мартюшева. „Коми-области нельзя районироваться в одну область с Архангельском, потому что у Коми-области, в настоящее время не имеющей хозяйственной связи с Архангельском, имеются самостоятельные перспективы хозяйственного развития, резко расходящиеся с перспективами развития остальной части СВО... Победа Архангельского плана для Коми, включение Коми-области в одну область с Архангельском под эгидой „Всесоюзной лесопилки" в Архангельске, работающей на экспорт,—означает хозяйственный застой Коми-области на долгие годы". Вздорность и лживость этих утверждений сейчас доказана самой жизнью. Опыт трехлетнего пребывания Коми в составе Северного края показал, что ни о каком застое не может быть и речи. Напротив, за этот короткий промежуток времени она продвинулась и развилась так, как не развивалась за все предыдущие годы своего существования. Лесопромышленность, сделавшись господствующей отраслью хозяйства, создала настоящую прочную основу для культурного развития и экономического благосостояния трудящихся коми. В свою очередь, и коми с момента вхождения в Северный край, вписали самую блестящую страницу в историю своих побед. Если героической борьбой в период гражданской войны они завоевали себе автономию и почетное место среди народов Союза, то в качестве активных борцов за социализм в период мирного строительства они заявили себя как лесорубы, как герои „Всесоюзной лесопилки".

Благоприятные для области результаты ее вхождения в край были констатированы уже IX Областным съездом советов в январе 1931 г., отметившим, что „после вхождения Коми-области в Се-

---

[1] „Несколько слов о методах работы Северо-восточного Облплана по вопросу о районировании СВО", „Коми-му", 1926 г. № 1—2, стр. 40—41.
[2] Там же.
[3] „Коми-му", 1928 г., № 7.

верный край, область пошла по пути еще более быстрого хозяйственно-культурного развития и ликвидации национального неравенства". Об этом же говорят и цифры. Если в 1928 г. капиталовложения в народное хозяйство области составляли 6170 тыс. руб., то в 1929/30 г. вложения простирались до суммы 18 739 тыс. руб. Если областной бюджет, по доходам в 1927/28 г. составлял 4 262 322 руб., то в 1931 г. он возрос до 12 247 840 руб.[1]

Развитие лесозаготовок твердо определило путь коми к социализму. Это был в то же время путь ожесточенных классовых боев, так как лесозаготовки явились рычагом наступления трудовых масс на кулака. Разбивая своей „односторонностью" кулацкую политику гармоничного развития всех отраслей народного хозяйства, лесозаготовки не могли не вызвать бешеного сопротивления и попыток их срыва со стороны сельской буржуазии. Лесозаготовки переворачивали весь старый уклад деревни, благоприятствовавший процветанию кулачества, и вполне понятно, что вокруг них развернулась упорная классовая борьба, нашедшая особенно яркое выражение в перевыборной кампании в советы 1930/31 г. Здесь кулачество обнаружило такую активность, которая живо напоминала 1918 г. Так, „в Слудке Прилузовского района один кулак с подкулачниками ворвались в помещение, где происходило совещание сельского актива, и с выкриками контрреволюционных лозунгов бросились на участников собрания, избив некоторых из них. Такие же случаи были в Корчемье и Пезмоге, когда активистов деревни кулаки избивали до полусмерти. В Усть-Куломском районе кулаки ходили по дворам и агитировали против советской власти. В ряде мест кулаки через своих агентов проводили открыто контрреволюционную агитацию. Так, в Усть-Куломе подкулачник Игнатов на отчетном собрании избирателей открыто агитировал против советской власти.

Он же на призыв представителя партъячейки собрать средства в фонд укрепления обороноспособности страны призывал участников не давать ни одной копейки.[2] Борьба с кулачеством была тем ожесточеннее, что почти одновременно с вступлением в Северный край, коми вступили в период наиболее интенсивной коллективизации. Это был второй фактор наступления на капиталистические элементы деревни.

Сильные поддержкой северного пролетариата и краевой парторганизации, зырянские трудовые низы начали успешно теснить кулачество. Кулак завопил, и тогда-то выступила на сцену его последняя опора в лице оппортунистической верхушки областного аппарата и парторганизации во главе с Коюшевым. Эта группировка возникла не внезапно, и оппортунизм ее был не мгновенной вспышкой. Это была лишь особая трансформация,

---

[1] Десять лет социалистического строительства Автономной области „Коми" стр. 7—8.

[2] „Десять лет социалистического строительства Автономной области коми" стр. 25.

вернее, прямое продолжение батиевщины. Еще в своих двух книжках, выпущенных в 1925—26 гг. („Политграмота для коми-крестьян“ и „Коми“) Коюшев проводит любимые батиевские параллели между „прежде“ и „теперь“, утверждая, будто положение нисколько не изменилось, и зыряне попрежнему представляют собой русскую колонию. Единственным путем к подлинному освобождению он считает путь собирания воедино всей зырянской земли (включая пермяков), полное невмешательство извне в хозяйственную деятельность, устройство порта для самостоятельного выхода на мировой рынок, наконец поиски какого-то „хозяина“. „Не нужно молчать—взывал он,—а начать кричать, чтобы наш голос был слышен до Москвы. Если работать будем, коми-землю сумеем объединить, собрать, завязать речные пути и поднять кругом. Итти всем вперед да вперед. Надо объединиться всему коми-народу, все хозяйство взять в свои руки и найти хозяина“.[1] Кто этот таинственный „хозяин“, Коюшев не сообщает, но самое умолчание о нем наводит на грустные размышления. Коюшев является автором той оригинальной версии, которая отрицает наличие кулачества в Коми-крае. По его мнению, о борьбе с кулачеством у зырян не может быть и речи. „Мне крестьяне говорили: вы, обучившись грамоте, будете защищать зажиточных, трудящихся забудете. Среди нас, среди образованных людей есть много скверных, скажем, сыновья попов, заботящихся о себе, но, они, во-первых, обучались в советской школе, во-вторых, будут получать жалованье. Такие за деньги будут работать дьяволу. Затем, зажиточных у нас нет, а что остались, понемножку исчезнут. Отсутствующим буржуям работать не будешь... Умные люди будут руководить жизнью хозяйства. Хозяйство в руках государства. Государству работаем, у государства получаем. Отдельно, своими орудиями производства работающие через кооперацию врастут в новую жизнь“.[2] Этот-то Коюшев, сделавшись председателем областного исполкома, не постеснялся открыто выступить против политики партии и центральной власти. Будучи несомненной агентурой кулацко-националистических кругов, он выбрал для своей атаки такой пункт, где победив можно было рассчитывать на победу и по всем другим линиям кулацкой программы. Он не возражал ни против коллективизации, хотя говорил о ней чрезвычайно скупо и нехотя, ни против лесозаготовок. Это было бы чересчур откровенным оппортунизмом и контрреволюцией. Он ударил в корень всех этих вопросов, сделав попытку освободиться от краевого руководства областью. В 1929 г. он выступает на сессии ВЦИК по докладу о контрольных цифрах и бюджету с клеветнической речью против северного краевого руководства. „По Северному Краю — заявил он — мы имеем нарушение самых элементарных прав Автономной области Коми“. „Область Коми

---

[1] Цитируется по статье И. Кутькина, Коми Областная Парторганизация за 13 лет, „Большевистская Мысль“, 1931 г., № 10—11.

[2] Там же.

не нашла целевого отражения в контрольных цифрах края, при составлении контрольных цифр краевые органи произвели деление края на интересы самого края, требующего основной заботы, и на область Коми, являющуюся некоторым придатком края, не требующим особого внимаиия.“[1]

Дерзость этого выступления вызвала негодование у всех здоровых элементов коми-парторганизации, тем более, что на той же сессии ВЦИК Коюшеву была с цифрами в руках доказана лживость его утверждений. Это выступление явилось своего рода толчком, поднявшим зырянских большевиков на борьбу с оппортунистическим засильем внутри своей организации. Под руководством и при поддержке Северного краевого комитета ВКП(б) борьба эта прошла с полным успехом, явившись образцом большевистской непримиримости к уклонам и имея большое воспитательное значение. По словам одного из теперешних руководителей Коми-Обкома, „Коми парторганизация первый раз в истории своего развития сумела поднять вопрос до принципиальной высоты, по-большевистски развернула борьбу с агентурой коми-кулака. Организация вся, на основе решений мартовского пленума ОК и ОКК решений Крайкома по докладу ОК и решения Краевой контрольной комиссии по докладу ОКК была поставлена на рельсы большевизации“.[2] Эта большевизация успешно продолжается по сей день, выковывая из зырянских коммунаров стойких борцов за дело социализма.

Таковы были основные линии упорной классовой борьбы за создание Автономной области Коми и за превращение ее в подлинно социалистическую страну. Без этой борьбы, снова повторяем, не мыслимы были бы те успехи, которыми она сейчас с полным основанием может гордиться. Небольшой двухсоттысячный народ добился в своем захолустье за короткий промежуток времени не только поднятия своего хозяйства на степень, превосходящую довоенный уровень, не только технически перевооружил и усовершенствовал его, но и ввел его в социалистическое русло. В области коллективизации он шагнул так далеко, что его темпы следует признать не меньшими, чем темпы всего Северного края. Если на весну 1931 г. Коми-область насчитывала 32% коллективизированных хозяйств, то в 1932 г. процент их доходит до 51,5.

Кроме того, сельское хозяйство пережило за годы автономии настоящую техническую революцию.

Сейчас подсечной системы нет и в помине. Коми перешли к культурным методам обработки земли, и усовершенствованные орудия, бывшие доселе величайшей редкостью в крае, проникли сюда в огромном количестве, вытеснив допотопную деревянную соху и суковую борону. „За последние 7 лет с 1924 г. по 1930 г. включительно, завезено в область: плугов — 34 346 штук;

---

[1] „Коми-му“, № 22, стр. 31—32.

[2] И. Кутькин, указанная статья. „Большевистская Мысль“, 1931 г., № 10—11.

боронжелезных, культиваторов и окучников — 2183 штуки; рядовых сеялок—237 штук; сенокосилок и конных граблей 507 штук; жнеек—63 штуки; молотилок 613 штук; веялок—674 штуки триеров и сортировок 404 штуки; соломорезок—599 штук, льномялок—389 штук.

Наличные запасы машин и орудий в данное время обеспечивают обработку земли плугами на 85%, посев рядовыми сеялками не менее 24% всей посевной площади, сортирование семян на 100%, охват луговых уборочных работ машинами до 35—40% площади луговых колхозов".[1]

О развитии лесозаготовок и о значении этой отрасли промышленности для края — говорилось выше. Это главная магистраль движения Коми к социализму, и трудовые массы поняли такое значение лесного дела, повышая из года в год производительность труда, развивая социалистические формы труда — соцсоревнование и ударничество. Область твердо помнит, что по заданию ЦК она должна дать к концу пятилетки вместе со всем Северным Краем 65 млн. кубометров древесины; каждый трудящийся знает, что от невыполнения этого плана срываются валютные наметки, срывается строительство ряда заводов, и каждый удесятеряет энергию, стремясь с честью выполнить задачу на своем участке. Победы коми на лесном фронте когда-нибудь будут воспеты местными писателями и поэтами, как величайший подвиг трудовых масс области.

Развивая свое хозяйство и делая его все более социалистическим, вырывая массы из вековой нищеты и невежества, ликвидируя неграмотность, расширяя школьную сеть, сеть клубов, театров, библиотек, догоняя более передовые в культурном отношении народы, строя свою культуру, национальную по форме, но социалистическую по содержанию, Коми-область являет собой образец социалистического преобразования народа, стоявшего на докапиталистической стадии развития и получившего возможность после победы российского пролетариата миновать в своем развитии капитализм.

Сейчас, заканчивая первую пятилетку, Коми-область живет уже энтузиазмом второй.

Со второй пятилеткой у Коми связаны самые радужные надежды и перспективы; она сулит превратить их глухой северо-восток в индустриальный край.

Если первая пятилетка дала области развитие лесной промышленности, коллективизацию и железную дорогу Пинюг— Устьсысольск, то вторая даст разработку ухтинской нефти, печорского угля и железнодорожную линию Москва — Ухта. Понятно, поэтому то нетерпение, с которым коми ждут начала, чтобы приступить к выполнению второго пятилетнего плана.

---

[1] „Десять лет социалистического строительства Автономной области Коми, стр. 83.

Идя в ногу с российским пролетариатом в первый период социалистического строительства, успешно подрывая корни капитализма, и внося немалую лепту в закладку фундамента социализма, трудящиеся зыряне, под руководством пролетариата, с таким же успехом пойдут по пути окончательного уничтожения остатков капитализма и вместе со всей страной вступят в бесклассовое общество.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Вступление	3
1. Биармия	17
2. К вопросу о происхождении коми	17
3. Древняя культура коми и еще раз Биармия	30
4. Общественные формы у коми до русского владычества	43
5. Покорение коми	59
6. Коми как колония	71
7. Элементы самобытности в истории коми	95
8. Социалистическая революция и гражданская война в Коми-области	119
9. Коми в борьбе за социализм	154

Отв. редактор И. М. Троцкий. Техн. редактор С. Сухих.
Книга сдана в набор 15/IX 1932 г. Подписана к печати 19/X 1932 г.
Партиздат № 1009. Тираж 5000 экз. Ленгорлит № 57490. Заказ № 8212.
Бум. 62×94 см. 11½ л. (49716 тип. знак. на 1 л. Бум. листов 5¾.

Издательство ЦК ВКП(б) Партиздат

Ленинградское отделение

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

Октябрь в Петрограде
СБОРНИК СТАТЕЙ

Гришин. Меньшевики и Октябрьская революция

Лидак. 1917 год

Путиловец в трех революциях

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ МАГАЗИНЕ ПАРТИЗДАТА, ПР. 25 ОКТЯБРЯ, Д. № 52, В КИОСКАХ РАЙКОМОВ ВКП(б), В МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ЛЕНОКОГИ

